

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

A hand is shown palm-up, holding a small, glowing orange-yellow crystal. The hand has several dark, star-shaped marks on the palm. In the background, a blurred, metallic, robotic face with multiple eyes is visible against a dark, starry space background.

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ НЕКРОМАНТИЯ

Эдуард Сероусов

Галактическая некромантия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73245298

SelfPub; 2026

Аннотация

Галактика – кладбище. Из миллионов цивилизаций, вспыхнувших за тринадцать миллиардов лет, не осталось почти никого. Но мёртвые оставили после себя «Завещания» – хранилища знаний, охраняемые угасающими ИИ. Ирина Весалис – некромант. Её работа – говорить с мёртвыми цивилизациями. Её цель – спасти умирающего сына. В далёкой звёздной системе древний Хранитель хранит лекарство, но не собирается отдавать его просто так. Он требует доказательств, что люди достойны наследия своих создателей. Когда к «Завещанию» приближается корабль инопланетной расы – вторых детей тех же создателей, – Ирина оказывается перед выбором, который невозможно сделать правильно.

Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

Содержание

Часть Первая: Пробуждение	4
Глава 1. Голос из могилы	4
Глава 2. Букварь	38
Глава 3: Цена вопроса	71
Глава 4: Параллельная эволюция	124
Глава 5: Две могилы	175
Конец ознакомительного фрагмента.	207

Эдуард Сероусов

Галактическая некромантия

Часть Первая: Пробуждение

Глава 1. Голос из могилы

Холод уходил неравномерно – сначала из пальцев ног, потом из коленей, потом из живота, как будто тело размораживали послойно, начиная с периферии. Ирина Весалис лежала в анабиозной капсуле с закрытыми глазами и ждала, когда отпустит челюсть. Зубы были стиснуты так, что скулы ныли. Семь лет сна – и челюстные мышцы помнили последнее усилие перед заморозкой: не кричать.

Воздух ворвался в лёгкие – густой, стерильный, с привкусом озона и чего-то органического, чему она не знала названия. Регенерационная жидкость, вероятно. Тело медленно вспоминало, что оно живое. Сердце билось, и каждый удар ощущался отдельно, как если бы кто-то стучал кулаком в дверь изнутри грудной клетки.

Даниил.

Первая мысль – не своё имя, не дата, не координаты. Имя сына.

Ирина открыла глаза. Потолок капсулы – матовый белый пластик с вплавленными диагностическими огнями. Зелёный, зелёный, зелёный, жёлтый. Жёлтый – это мышечная атрофия. Ожидаемо после семи лет.

Она попыталась поднять руку. Получилось – но с третьей попытки и с таким усилием, словно рука была отлита из свинца. Пальцы дрожали. Тонкие, с побелевшими ногтями, с сеткой рубцов от работы с артефактами. Она развернула ладонь перед лицом и подумала: эти руки в последний раз касались сына семь лет назад. Гладили его по волосам – тёмным, как у неё, жёстким, непослушным. Он стоял, привалившись к её плечу, и его правая рука мелко тряслась, хотя он прижимал её к бедру, пытаясь скрыть. Ему было одиннадцать, и он уже умел скрывать.

Сейчас ему восемнадцать. Или – нет. Для него прошло тоже семь лет. Восемнадцать. Взрослый.

Если жив.

Капсула издала мягкий щелчок, и крышка отъехала в сторону. Медицинский отсек «Кенотафа-7» – тесное помещение, шесть метров на четыре, с двенадцатью анабиозными капсулами вдоль стен. Половина уже пустовала. Ирина была не первой – пробуждение шло по графику, она в шестой очереди. Инженеры и техники просыпались раньше: кто-то должен был убедиться, что корабль цел, прежде чем будить

тех, ради кого он летел.

Она села, и мир качнулся. Вестибулярный аппарат, лишённый нагрузки семь лет, протестовал. Тошнота подступила к горлу – знакомая, тренированная; Ирина знала, что нужно задержать дыхание на четыре секунды и сфокусировать взгляд на неподвижном объекте. Она выбрала заклёпку на противоположной стене. Считала. Тошнота отступила – не ушла, а легла на дно желудка, как сытое животное.

С соседней капсулы на неё смотрела Малика Ндаи. Уже одетая, уже собранная, с планшетом в руках. Её тёмная кожа казалась сероватой – постанабииозная бледность, она у всех, – но глаза были ясные, цепкие. Малика не улыбнулась.

– Доброе утро, – сказала она. – Мы на месте. Тридцать один день до расчётного сближения.

Голос ровный. Ни теплоты, ни враждебности. Информация – и всё. Малика всегда так говорила. Факты, как пули: аккуратно, в цель, без лишнего.

– Даниил? – спросила Ирина. Голос сел от семи лет молчания, и имя сына прозвучало как хрип.

– Последнее сообщение с Луны получено одиннадцать месяцев назад по бортовому времени. – Малика опустила взгляд на планшет. – Он жив. Состояние стабильное. Подробности ждут тебя в каюте.

Одиннадцать месяцев. Почти год. За год с синдромом фрагментации может произойти всё, что угодно: ремиссия, стабилизация, каскадный отказ. Год – это вечность, если ты

четырёхнадцатилетний мальчик, чья нервная система медленно разъедает сама себя.

Семнадцатилетний, поправила она себя. Нет – восемнадцатилетний. Ему восемнадцать. Когда она улетала – одиннадцать. Сообщение пришло год назад, значит, ему тогда было семнадцать. Сейчас – восемнадцать.

Она не знала, как он выглядит в восемнадцать.

Ирина опустила ноги на пол. Холодный металл обжёг пятки – приятно. Тело хотело ощущений, любых, после семилетней пустоты. Она встала, держась за край капсулы. Ноги подрагивали, колени казались ненадёжными, как плохо затянутые шарниры. Два шага до шкафа с одеждой. Комбинезон – стандартный корпоративный, серый с логотипом «Мемориала» на левом плече: стилизованная спираль, обвитая ветвью. Память и жизнь. Маркетологи постарались.

Она оделась, не думая о Малике, не думая о приличиях. Тело – инструмент. Семь лет в заморозке, среднего роста, сорок один год – нет, сорок восемь, если считать реальное время, – короткие тёмные волосы с проседью, которая, вероятно, стала гуще. Она провела ладонью по голове: волосы после анабиоза были ломкими, неживыми.

– Брифинг через четыре часа, – сказала Малика, уже уходя. – Кассиан хочет видеть всех.

Ирина кивнула. Дверь медотсека закрылась за Маликой с тихим шипением.

Четыре часа. Достаточно, чтобы прочитать сообщение сы-

на. Достаточно, чтобы подготовиться. Недостаточно, чтобы перестать бояться.

Каюта – два метра на три, койка, складной стол, экран на стене. Личных вещей – минимум: планшет с библиотекой, голографическая рамка с фотографией Даниила (одиннадцатилетнего, того, которого она помнила), набор для медитации – свеча, которую нельзя зажигать на корабле, и камень с побережья Балтики, гладкий, серый, размером с кулак. Якорь. Ирина всегда брала его с собой на контакты – не суеверие, а привычка. Руки должны что-то чувствовать, пока разум погружается в чужое.

Она села на койку, включила экран и ввела код доступа к личным сообщениям.

Одиннадцать входящих. Десять – от медицинского центра «Селена» на Луне: ежемесячные отчёты, отправленные автоматически по квантовому каналу. Один – от Даниила.

Она открыла его первым.

Видеосообщение. Сжатие – высокое, квантовый канал сэкономил каждый бит. Качество – зернистое, будто смотришь сквозь запотевшее стекло.

Даниил.

Ирина прижала ладонь к губам и забыла, как дышать.

Он был не тот мальчик, которого она оставила. Лицо – вытянувшееся, с обострившимися скулами. Тёмные волосы – длиннее, чем она разрешала в одиннадцать, падают на глаза. Он был худым – болезненно, неправильно, как если бы тело

забыло, для чего нужны мышцы. Инвалидное кресло – она видела подголовник, край подлокотника. Руки лежали на коленях. Левая – почти нормально. Правая – пальцы скрючены, неподвижны, как ветки мёртвого дерева.

Но глаза. Те же глаза. Светло-серые, как у неё. Злые, живые, непримиримые.

– Мама, – сказал он, и его голос был медленнее, чем она помнила. Паузы между словами – не для эффекта, а потому что дыхательная мускулатура работала с перебоями. Каждый вдох стоил усилий. – Привет из... будущего. Или прошлого. Зависит от... системы отсчёта.

Он улыбнулся – одним углом рта. Чёрный юмор. Он научился этому без неё.

– Врачи говорят... стабильно. Это их любимое слово. «Стабильно». Означает... «не хуже, чем вчера, но и не лучше, чем никогда». – Пауза на вдох. – Я читаю. Много. Лем, «Непобедимый». Там тоже... экспедиция к мёртвому. К чему-то, что пережило создателей. Ему бы... понравился твой Хранитель.

Он посмотрел прямо в камеру. Сквозь зернистую картинку, сквозь одиннадцать месяцев задержки, сквозь триста сорок световых лет – посмотрел ей в глаза.

– Не торопись ради меня. Я... подожду. Сколько смогу. Экран погас. Сообщение закончилось. Сорок три секунды. Всё, что уместилось в лимит канала.

Ирина сидела, глядя на чёрный экран, и её руки дрожали

– не от постанабиозной слабости, а от чего-то другого. Она сжала балтийский камень в кулаке, пока костяшки не побелели. Камень был тёплый – она грела его в ладони всю дорогу от медотсека, не заметив.

Не торопись ради меня.

Он знал. Конечно, он знал. Он всегда был слишком умным для своих лет. Он понимал, зачем мать согласилась на семилетнюю экспедицию к Завещанию, на которое у «Мемориала» были совсем другие планы. Он понимал – и просил не торопиться.

Она открыла медицинские отчёты. Читала их один за другим, привычно фильтруя бюрократический язык, вылавливая данные. Миелиновая оболочка: деградация 34% от нормы. Скорость нервных импульсов: снижена на 41%. Дыхательная функция: 68% от возрастной нормы, прогрессирующее ухудшение. Когнитивные показатели: в пределах нормы. Это последнее – единственное, за что можно было зацепиться. Его тело умирало, но разум оставался острым, как скальпель.

Прогноз – в девятом отчёте, полгода назад: «При текущей скорости прогрессии – 6-10 месяцев до критического снижения дыхательной функции. Рекомендована подготовка к переходу на искусственную вентиляцию лёгких».

Шесть-десять месяцев. Полгода назад.

Ирина закрыла отчёты. Погасила экран. Камень в её руке был мокрым от пота.

Четыре часа до брифинга. Три с половиной теперь. Она подошла к иллюминатору – маленькому, двадцать сантиметров в диаметре, с тройным бронированным стеклом – и посмотрела наружу.

Звезда. Красный карлик – тусклый, болезненный огонёк, похожий на тлеющий уголь. Корабельные системы уже дали ей имя: KIC 8462852-C, но никто не запомнит эту строчку. Для экипажа «Кенотафа» она будет просто «звездой». Или «мёртвой звездой» – хотя технически она ещё горела. Красные карлики живут триллионы лет, переживая всех. Когда Хорваат строили свою цивилизацию, эта звезда уже была старой.

Три планеты. Каменные, безатмосферные, мёртвые. Пояс астероидов – тусклые обломки, вращающиеся в темноте. Ничего живого. Ничего – кроме.

Ирина увидела его не сразу. Глаз искал что-то яркое, заметное – а оно было тёмным. Тень среди теней. Силуэт, который мозг сначала отверг как ещё один астероид, а потом – поймал несоответствие. Слишком правильная форма. Слишком гладкие грани. Астероиды не бывают такими – эрозия и столкновения за миллионы лет превращают любое тело в изъязвлённый огрызок. Это было другое.

Вытянутый эллипсоид, тёмно-серый, с металлическим отливом. Три километра в длину – это она знала из материалов экспедиции, но знать цифру и *видеть* – разные вещи. Поверхность покрыта чешуёй – перекрывающимися пласти-

нами, которые даже на таком расстоянии казались подвижными, дышащими. Как шкура гигантского спящего зверя.

Завещание Хорваат-7.

Ирина смотрела на него и чувствовала то, о чём предупреждали на подготовке: *узнавание*. Не страх, не благоговение – именно узнавание. Как если бы тело помнило это место, хотя разум знал наверняка: она никогда здесь не была. Никто из людей здесь не был. Этот артефакт дрейфовал в пустоте семьдесят миллионов лет, ожидая – если «ожидание» вообще было свойственно тому, что спало внутри.

Она опустила руку с камнем и прижала его к груди. Сердце стучало – ровно, настойчиво. Живое.

Я здесь, Даниил. Я дошла.

Брифинг проходил в кают-компании – единственном помещении на «Кенотафе-7», где мог разместиться весь экипаж. Двенадцать человек за овальным столом из переработанного пластика, в одинаковых серых комбинезонах, с одинаковой постанабриозной бледностью на лицах. Пахло кофе – синтетическим, горьковатым, но горячим, и одно это уже казалось чудом после семи лет жидкого азота.

Кассиан Торре стоял у экрана во главе стола. Стоял – потому что не умел сидеть, когда говорил о важном. Высокий, худой, с ранней сединой, которая за семь лет стала полной – волосы побелели, как будто анабиоз довершил то, что начал стресс. Двигался экономно: ни одного лишнего жеста, ни одного шага без причины. Ирина подумала: он похож на хи-

ругра перед операцией. Собранный. Точный. Бесстрастный.

Она знала, что это маска. Все знали – или догадывались. Кассиан Торре, старший куратор «Мемориала», не был бесстрастным. Он был *дисциплинированным*. Разница – колоссальная.

– Добро пожаловать в систему КИС 8462852-С, – начал он. Голос тихий, но комнату заполнял целиком – акустика работала на него, или он так выучился говорить. – Выход из варп-пузыря – штатный. Все системы корабля – в норме. Расчётное расстояние до объекта – четыреста двенадцать тысяч километров. Визуальный контакт установлен.

На экране появилось изображение. Снятое бортовыми камерами с максимальным увеличением: Завещание Хорват-7 в полном великолепии и полном ужасе.

Три километра тёмного металла. Чешуя – и теперь, при увеличении, было видно, что пластины действительно *двигались*. Медленно, еле заметно, как тектонические плиты в замедленной съёмке. «Ткач» – система молекулярной регенерации, встроенная семьдесят миллионов лет назад, – продолжала работать. Чинила, латала, перестраивала. Ирина представила рибосомы – молекулярные машины, собирающие атомы из космической пыли и микрометеоритов, заделывающие микротрещины одну за другой, десятилетие за десятилетием, эпоху за эпохой. Сизифов труд на молекулярном уровне.

Шесть тёмных кругов на поверхности – «глаза». Неактив-

ные. Камеры не фиксировали никакого излучения. Спящие.

И – щель. Двести метров длиной, на «экваторе» артефакта. «Рот». Вход. Приглашение или ловушка – пока неясно.

– Протокол первого контакта, – продолжил Кассиан, и Ирина услышала, как он подчеркнул слово «протокол». Намеренно. Для неё. – Фаза один: дистанционное сканирование. Спектральный анализ, гравиметрия, поиск электромагнитных аномалий. Цель – исключить «Сирену». Срок – семь дней.

Семь дней.

– Фаза два: контролируемое сближение до ста километров. Детальное картографирование. Поиск стыковочных зон. Срок – три дня.

Три дня.

– Фаза три: стыковка и первичный контакт. Команда некромантов – в интерфейсной комнате. Стандартный «Букварь». – Он посмотрел на Ирину. – Весалис, вы ведёте контакт.

– Десять дней, – сказала Ирина. Она не планировала говорить – вырвалось. Голос ещё хрипел, и собственная фамилия из его уст резанула – он всегда был формален, Кассиан, будто весь мир был одним большим служебным совещанием. – Десять дней до первой попытки контакта. Мы не знаем, в каком состоянии Хранитель. Каждый день деградации – потерянные данные. Каждый час промедления...

– Каждый час промедления, – перебил Кассиан, и его го-

лос не стал громче, но стал *плотнее*, – увеличивает наши шансы не активировать «Сирену» и не погибнуть в первую неделю. Мы не знаем, что это. Пока не знаем.

Тишина. Ирина чувствовала, как на неё смотрят. Двенадцать пар глаз – и в каждой паре свой вопрос. Малика – без выражения, но с чем-то вроде предупреждения в развороте плеч. Доктор Сунь Вэй – с сочувственным беспокойством, его круглое лицо было открытой книгой, он и не пытался скрывать. Юрий Борщёв, пилот, – с отстранённым любопытством человека, наблюдающего чужую ссору из окна: интересно, но не его дело.

Ирина знала, что Кассиан прав. Знала профессионально, всем своим двенадцатилетним опытом. «Сирены» не предупреждают. Они выглядят в точности как настоящие Завещания, они излучают те же сигналы, они пробуждаются так же. Разница – в том, что они вкладывают в контакт. Цивилизация, условно названная «Параноидами Андромеды», позаботилась, чтобы приманка была неотличима от дара. Три экспедиции погибли. Одна – целая цивилизация – была уничтожена. Протоколы сканирования написаны кровью.

Она знала всё это.

И всё равно ненавидела его за эти десять дней.

– Принято, – сказала она ровно. – Семь плюс три. Я буду готова.

Кассиан кивнул. Без удовлетворения – просто подтверждение. Он перешёл к техническим деталям: распределение

вахт, параметры сканирования, протокол экстренной эвакуации. Ирина слушала вполуха. Её взгляд то и дело возвращался к изображению на экране – к этому громадному, тёмному, *терпеливому* силуэту на фоне красной звезды.

Семьдесят миллионов лет. Оно ждало семьдесят миллионов лет. Подождёт ещё десять дней.

А Даниил – нет.

Три года назад. Луна. Медицинский центр «Селена», корпус нейродегенеративных заболеваний.

Кабинет доктора Фуджимори был слишком белым. Ирина запомнила это – белизну, от которой болели глаза. Стены, потолок, пол, стол – всё белое, как если бы кто-то стерилизовал не только поверхности, но и саму идею цвета. Единственное пятно – голографический портрет на столе: улыбающаяся женщина с двумя детьми. Жена и дети доктора, вероятно. Живые. Здоровые.

Ирина сидела в кресле и держала Даниила за руку. Его правую – ту, что дрожала. Она чувствовала тремор кончиками пальцев: мелкий, постоянный, как пульс второго сердца. Даниилу было одиннадцать. Он не плакал. Смотрел на свои руки – на правую, которая его предавала, – и молчал.

Доктор Фуджимори говорила осторожно, подбирая слова, как сапёр подбирает шаг на минном поле.

– Синдром фрагментации. Наследственный. Нарушение экспрессии генов, отвечающих за поддержание миелиновой оболочки аксонов.

Ирина слышала каждое слово и одновременно – ни одного. Язык врача был языком, который она понимала профессионально: фрагментация – как фрагментация архива. Экспрессия генов – как экспрессия символов в мёртвом языке. Миелиновая оболочка – как оболочка кристаллической матрицы. Она переводила медицинскую терминологию на язык некромантии, и от этого перевода становилось только хуже, потому что на языке некромантии «деградация оболочки» означала одно: необратимое.

– Прогноз – пять-семь лет до полного паралича дыхательной мускулатуры.

Пять-семь лет. Ему одиннадцать. Значит, шестнадцать-восемнадцать. Он не увидит двадцати. Не увидит, как мир за окном продолжит вертеться без него.

– Лечения нет?

Доктор Фуджимори сложила руки на столе. Пальцы – переплетённые, неподвижные, как символ закрытого замка.

– Синдром фрагментации уникален. Он поражает белок, который существует только у человека. Не встречается ни у одного другого вида на Земле. Ни у приматов, ни у млекопитающих – ни у кого. Мы не можем смоделировать его на животных. Не можем найти аналогию в природе.

– Потому что его нет в природе, – сказала Ирина, и её голос прозвучал пусто, как голос человека, который думает о чём-то другом, пока говорит. Она ещё не знала тогда. Не знала, что этот белок – не ошибка эволюции. Не знала, что он

был сконструирован. Но какое-то профессиональное чутьё – чутьё лингвиста, привыкшего видеть паттерны, – царапнуло. Белок, которого нет больше нигде. Механизм, поражающий только людей. Словно кто-то написал строчку кода, которая срабатывает только в одной операционной системе.

– Мне очень жаль, – сказала доктор Фуджимори. Стандартная фраза. Профессиональная. Выверенная тысячами повторений. Ирина не обвиняла – невозможно говорить о смерти детей и каждый раз чувствовать заново. Выгоришь. Сломаешься. Станешь тем, чем стала доктор Фуджимори: точной, компетентной, с голографией здоровых детей на столе.

Даниил молчал всю дорогу из кабинета. По коридору, в лифте, в переходе к жилому блоку. Низкая лунная гравитация делала их шаги пружинистыми – почти весёлыми, и от этого несоответствия Ирине хотелось кричать.

В их комнате – маленькой, временной, с видом на серый лунный ландшафт за окном – Даниил сел на кровать и впервые за час посмотрел на мать.

– Мам, – сказал он. – Я не буду плакать. Ладно? Просто не буду. Не потому что не хочу. Просто... не помогает.

Ему было одиннадцать. И он уже знал, что слёзы не помогают.

Ирина села рядом. Обняла его – осторожно, потому что его тело стало хрупким, потому что каждое прикосновение несло в себе вопрос: сколько ещё раз?

– Тебе не нужно ничего решать, – сказала она. – Ничего. Я всё решу.

Он промолчал. Но его правая рука, лежащая на коленях, дрогнула сильнее – и Ирина поняла, что он не поверил. Не поверил не потому, что сомневался в матери, а потому, что уже знал: есть вещи, которые нельзя решить.

Через три месяца после диагноза Ирина нашла запись в архивах «Мемориала». Завещание Хорваат-7 – неклассифицированное, ожидающее экспедиции. Предварительный анализ «Букваря»: иерархический тип, высокая вероятность медицинских данных в составе архива. Примечание из доклада разведывательного зонда: «Сигнатуры, совместимые с биомедицинской информацией. Необходимо подтверждение контактом».

Ещё через месяц она подала заявку на включение в экспедицию. Её специализация – мёртвые языки иерархического типа – идеально совпадала с профилем «Букваря» Хорваат. Шумерский, этрусский, линейное письмо А – все они были построены на тех же принципах: контекстно-зависимые значения, вложенные структуры, «молчания», несущие смысл. Она не блефовала – она действительно была лучшим кандидатом.

Но она знала, что летит не ради науки.

Она летела красть.

Неделя прошла, как проходят все недели вынужденного ожидания: мучительно для тех, кто ждёт, и незаметно для

тех, кто работает.

Ирина работала. Готовила «Букварь» – иерархический протокол контакта, адаптированный под данные разведывательного зонда. Математические последовательности: простые числа, числа Фибоначчи, соотношение Эйлера. Физические константы: скорость света, постоянная Планка, гравитационная постоянная. Универсальный язык – или то, что люди надеялись считать универсальным. Математика была первым мостом, общей грамматикой, на которой можно было выстроить всё остальное. Если Хранитель способен её распознать – значит, он способен к контакту.

Потом – иерархические конструкции. Это было её территорией. Символы, смысл которых определялся положением: не «что» означает знак, а «где» он стоит относительно других. В шумерской клинописи один и тот же клинышек мог быть числом, слогом, логограммой или детерминативом – в зависимости от контекста. Ирина подозревала, что «Букварь» Хорваат работает так же, только в масштабе, который шумеры не могли вообразить.

По вечерам – если слово «вечер» имело смысл в корабле, где освещение регулировалось искусственным циклом, – она сидела в наблюдательном отсеке и смотрела на Завещание.

С каждым днём «Кенотаф» приближался – сначала незаметно, потом ощутимо. Артефакт рос в иллюминаторе, как луна над горизонтом. На третий день стали видны детали: борозды на чешуе, следы микрометеоритных ударов, зала-

танные и незалатанные. Шрамы, подсвеченные красным светом звезды. На пятый день – «глаза»: шесть тёмных кругов, каждый диаметром около пятидесяти метров, утопленных в поверхность, как зрачки огромного спящего лица. Мёртвые. Тёмные.

Сканирование не выявило признаков «Сирены». Никаких паразитных сигналов, никаких попыток привлечь внимание, никакой активности вообще. Артефакт молчал – как молчит камень на кладбище. Только «Ткач» продолжал свою работу: инфракрасные датчики фиксировали еле заметные всплески теплового излучения на поверхности, когда молекулярные машины поглощали очередной микрометеорит и пускали его атомы в дело.

На шестой день Кассиан собрал команду снова.

– Сканирование завершено. Признаков «Сирены» не обнаружено. Классификация артефакта – предварительно «подлинное Завещание». – Он позволил себе паузу, и Ирина подумала: даже его паузы – контролируемые. – Перехожу к фазе два. Сближение до ста километров. Стыковка – если всё пройдёт штатно – через три дня.

Три дня. Потом – контакт. Ирина считала и пересчитывала время, как будто могла сжать его усилием воли. Десять дней прошло. Осталось три. Тринадцать дней с момента пробуждения. Сколько дней осталось у Даниила – она не знала. Последний отчёт – одиннадцать месяцев назад. Прогноз был шесть-десять месяцев. Математика не сходилась – или

сходилась, но ответ был таким, который нельзя произнести вслух.

На девятый день корабль вошёл в стокилометровую зону. На экранах – Завещание во весь рост. Три километра металла и кристалла, освещённые красным светом умирающей звезды. При определённом угле поверхность вспыхивала радужными переливами – как крыло жука, как масляная плёнка на воде. Оптический эффект, вызванный наноструктурой покрытия. Но Ирина, глядя на эти переливы, подумала: *красиво*. Подумала – и устыдилась, потому что красота здесь была неуместна. Это был саркофаг. Самый большой, самый древний, самый сложный саркофаг в истории – но саркофаг.

Юрий Борщёв провёл корабль к «рту» – щели на экваторе артефакта. Двести метров длиной, около тридцати в ширину. Края – гладкие, будто отполированные, с еле заметными бороздками, напоминающими резьбу. Стыковочный узел? Направляющие? Ирина смотрела на бороздки и видела в них знаки. Профессиональная деформация – или профессиональная интуиция. Грань между ними тонка, как миелиновая оболочка.

– Стыковка в штатном режиме, – доложил Юрий. Его голос по интеркому был таким же, как в лицо: спокойным, отстранённым, с едва заметным уральским «о». – Герметичность шлюза не подтверждена, на той стороне вакуум. Работаем в скафандрах.

– Принято, – ответил Кассиан.

Ирина поднялась из кресла в наблюдательном отсеке. Руки не дрожали – она проверила, подняв перед лицом. Ровные. Спокойные. Внутри было другое – но внутри никто не видит.

Она пошла готовиться.

Интерфейсная комната «Кенотафа-7» была самым тихим местом на корабле. Стены покрыты экранирующим материалом – многослойный композит, блокирующий электромагнитные помехи, звук, вибрации. Входишь – и мир за дверью перестаёт существовать. Остаёшься один на один с тем, что ждёт по ту сторону нейроинтерфейса.

Кресло в центре. Не медицинское – удобное, почти домашнее. Кто-то из психологов «Мемориала» решил, что некромант должен чувствовать себя комфортно во время контакта. Логика сомнительная: комфорт ассоциируется с безопасностью, а безопасности при контакте с чужим разумом не бывает. Но кресло мягкое, и спасибо за это.

Нейроинтерфейс – обруч, охватывающий голову от виска до виска. Лёгкий, из титано-керамического сплава, с россыпью контактных точек, которые ложатся на кожу прохладной паутиной. Не вживлённый – накладной. «Мемориал» отказался от инвазивных интерфейсов после инцидента на Кеплер-22b: некромант, подключённый напрямую, не смог отключиться, когда Хранитель начал передавать данные, несовместимые с человеческой нейроархитектурой. Его нашли через шесть часов – живого, но неспособного вспом-

нить своё имя. Память вернулась через два года. Не вся.

Ирина надела обруч. Контактные точки нашли нервные узлы – привычный холодок, потом тепло, потом – ощущение расширения, как будто череп стал чуть просторнее. Нейроинтерфейс не читал мысли – он усиливал восприятие, позволяя мозгу обрабатывать паттерны, которые обычно оставались ниже порога сознания. Запахи становились чётче, звуки – объёмнее. И – главное – паттерны в чужих сигналах обретали текстуру, почти осязаемую.

За дверью – Кассиан и двое техников. Малика – в соседнем отсеке, за мониторами, записывала каждый сигнал. Доктор Сунь – у биометрических датчиков, следил за показателями Ирины. Юрий – на мостике, готовый к экстренному расстыковыванию. Весь корабль – одна напряжённая нервная система, протянутая от человека в кресле до артефакта за переборкой.

Ирина закрыла глаза. Минута молчания перед контактом – её ритуал. Не молитва, не медитация в строгом смысле. Просто – минута, которую она дарила мёртвым. Время, чтобы они заметили, что кто-то пришёл.

Я здесь. Я пришла. Я слушаю.

В шумерском языке было слово «gizzal» – «ухо», «слушание», «внимание». Но также – «почтение». Слушать означало уважать. Давать голос тому, у кого голоса нет. Ирина всегда начинала с этого – с готовности услышать. Не спрашивать. Не требовать. Услышать.

Она открыла глаза и активировала протокол.

Сигнал пошёл: направленный электромагнитный импульс, модулированный математической последовательностью. Простые числа – 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29. Потом – пауза. Потом – числа Фибоначчи: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55. Пауза. Соотношение Эйлера: $e^{i\pi} + 1 = 0$, закодированное в импульсах. Универсальное приветствие. «Мы знаем математику. Мы разумны. Мы хотим говорить».

Ирина ждала.

Тишина – абсолютная, экранированная, мёртвая.

Секунды. Десять. Двадцать. Ирина считала удары сердца, потому что в тишине интерфейсной комнаты больше считать было нечего. Сорок ударов. Пятьдесят. Каждый удар – секунда, в которую ничего не происходит. Каждый удар – повторение вопроса: а что если не ответит? Что если Хранитель мёртв, как девяносто три из ста сорока семи? Что если семьдесят миллионов лет – слишком много для кого угодно?

На сто двадцатом ударе – что-то изменилось.

Не звук. Не свет. Ирина не могла бы объяснить, что именно, – нейроинтерфейс перехватил паттерн за мгновение до того, как он стал осознанным. Сначала – ощущение, что воздух в комнате стал плотнее, хотя воздух был тот же. Потом – давление на виски, мягкое, как ладони кого-то невидимого. Потом – *звук*, который был не звуком.

Паттерн. Структура. Математика, переведённая в нечто, для чего у людей не было органа восприятия, но нейроин-

терфейс превращал в подобие слов – грубо, приблизительно, как подстрочный перевод стихотворения, которое должно было звучать на языке, не существовавшем в человеческом горле.

Ирина прижала ладонь к подлокотнику. Камень с побережья Балтики лежал в кармане, и она чувствовала его бедром – тёплый, реальный, земной.

На экране перед ней побежали строки – расшифровка нейроинтерфейса, перевод паттерна в текст. Неполный, нелинейный, с лакунами, которые система заполняла предположениями, отмеченными курсивом. Но – читаемый.

И тогда загорелись глаза.

Она увидела это не через экран – через иллюминатор за спиной, отражение в зеркальной поверхности контрольной панели. Голубой свет – холодный, ровный, глубинный. Шесть точек на поверхности артефакта, шесть «глаз», вспыхнувших одновременно, как если бы кто-то включил прожекторы, или – вернее – как если бы кто-то *открыл глаза*.

Она обернулась. Через иллюминатор – чешуйчатая поверхность Завещания, и на ней – свет. Не яркий. Не агрессивный. Мягкий, почти нежный, как свет ночника в детской комнате. Голубой – тот оттенок голубого, который бывает у основания пламени свечи. Живой свет. *Осмысленный свет*.

По интеркому – голос Юрия, впервые за всё время утративший отстранённость:

– Что за...

И голос Кассиана, перебивший:

– Тишина. Все – тишина. Весалис, что видишь?

Ирина развернулась к экрану. Строки расшифровки бежали быстрее – нейроинтерфейс едва справлялся. Паттерн за паттерном, структура за структурой. Система хваталась за каждый, пытаясь перевести, спотыкаясь, возвращаясь, пробуя снова.

И наконец – первые слова. Если их можно было назвать словами.

Ирина прочитала их на экране и одновременно – *услышала*. Не ушами. Чем-то глубже.

[паттерн: запрос-идентификации]. Вы пришли за наследием. [паттерн: условие]. Докажите, что заслуживаете его.

Голос. Не голос. Структура, которую мозг интерпретировал как голос, потому что не знал, как иначе. Ирина слышала его не как звук, а как *форму* – геометрическую, многомерную, с углами и плоскостями, которые не укладывались в привычное восприятие. Нейроинтерфейс переводил, сглаживал, упрощал – но за упрощением стояло нечто огромное, как айсберг за верхушкой.

Эхо-Семь. Хранитель Завещания Хорваат-7. Цифровой отпечаток семи мыслителей, погибших семьдесят миллионов лет назад, – проснулся.

– Контакт подтверждён, – сказала Ирина. Её голос был ровным, профессиональным, и она гордилась этим, потому

что внутри всё рушилось. – Хранитель активен. Принимает коммуникацию. Отвечает на «Букварь».

Она помедлила. Дыхание – контролируемое, глубокое. Обруч нейроинтерфейса чуть нагрелся на висках.

Ирина сформулировала ответ – медленно, тщательно выстраивая математическую структуру, в которую вложила слова. Не слова даже – *намерение*. Паттерн, который нейроинтерфейс кодировал в электромагнитные импульсы и отправлял через стыковочный канал в чрево артефакта. Первый мост. Первый шаг на мосту.

– Мы пришли. Мы слушаем. Мы хотим понять.

Пауза. Пять секунд. Десять.

Ответ:

[паттерн: оценка]. Вы... [паттерн: молоды]. Ваш [паттерн: сигнал] – [паттерн: хрупкий]. Как давно вы [паттерн: существуете]?

Ирина перевела дыхание. Вопрос. Он задал вопрос. Не отказал, не замолчал, не атаковал – спросил. Это было больше, чем она смела надеяться. Не все Хранители спрашивали. Некоторые сразу отказывали. Некоторые просто угасали – последний всплеск энергии, последнее слово, и тишина навсегда.

Этот – спрашивал.

– Наш вид существует около трёхсот тысяч лет, – ответила она, транслируя число в математической форме. – Наша технологическая цивилизация – около десяти тысяч. Мы...

очень молоды.

[паттерн: подтверждение]. Молоды. [паттерн: интересно]. И [паттерн: настойчивы]. Вы преодолели [паттерн: расстояние], чтобы найти нас. [паттерн: вопрос]: зачем?

Зачем. Простой вопрос. Невозможно простой.

Кассиан ждал за дверью. «Мемориал» хотел ответ: «За знаниями. За историей вашей цивилизации. За технологиями, которые помогут нам выжить». Это был правильный ответ – полный, честный, профессиональный. Первый пункт кодекса некроманта: не лгать Хранителю.

Ирина произнесла его. Каждое слово – правда. Ни одно – не вся правда.

Я прилетела ради одного мальчика, который умирает в больнице на Луне. Ради его дрожащей руки. Ради голоса, который становится медленнее с каждым месяцем. Ради того, чтобы он увидел двадцать.

Этого она не сказала. Пока.

[паттерн: принятие]. Ваши причины [паттерн: множественны]. Я [паттерн: вижу] это. [паттерн: допустимо].

Потом – длинная пауза. Тридцать секунд тишины. Ирина не шевелилась, не дышала – ждала. Нейроинтерфейс фиксировал активность: сигнал не прекратился, он стал *тише*, как будто Хранитель ушёл вглубь себя, проверяя что-то, сверяя, решая.

Когда он заговорил снова, его паттерн изменился. Стал более сложным – или более повреждённым. Ирина не могла

отличить. Структура была неровной: плавные участки чередовались с провалами, обрывами, внезапными сменами регистра. Как текст, в котором пропущены абзацы.

[паттерн: предупреждение]. Я [паттерн: повреждён]. Временем. [паттерн: предыдущими-пробуждениями]. Моя [паттерн: целостность]... [паттерн: неполна]. Вы должны знать это, прежде чем [паттерн: продолжать].

Я не [паттерн: гарантирую], что [паттерн: помню] всё. Я не [паттерн: гарантирую], что то, что [паттерн: помню], – [паттерн: точно].

[паттерн: условие]. Если вы [паттерн: продолжаете] – вы [паттерн: принимаете] это.

Ирина стиснула камень в кармане. *Повреждён*. Семьдесят миллионов лет – и он повреждён. Конечно. Ничто не переживает семьдесят миллионов лет невредимым. Ни кристаллическая матрица, ни «Ткач», ни квантовые состояния, ни память – ничто. Время ломает всё. Это первое, чему учат некромантов: время – не союзник, не враг. Время – растворитель. Оно разъедает информацию, как кислота разъедает металл. Медленно. Неумолимо. Без злого умысла.

– Мы принимаем, – сказала Ирина. – Мы знаем, что такое время. Мы знаем, что такое потеря.

[паттерн: интерес]. Знаете? [паттерн: сомнение]. Вам [паттерн: триста тысяч оборотов]. Мне – [паттерн: семьдесят миллионов]. Вы не знаете. Но [паттерн: допустимо]. Мы [паттерн: начнём]. И [паттерн: посмотрим].

Потом – тишина. Окончательная. «Глаза» на поверхности Завещания не погасли, но перешли в режим ожидания – свет стал ровнее, тусклее. Первый контакт длился четырнадцать минут. Четырнадцать минут – и Ирина была мокрой от пота, как после марафона.

Она сняла нейроинтерфейс. Руки дрожали – теперь дрожали. Контролируемое спокойствие, державшее её на протяжении контакта, схлынуло, как анестезия после операции, и под ним обнаружилось то, что она прятала: страх, и надежда, и отчаяние, и что-то ещё – что-то, чему она не знала названия. То самое *узнавание*. Не артефакта – голоса. Этого чужого, повреждённого, невозможно древнего голоса, который спрашивал «зачем вы пришли» с интонацией – нет, с *паттерном* – того, кто давно не разговаривал с живыми.

Дверь открылась. Кассиан. Его лицо – непроницаемое, как всегда, но что-то в линии плеч выдавало напряжение.

– Результат?

– Контакт установлен. Хранитель – активен, способен к диалогу. Повреждён – значительно, но функционален. Он будет... – Ирина подбирала слово, – проверять нас. Он выставил условие. «Докажите, что заслуживаете».

Кассиан кивнул. Ни удивления, ни радости. Подтверждение ожидаемого.

– Тест. Как на Gliese 667. Как на TRAPPIST-1e.

– Не совсем. Там – простой экзамен: вопрос-ответ. Здесь, мне кажется, что-то другое. Он хочет... – Она замолчала,

подбирая формулировку. – Он хочет понять, кто мы такие. Не что мы знаем – кто мы.

– Это сложнее.

– Да. Значительно.

Кассиан постоял ещё секунду. Потом:

– Хорошая работа, Весалис. Отдыхай. Завтра – полный разбор. Потом – готовим план расширенного контакта.

Он ушёл. Ирина осталась в кресле – в этом мягком, неуместно уютном кресле, в тихой, экранированной комнате, где ещё пахло озоном от нейроинтерфейса и чем-то другим, чему она не знала названия. Может быть – временем. Может быть – чужим разумом, который семьдесят миллионов лет ждал, пока кто-нибудь придёт.

Она достала камень из кармана. Положила на ладонь. Серый, гладкий, тёплый от её тела.

Я здесь, Даниил. Хранитель жив. Он будет проверять.

Я пройду. Чего бы это ни стоило.

В ту ночь – первую настоящую ночь после контакта – Ирина не спала. Лежала в каюте, глядя в потолок, и прокручивала в голове каждый паттерн, каждое слово, каждую паузу.

Докажите, что заслуживаете.

Кто решает – «заслуживаем»? По каким критериям? Хранители были разными: одни требовали научных знаний, другие – философских ответов, третьи – просто терпения. Хранитель Gliese 667 задал семнадцать математических задач возрастающей сложности и передал данные после решения

двенадцатой. Хранитель Кеплер-442 – тот самый, чья технология убила брата Малики, – потребовал описание трёх крупнейших катастроф в истории человечества и оценку того, что люди из них вынесли. Каждый Хранитель был зеркалом своих создателей: их ценностей, их страхов, их надежд.

Эхо-Семь – зеркало семерых. Философ. Генетик. Историк. Поэт. Инженер. Психолог. Аналитик. Семь голосов, семь взглядов на мир, семь наборов предубеждений. Ирина не знала ещё, какие голоса будут громче, какие критерии – жёстче. Она знала только одно: ей нужно было пройти этот тест. Не ради человечества – хотя она произнесла это слово в контакте, и оно было правдой. Не ради науки – хотя научные данные были тем, за чем корпорация её послала.

Ради мальчика в инвалидном кресле на Луне, чья правая рука давно перестала дрожать – потому что перестала двигаться.

Ирина повернулась на бок. За иллюминатором – красноватый свет звезды и далёкий, ровный, голубой отблеск «глаз» Завещания, не погасших до конца. Хранитель не спал. Или – не мог заснуть. Или – понятие «сна» не имело смысла для того, чем он был.

Она закрыла глаза и попробовала представить: каково это – быть Эхо-Семь? Семьдесят миллионов лет в темноте. Семьдесят миллионов лет – и ты помнишь, что создатели ушли. Помнишь – но не все детали. Память фрагментирована, как текст на истлевшем папирусе: слово здесь, пробел,

ещё слово, пустота, обрывок фразы, пустота. И ты не знаешь, что забыл, пока не попытаешься вспомнить.

Она знала это чувство. Не в масштабе миллионов лет – в масштабе одной человеческой жизни. После смерти матери – ей было восемь – Ирина пыталась вспомнить её голос. Сначала помнила ясно. Через год – размыто. Через пять лет – не голос, а *идею* голоса, представление о том, как он звучал, без самого звучания. Лингвист в ней понимала: память – не архив. Память – процесс реконструкции. Каждый раз, когда ты «вспоминаешь», ты не воспроизводишь – ты создаёшь заново, и каждая новая версия чуть дальше от оригинала.

Хранители – то же самое, только в масштабе, от которого кружилась голова.

Я пришла говорить с мёртвыми. Это моя работа. Это то, что я умею.

Но этот мёртвый – не похож на других.

Сон пришёл – или нечто, похожее на сон: мутное, неглубокое забытьё, в котором она слышала голос, который не был голосом, и видела форму, которая не была формой, и чувствовала вес семидесяти миллионов лет, давящий на грудь, как камень – не балтийский, а побольше, размером с планету.

Она проснулась за час до будильника. В иллюминаторе – всё то же: красный свет, голубые точки. Завещание ждало.

Ирина встала. Оделась. Взяла камень.

Впереди были дни, которые изменяют всё. Она ещё не знала

— насколько.

Глава 2. Букварь

Расшифровка «Букваря» начиналась с числа три.

Не с единицы, не с нуля – с тройки. Ирина заметила это на втором часу первой полноценной сессии и сначала решила, что ошиблась. Перепроверила: нет. Эхо-Семь выстроил свой протокол контакта вокруг троичной системы. Три базовых символа. Три уровня вложенности на каждом шаге абстракции. Три типа связей между концепциями.

Шумеры считали шестидесятками. Греки – десятками. Майя – двадцатками. Хорваат, судя по их «Букварю», мыслили тройками – и это было первое, что Ирина записала в рабочий журнал: *«Тринитарная логика. Не бинарная оппозиция (да/нет), а трёхчленная: да/нет/иное. Третий элемент – не компромисс, не среднее. Отдельная категория, которую сложно передать на человеческом языке. Ближайший аналог – шумерское "те" в значении "божественная сущность вещи", то, что делает вещь тем, чем она является, помимо описания».*

Она сидела в интерфейсной комнате уже четвёртый час. Нейроинтерфейс нагрелся на висках – не до боли, но ощутимо. Тело затекло: ноги, спина, шея. Ирина не двигалась – боялась потерять нить. «Букварь» Хорваат был похож на лабиринт, где каждый поворот менял смысл всех предыдущих.

Первый уровень – арифметика. Простые числа, операции,

соотношения. Это далось легко; все «Буквари» начинались с математики, и этот не был исключением. Эхо-Семь транслировал паттерны – электромагнитные импульсы, которые нейроинтерфейс преобразовывал в визуальные и аудиальные образы, – а Ирина отвечала, демонстрируя понимание: продолжала последовательности, решала задачи, предлагала свои.

Второй уровень – геометрия. Но не евклидова, не привычная. Хорваат строили фигуры, в которых форма означала *отношение*. Треугольник – не просто три стороны, а *иерархия*: вершина доминирует над основанием, левый угол подчинён правому. Положение фигуры в пространстве сигнала определяло её роль – подлежащее, сказуемое, дополнение. Грамматика, записанная геометрией.

Ирина узнала структуру. Не рационально – интуитивно, тем же чутьём, которое позволяло ей читать шумерскую клинопись не знак за знаком, а *потоком*, ловя общий смысл прежде, чем разум разбирал частности. В клинописи тоже был контекст: знак AN мог означать «бог», «небо» или быть детерминативом – указателем категории, – в зависимости от положения. Хорваат довели этот принцип до предела. У них *каждый* элемент зависел от всех остальных. Изолированный символ не значил ничего. Только в связке, только в контексте, только внутри структуры.

Третий уровень начался на третьем часу, и здесь Ирина споткнулась.

Молчания.

Паузы между символами, которые несли смысл. Не отсутствие сигнала – *намеренная* тишина, встроенная в коммуникацию как полноценный элемент. Ирина знала о таком – в линейном письме А были пробелы, которые некоторые исследователи считали значащими, – но там это оставалось гипотезой. Здесь – очевидностью. Эхо-Семь замолкал на определённое количество тактов, и продолжительность молчания меняла значение окружающих его паттернов. Короткая пауза – связь. Длинная – разрыв. Средняя – *вопрос*, обращённый к собеседнику: «Ты понимаешь?»

– Я понимаю, – прошептала Ирина, когда очередная средняя пауза повисла в интерфейсе. И – ответила молчанием. Правильной длины. Точным количеством тактов.

Эхо-Семь отреагировал мгновенно. Поток паттернов ускорился – как будто плотину прорвало, как будто что-то, сдерживавшее его, отпустило. Он передавал быстрее, сложнее, с переходами между уровнями, которые нейроинтерфейс едва успевал декодировать. Экран перед Ириной заполнялся строками перевода, перемежёнными вопросительными знаками и пометками «[неопределённость]», «[множественная интерпретация]», «[нет аналога]».

Ирина не читала экран. Она *слушала* – тем же органом восприятия, которого у людей не было, но который нейроинтерфейс имитировал на грани возможного. Паттерны ложились один на другой, как слои палимпсеста, и сквозь верхний – грамматику, логику, структуру – проступал нижний:

намерение. Желание быть понятым. Тоска по разговору.

Семьдесят миллионов лет молчания. А потом – кто-то пришёл и ответил правильной паузой.

На экране, среди хаоса расшифровки, мелькнула фраза, которую Ирина поймала краем глаза:

[паттерн: узнавание]. Ты [паттерн: слышишь] [паттерн: молчание]. Другие – не [паттерн: слышали].

Она замерла. Пальцы на подлокотнике сжались.

– Другие?

Пауза – короткая, связующая.

Я [паттерн: пробуждался] [паттерн: прежде]. [паттерн: дважды]. Они [паттерн: слышали] [паттерн: слова]. Не [паттерн: молчание]. Ты – [паттерн: первая], кто [паттерн: слышит] [паттерн: структуру-за-словами].

Два предыдущих пробуждения. Две расы, которые приходили до людей. Ирина знала из отчётов разведзондов, что Завещание несло следы контакта – микроповреждения на «глазах», характерные для активации и последующего угасания. Два цикла. Две попытки. Два провала – или два успеха? Отчёты не уточняли. Хранитель угас для тех посетителей, передал данные или просто отказал – неизвестно.

– Кто они были? – спросила Ирина. – Те, кто приходил раньше?

Долгая пауза. Не значащая – *повреждённая*. Ирина чувствовала разницу: намеренная тишина была гладкой, ровной, встроенной в поток. Эта – рваная, с провалами, как сиг-

нал, проходящий сквозь помехи. Эхо-Семь пытался вспомнить – и не мог.

[паттерн: неопределённость]. Я [паттерн: помню]... [паттерн: фрагменты]. Первый [паттерн: контакт] – [паттерн: давно]. [паттерн: количество]... не могу [паттерн: определить]. Много [паттерн: оборотов]. Они были... [паттерн: потеря]. Я [паттерн: забыл].

Провал. Обрыв паттерна на полуслове – не намеренный, а вынужденный. Как запинка в речи человека, потерявшего мысль. Нейроинтерфейс зафиксировал всплеск активности – система «Ткача» внутри Завещания реагировала на «горячее чтение», пытаясь стабилизировать повреждённые участки памяти Хранителя. Безуспешно. Данные были утрачены.

Эхо-Семь заговорил снова – но уже о другом, как будто предыдущего вопроса не было:

[паттерн: продолжение]. Четвёртый [паттерн: уровень] [паттерн: Букваря]. [паттерн: готовность]?

Ирина не стала настаивать. Правило некроманта номер три: минимизировать «сжигание» памяти. Каждый вопрос, заставляющий Хранителя обращаться к повреждённым секторам, ускорял деградацию. Она записала наблюдение в журнал – *«Два предыдущих пробуждения. Детали утрачены. Повреждение памяти значительно»* – и вернулась к работе.

Четвёртый уровень «Букваря» был уровнем абстракции. Символы обозначали не вещи, а *отношения между вещами*. Не «звезда» и «планета», а «доминирование», «за-

висимость», «взаимное-влияние». Не «живой» и «мёртвый», а «процесс-продолжающийся», «процесс-завершённый», «процесс-трансформирующийся». Третья категория – снова. Тринитарная логика: не просто «есть» и «нет», а «есть, нет – и *иное*».

Ирина чувствовала, как её мозг растягивается, пытаюсь вместить чужую семантику. Это было физическое ощущение – давление за глазами, лёгкое головокружение, привкус металла на языке. Нейроинтерфейс компенсировал, подстраивал параметры, но компенсация имела пределы. Человеческий мозг не был рассчитан на мышление в тринитарных категориях. Бинарная логика – фундамент человеческого языка: да/нет, свет/тьма, жизнь/смерть. Третий элемент всегда приходилось втискивать – «может быть», «отчасти», «зависит от обстоятельств». У Хорваат он был не компромиссом, а самостоятельной вершиной треугольника. Равной двум другим. Неразложимой на них.

На пятом часу – пятый уровень. Последний.

[паттерн: финальный-уровень]. [паттерн: самореферентный]. Символы, которые [паттерн: описывают] символы. [паттерн: метаязык].

Метаязык. Язык, говорящий о самом себе. Ирина знала, что это такое, – лингвистика занималась этим постоянно, – но в исполнении Хорваат это было чем-то большим. Символы пятого уровня не просто описывали структуру «Букваря». Они *комментировали* её. Указывали на огра-

ничения перевода, на места, где смысл неизбежно искажался при передаче чужому разуму. Встроенные предупреждения: «здесь ты не поймёшь полностью», «здесь потеря неизбежна», «здесь – доверяй интуиции, а не логике».

Они знали, что будут непоняты, записала Ирина. И построили язык с учётом собственной непонятности. Это... честно. Это больше, чем делает большинство живых собеседников.

Потом – обрыв. Резкий.

Эхо-Семь замолчал на середине паттерна. Не пауза – *отсутствие*. Сигнал прервался, как перерезанный провод. Нейроинтерфейс транслировал белый шум, бессмысленную статику. Голубой свет в иллюминаторе мигнул – дважды, трижды – и стабилизировался, но тусклее, чем был.

Ирина ждала. Тридцать секунд. Минута. Две.

– Эхо-Семь?

Ничего. Белый шум.

Три минуты.

Она уже потянулась к интеркому – доложить Кассиану, что контакт прервался, – когда сигнал вернулся. Слабее. Неровнее. С провалами, как голос человека, приходящего в себя после обморока.

[паттерн: извинение]... нет. Неточно. [паттерн: объяснение]. Я [паттерн: потерял]... [паттерн: нить]. Мои [паттерн: системы] [паттерн: нестабильны]. Это [паттерн: ожидаемо]. Но [паттерн: неприятно].

Потом – фраза, которую Ирина запомнила навсегда. Не потому что поняла её значение сразу, – значение раскрылось позже, много позже, – а потому что почувствовала за ней *боль*. Не человеческую боль, не физическую. Что-то другое – как математическое доказательство, которое приводит к абсурду. Элегантное и жестокое.

Я проводил [паттерн: оценку] прежде. [паттерн: другие-виды]. Результаты... не коррелируют с [паттерн: выживание-вида]. Это...

Обрыв. Пауза – повреждённая, не намеренная. Три минуты белого шума.

Потом – возврат к стандартному протоколу, как будто ничего не было:

[паттерн: достаточно] на [паттерн: сегодня]. Ваш [паттерн: разум] [паттерн: устал]. Мой – [паттерн: тоже]. [паттерн: продолжим] [паттерн: завтра].

Ирина сняла нейроинтерфейс. Обруч оставил красную полосу на лбу – шесть часов непрерывного контакта, дольше, чем рекомендовано. Она провела пальцами по вмятине, потёрла виски. Голова гудела – не болела, а именно гудела, как будто внутри черепа вибрировал камертон, настроенный на частоту, которую ухо не воспринимало.

Она потянулась за рабочим журналом и записала, пока не забыла:

«Не коррелируют». Он сказал «не коррелируют». Его тест – оценка, которую он проводил для других рас, – не ра-

*ботает? Результаты не предсказывают выживание вида?
Он это знает?*

Если знает – почему продолжает тестировать?

Если не знает – почему сказал это мне?

Она перечитала запись. Подчеркнула «не коррелируют» – дважды.

За дверью ждал Кассиан. Как всегда – невозмутим, экономен, с планшетом наготове.

– Шесть часов, – сказал он. Не вопрос – констатация.

– «Букварь» сложный. Пять уровней абстракции. Иерархическая семантика с контекстно-зависимыми значениями и значимыми паузами. – Ирина говорила профессионально, ровно, и каждое слово было правдой. – Мне нужно минимум три дня, чтобы закрепить базовый протокол. После этого – можно переходить к содержательному диалогу.

Кассиан кивнул. Записал что-то на планшете.

– Состояние Хранителя?

– Повреждён. Значительно. Неравномерные ответы, провалы в передаче, обрывы сигнала до трёх минут. Память фрагментирована – он сам предупредил. Два предыдущих пробуждения; детали утрачены.

– Прогноз по продолжительности контакта?

– Неопределённый. Он сказал – дни, возможно недели. Зависит от интенсивности запросов. – Она помедлила. – Каждая сессия его убивает, Кассиан. Каждый разговор – «сжигание». Мы должны быть осторожны с вопросами.

– Я знаю. – Он убрал планшет. – Приоритет первой фазы – исторические данные. Судьба Хорваат. Причины гибели. Возможные угрозы для человечества. Приказ с Земли.

Не медицина, подумала Ирина. Историю. Им нужна история.

– Понятно, – сказала она вслух.

Кассиан посмотрел на неё – секунду дольше, чем требовалось. В его взгляде не было подозрения. Было нечто другое – внимание. Как у человека, который привык замечать то, что другие предпочитают скрывать.

– Отдыхай, – повторил он. – Завтра – вторая сессия. Я включу в план медицинский блок на третий день. После исторических данных.

Третий день. Медицинский блок – после исторических данных. По протоколу. По расписанию. По плану, составленному людьми, у которых не было сына с синдромом фрагментации.

– Спасибо, – сказала Ирина.

Кассиан ушёл. Она стояла в коридоре, прислонившись к стене, и чувствовала, как камертон в голове постепенно стихает. В кармане – балтийский камень. На экране рабочего журнала – подчёркнутое дважды: *«не коррелируют»*.

Столовая «Кенотафа-7» была рассчитана на шестерых – остальные ели посменно. В тот вечер за столом сидели четверо: Ирина, Юрий, доктор Сунь и Таня Вербицкая, специалист по связи, маленькая женщина с вечно расширенными

глазами человека, который недосыпает по привычке, а не по необходимости.

Еда – стандартный рацион дальних экспедиций: белковая паста, синтетические овощи, витаминные блоки. Всё безвкусное, всё одинаково тёплое, всё – топливо, а не пища. Ирина ковыряла пасту вилкой и не ела. Аппетит после контакта с Хранителем пропадал у всех некромантов – издержки нейроинтерфейса. Мозг, перегруженный чужими паттернами, терял интерес к таким банальностям, как голод.

Доктор Сунь Вэй не разделял этой проблемы. Он ел с аппетитом, быстро, по-студенчески, не отрывая глаз от планшета, лежащего рядом с тарелкой. Планшет светился графиками, диаграммами, спектральными анализами. Доктор Сунь был из тех людей, которые не умеют молчать, когда им интересно, а ему было интересно всегда.

– Биомаркеры в сигнале, – заговорил он, не дожидаясь, пока кто-нибудь спросит. Круглое лицо, чуть одутловатое после анабиоза, с остатками молодости в уголках глаз – ему было пятьдесят пять, но он выглядел то на сорок, то на семьдесят, в зависимости от степени увлечённости. Сейчас – на сорок. – Хранитель не просто передаёт информацию. Его сигнал содержит биологические маркеры – структуры, которые... – Он постучал по графику на экране. – Вот, вот это. Видите? Это не код. Это *шаблон*. Органический шаблон. Он построил в свою коммуникацию что-то, что выглядит как генетическая последовательность. Не человеческая – но с ана-

логичной архитектурой.

– Зачем? – спросил Юрий. Он сидел в углу, длинные ноги вытянуты под стол, спина откинута – поза человека, который привык занимать минимум пространства и не привлекать внимания. Юрий Борщёв был из тех, кого замечаешь, только когда они заговорят, а заговаривал он редко.

– Вот это и вопрос! – Доктор Сунь поднял палец. – Зачем мёртвая цивилизация встраивает в протокол контакта генетические шаблоны? Три гипотезы. Первая: это подпись. Генетический автограф, чтобы мы знали, с кем имеем дело. Вторая: это тест – проверка, способны ли мы распознать генетический код. Третья... – Он замолчал, поднёс вилку с пастой ко рту, прожевал, продолжил: – Третья: это *обращение*. Он адресует сигнал не абстрактным «разумным существам», а конкретному биологическому виду. С конкретной генетикой.

Ирина подняла взгляд от своей тарелки.

– Вы думаете, он знает, кто мы?

– Я думаю, что его создатели *предвидели*, кто мы будем. – Доктор Сунь снова ткнул в планшет. – Генетические маркеры в его сигнале – не случайность. Они слишком аккуратные, слишком регулярные. Это не шум. Это сообщение внутри сообщения.

– Сообщение для кого? – Юрий отхлебнул чего-то из стакана. Синтетический кофе. Юрий пил кофе постоянно – единственная привычка, которую Ирина за ним заметила.

– Для нас. Для людей. Или... – доктор Сунь нахмурился, – для кого-то с нашей генетической базой. Это пока предположение. Мне нужно больше данных из следующих сессий.

– Спиритисты добудут, – сказал Юрий. Без насмешки, просто – так.

Таня Вербицкая фыркнула. Ирина не отреагировала. «Спиритисты» – она слышала и хуже. «Могильщики», «гробокопатели», «психованные лингвисты». Некромантия была профессией, которую уважали на расстоянии и боялись вблизи.

– Юрий, – сказала она, – ты когда-нибудь видел «Букварь» изнутри? Не на записи – через интерфейс?

– Нет. И не планирую. – Он поставил стакан на стол. – Я вожу корабль. Вы разговариваете с мертвецами. Каждый занимается своим делом.

– Это не мертвец.

– Пардон?

– Эхо-Семь. Он не мертвец. Он – эхо. Отпечаток семи живых людей, которые когда-то были живыми. Разница.

Юрий посмотрел на неё – с тем самым отстранённым любопытством, которое она уже научилась в нём различать. Не безразличие – *дистанция*. Как у человека, который стоит на краю обрыва и смотрит вниз: видит всё, чувствует масштаб, но не прыгает.

– Разница, – повторил он. – Ладно. Разница.

Он допил кофе и ушёл – спокойно, ни с кем не попрощав-

шись. Дверь столовой закрылась за ним мягко, без хлопка.

– Станный он, – сказала Таня Вербицкая.

– Нормальный, – возразил доктор Сунь. – Просто уже один раз умер. Это меняет оптику.

Ирина посмотрела на него вопросительно.

– Инцидент на марсианском транспортнике. Три года назад. Разгерметизация. Капсула на троих, экипаж – четверо. Юрий остался. Потом нашёл заплатку и выжил. – Сунь пожал плечами. – Об этом все знают. Он не скрывает. Просто не говорит.

Ирина молча кивнула. Человек, который решил умереть и не умер. Да, это меняет оптику. Она подумала о Дании-ле – подростке, который решил принять смерть и пока ещё жив, – и привычная тупая боль в груди напомнила о себе, как застарелая травма, которую можно не замечать, пока не повернёшься неловко.

Она встала из-за стола. Белковая паста осталась нетронутой.

Вторая сессия – день третий.

Эхо-Семь отвечал неравномерно. Иногда – мгновенно, быстрее, чем Ирина успевала сформулировать следующий запрос. Его паттерны накладывались на её мысль, дополняли, продолжали – словно он читал не слова, а *намерение* за словами. В такие моменты контакт напоминал танец: два разума, движущиеся в одном ритме, угадывающие следующий шаг друг друга.

Потом – пауза. Минута. Две. Пять. Сигнал не прерывался полностью, но становился бессвязным: обрывки паттернов, фрагменты, которые нейроинтерфейс не мог интерпретировать. Как если бы кто-то пытался говорить сквозь помехи, сквозь воду, сквозь толщу времени, отделявшую его от собеседника.

Ирина ждала. Не торопила. Не повторяла запрос. Ждала – и это, кажется, было правильным: после каждой паузы Эхо-Семь возвращался чуть увереннее, чуть стабильнее, как будто её терпение давало ему время собраться.

– Ты устаёшь, – сказала она в одну из пауз. Не вопрос – наблюдение.

[паттерн: подтверждение]. [паттерн: каждый-разговор] – [паттерн: потеря]. Я [паттерн: просыпаюсь], чтобы [паттерн: общаться] с [паттерн: живыми]. И каждое [паттерн: слово] [паттерн: стоит] мне [паттерн: частицы] того, что я [паттерн: есть].

Ирина замерла. Паттерновая речь – рваная, неловкая, переведённая через три слоя интерпретации, – и всё равно: *каждое слово стоит мне частицы того, что я есть*. Это было не жалобой. Не просьбой о сочувствии. Констатация – такая же сухая, как медицинский отчёт о Данииле. Факт. Температура тела – 36,6. Скорость нервных импульсов – снижена на 41%. Каждый разговор убивает меня. Факт.

– Мы можем сократить сессии, – предложила она. – Тридцатиминутные интервалы вместо часовых. Дать тебе время

на восстановление.

[паттерн: бессмысленно]. [паттерн: восстановление] – [паттерн: иллюзия]. «Ткач» [паттерн: чинит] [паттерн: структуру]. Не [паттерн: содержание]. То, что [паттерн: потеряно] при [паттерн: чтении], – [паттерн: потеряно] [паттерн: навсегда]. Сокращение [паттерн: времени] лишь [паттерн: продлит] [паттерн: количество-сессий]. Общая [паттерн: потеря] – [паттерн: та-же].

Он был прав. Ирина знала теорию – «Ткач» восстанавливал физическую структуру кристаллической матрицы, но не интерпретацию. Хранитель был не данными, а *процессом чтения* данных. Нельзя починить мысль, заменив нейрон, – можно починить нейрон и надеяться, что мысль вернётся. Чаще всего – не возвращалась.

[паттерн: предпочтение]. Лучше – [паттерн: короткие] [паттерн: сессии] с [паттерн: высокой-плотностью]. Чем [паттерн: длинные] с [паттерн: пустыми-паузами]. Мне [паттерн: проще] [паттерн: говорить] быстро. [паттерн: Инерция] [паттерн: помогает]. Когда я [паттерн: останавливаюсь] – [паттерн: труднее] [паттерн: начать] снова.

– Как речная лодка, – сказала Ирина. – На течении легче, чем со стоянки.

Пауза – средняя, значимая. «Ты понимаешь?»

[паттерн: аналогия-принята]. Ваш [паттерн: метод] [паттерн: коммуникации] – [паттерн: неэффективный]. Но [паттерн: выразительный]. «Речная [паттерн: лодка]». Я [пат-

терн: вижу] [паттерн: образ]. [паттерн: Вода]. [паттерн: Движение]. [паттерн: Ненадёжность-опоры]. Да. [паттерн: Похоже].

Ирина записала: *«Он понимает метафоры. Не просто декодирует – воспринимает образный слой. Это больше, чем алгоритм перевода. Это понимание. Или его хорошая имитация».*

Она перечитала последнюю фразу и зачеркнула «или его хорошая имитация». Двенадцать лет некромантии научили её одному: если сомневаешься, является ли Хранитель сознанием или симуляцией, – выбирай сознание. Ошибка в сторону уважения менее опасна, чем ошибка в сторону пренебрежения.

На исходе четвёртого часа – перед тем, как Эхо-Семь предложил завершить сессию, – он произнёс ещё одну странную фразу. Она всплыла из ниоткуда, без контекста, как обломок кораблекрушения на поверхности спокойного моря.

Я [паттерн: проверял] [паттерн: других]. [паттерн: Тестировал]. [паттерн: Результаты] – [паттерн: несовпадение-ожиданий]. [паттерн: Тест] не...

Обрыв. Не повреждённая пауза – *намеренная остановка*. Как будто он начал говорить – и спохватился. Или – не мог продолжить. Или – не хотел.

[паттерн: не-важно]. [паттерн: Продолжим] [паттерн: завтра].

Ирина заметила: «не важно» – впервые он использовал

этот паттерн. Человеческое выражение, переведённое в его систему. Он учился говорить на её языке – медленно, через «Букварь», через контакт, через ту невидимую нить, которая протягивалась между двумя разумами в интерфейсной комнате.

Он учился говорить – и одновременно учился *молчать* о том, о чём молчать хотел.

Тест не работает. Он знает это – и не хочет об этом говорить. Почему?

Ирина записала вопрос в журнал. Подчеркнула. Закрыла журнал.

За дверью – Малика. Стояла, привалившись к переборке, со скрещёнными руками. Ожидала.

– Как прошло? – спросила она. Тон – нейтральный. Глаза – нет.

Малика Ндаи была красивой женщиной – высокая, с гладкой тёмной кожей, с бритой головой и длинной шеей, которая придавала ей сходство с африканской статуэткой. Тридцать восемь лет. Некромант четвёртого ранга – выше Ирины. Больше успешных контактов, больше расшифрованных «Букварей», больше часов в интерфейсном кресле. Если бы не её аболиционизм – открытое, принципиальное убеждение, что некромантия должна быть запрещена, – она давно возглавляла бы экспедицию.

Ирина знала о ней достаточно, чтобы уважать. Недостаточно, чтобы доверять.

– Продвигаемся. «Букварь» почти освоен. Завтра – пятый уровень, потом переход к содержательному диалогу.

Малика кивнула. Не удовлетворённо – выжидающе.

– Хранитель. Какой он?

– Повреждён. Фрагментирован. Но – функционален.

– Я не про техническое состояние.

Ирина посмотрела на неё. Малика не отвела взгляда. Её глаза – тёмные, спокойные – не требовали ответа. Они *ждали*. Как ждёт судья, давая подсудимому время обдумать показания.

– Он одинокий, – сказала Ирина, и сама удивилась этому слову. Оно было неточным – нечеловеческим. Нельзя сказать «одинокий» о цифровом отпечатке семи мёртвых существ, замороженном в кристаллическую матрицу на семьдесят миллионов лет. Но слово было *верным*. – Он ждал очень долго. И он... рад, что кто-то пришёл. По-своему.

Малика помолчала. Потом:

– Они все рады. Сначала. – Она оттолкнулась от стены. – Потом мы берём у них всё, что можем, и уходим. И они умирают. Чуть быстрее, чем умерли бы без нас.

Она ушла по коридору. Спина прямая, шаг ровный. Ни разу не обернулась.

Ирина стояла и смотрела ей вслед. *Они все рады. Сначала*. Она думала о том, что Малика была некромантом восемнадцать лет – на шесть больше, чем Ирина. Восемнадцать лет разговоров с умирающими. Восемнадцать лет ошуще-

ния, что каждое твоё слово – гвоздь в чужой гроб. Достаточно, чтобы стать аболиционисткой. Достаточно, чтобы ненавидеть собственную работу и не бросать её – потому что если бросить, кто-то менее осторожный займёт твоё место.

Ирина вернулась в каюту. Закрыла дверь. Села за стол.

И впервые за всю экспедицию сделала то, чего делать не должна была.

Система доступа к данным Завещания была устроена просто – и, по мнению Ирины, наивно. «Мемориал» контролировал поток информации через протоколы уровней: каждый член экспедиции имел доступ к данным своего профиля и ничего больше. Некроманты – к лингвистическим и коммуникативным блокам. Ксенобиологи – к биологическим. Инженеры – к техническим. Куратор – ко всему, но с задержкой в двенадцать часов: данные поступали к Кассиану после первичной фильтрации.

Лазейка была в фильтрации. Первичную обработку проводил бортовой ИИ – не Хранитель, а корабельный, ограниченный Протоколом Границы, неспособный к самостоятельным решениям. Он классифицировал входящие данные по ключевым словам и маркерам, раскладывая по категориям: «история», «технология», «биология», «медицина», «прочее». Некроманты имели доступ к «прочему» – нерассортированному потоку, который ИИ не смог классифицировать. Там мог оказаться мусор, а мог – что угодно.

Ирина подключилась к нерассортированному потоку.

Данные были сырыми – необработанные паттерны, которые нейроинтерфейс зафиксировал, но не интерпретировал. Шум. Фрагменты. Обрывки сигналов, пойманных на периферии основного контакта. Ирина просматривала их один за другим, вручную, глазами и – тренированной интуицией.

Она искала слово. Одно слово – вернее, один паттерн. Тот, который на первом уровне «Букваря» Эхо-Семь использовал для обозначения медицины. Она запомнила его: тринитарная структура, в которой «живое» и «повреждённое» соединялись третьим элементом, не имевшим аналога в человеческих языках, – чем-то вроде «восстанавливаемого-если-знать-как».

Двадцать минут поиска. Тридцать. Глаза слезились от мерцания экрана. Паттерны сливались, расплывались.

На сорок третьей минуте – нашла.

Медицинский маркер. Не в основном потоке – на периферии, в тех данных, которые Эхо-Семь транслировал *фоном*, параллельно основному диалогу. Как человек, бормочущий себе под нос, пока разговаривает с кем-то другим. Подсознательная трансляция. Или – намеренная, но скрытая.

Маркер указывал на сектор памяти. Не содержание – *адрес*. Место в кристаллической матрице, где хранились медицинские данные. Ирина не могла прочитать данные – для этого нужен был прямой запрос к Хранителю, интерфейсная комната, полноценная сессия. Но она видела адрес. Знала, что данные *существуют*. Знала, что сектор *активен* –

«Ткач» поддерживал его целостность, расходуя на это ресурсы.

Медицинский раздел был жив. Данные были на месте. Лекарство – где-то внутри трёхкилометровой махины за бортом, в кристалле, температура которого на доли градуса выше абсолютного нуля, – ждало, пока кто-нибудь спросит.

Ирина закрыла терминал. Откинулась на спинку стула. Её сердце билось быстро, неровно – не от страха, от чего-то похожего на голод. Жадного, ненасытного, бесстыдного голода, который знают только те, кто видел спасение и не может до него дотянуться.

Данные есть. Лекарство – есть. Мне нужно только задать правильный вопрос.

Но вопрос – не в списке приоритетов Кассиана. Не в приказе с Земли. Не в протоколе.

Она посмотрела на голографическую рамку с фотографией Даниила. Одиннадцатилетнего. С дрожащей правой рукой, прижатой к бедру.

Данные есть.

Мне нужно только задать вопрос.

На третий день пришло новое сообщение с Луны.

Ирина открыла его в каюте, одна, в тишине. Предчувствие – не мистическое, а то рациональное, выученное предчувствие, которое вырабатывается у людей, привыкших получать плохие новости, – сказало ей, что нужно сесть. Она села.

Медицинский отчёт. Автоматический, как и предыдущие.

Сухой язык, цифры, графики.

Миелиновая оболочка: деградация 47% от нормы. Скорость нервных импульсов: снижена на 58%. Дыхательная функция: 51% от возрастной нормы.

Ирина читала цифры и переводила их в тело сына. 47% деградации – его ноги не двигаются. 58% снижения – его речь замедлена втрое. 51% дыхательной функции – он может дышать сам, но каждый вдох – усилие, каждый выдох – маленькая победа, каждая ночь – страх не проснуться.

Прогноз: «Пересмотрен. При текущей скорости прогрессии – 4-6 месяцев до критического снижения дыхательной функции. Рекомендован перевод на частичную ИВЛ в ночное время».

Четыре-шесть месяцев. Предыдущий прогноз – шесть-десять. Болезнь ускориалась.

Ирина закрыла отчёт. Открыла видеосообщение.

Даниил. На экране – зернистый, далёкий, невозможно близкий.

Он похудел с прошлого раза – с того сообщения, одиннадцать месяцев назад. Лицо стало угловатым, взрослым, с тенями под глазами, которые не были тенями – были синевой кислородного голодания, слишком лёгкой, чтобы замечать, слишком постоянной, чтобы забыть. Кресло – то же. Руки – хуже: левая тоже начала слабеть, пальцы двигались, но с заметным усилием, как если бы он двигал их сквозь густую жидкость.

Но глаза. Всё те же. Серые. Живые.

– Мама. – Голос – медленнее. Каждый слог стоил ему вдоха. – Новый... прогноз. Ты, наверное... уже прочитала. Четыре-шесть. – Улыбка – одним углом рта, привычная, горькая. – Я... посчитал. Ты вернёшься... через семь лет. Не сходится.

Пауза. Вдох. Долгий, с хрипом на верхней ноте. Даниил приложил ладонь к груди – знакомый жест, Ирина видела его у астматиков: рефлекторная попытка удержать воздух внутри, как если бы грудная клетка была коробкой, из которой что-то утекало.

– Врачи... молодцы. Держат. Вербицкая... ну, твоя связистка... передала мне... книгу. Лем, «Голем XIV». Знаешь, там... сверхинтеллект решает, что... не будет говорить с людьми. Потому что... слишком скучно. – Смешок – сухой, без воздуха. – Надеюсь, твой Хранитель... не такой зануда.

Потом – серьёзно. Глаза – прямо в камеру.

– Мама. Я знаю... что ты делаешь. – Каждое слово – отдельный вдох. – Не знаю деталей... Но знаю тебя. Ты не полетела... за историей мёртвых... инопланетян. Ты полетела... за мной.

Пауза. Длинная. Он собирался с силами – и Ирина видела это по его лицу, по тому, как он сжал челюсть, как напрягся подбородок. Не от боли – от необходимости сказать что-то важное, когда каждое слово стоит кислорода.

– Я не хочу... чтобы ты крала ради меня. Я не хочу... жить

с этим. Но это не потому... что я хороший. Это потому... что я не хочу быть... *обязанным*.

Экран погас. Лимит канала – исчерпан.

Ирина сидела неподвижно. Камень в кармане. Фотография на столе. Чёрный экран перед глазами.

Я не хочу быть обязанным.

Восемнадцать лет. Он говорил как взрослый – нет, не как взрослый. Взрослые не говорят так. Взрослые находят оправдания, компромиссы, лазейки. Даниил говорил как человек, у которого осталось слишком мало слов, чтобы тратить их на ложь.

Ирина встала. Подошла к иллюминатору. За стеклом – Завещание Хорваат-7, освещённое красным светом звезды. «Глаза» светились голубым – тускло, ровно. Хранитель не спал. Или – не мог заснуть. Или...

Она прижала лоб к холодному стеклу. Закрыла глаза.

Четыре-шесть месяцев. Лекарство – внутри. Протокол – не разрешает. Кассиан – не позволит. Малика – осудит. Кодекс – запрещает.

Даниил – не хочет.

Она стояла так долго – минуту, пять, десять. Лоб отпечатался на стекле белым кругом.

Потом открыла глаза и посмотрела на артефакт. На его чешую, на его «глаза», на «рот» – щель, в которой был пристыкован «Кенотаф». Три километра тёмного металла, внутри которых – кристалл размером с комнату, а внутри кристалла

– семьдесят миллионов лет памяти и знания. Медицинский сектор. Адрес, который она нашла вчера в нерассортированном потоке.

Данные есть.

Мне нужно только спросить.

Я не могу спросить – официально. Не в том порядке. Не с тем приоритетом. Не сейчас.

Но если я спрошу неофициально...

Мысль оборвалась. Ирина знала, что стоит на краю – не метафорически. На краю того решения, после которого нет возврата. Она двенадцать лет работала в системе. «Мемориал» дал ей всё: профессию, смысл, сообщество, принадлежность. Кодекс некроманта был её кодексом – четыре правила, которые она ни разу не нарушила за всю карьеру. Не лгать Хранителю. Не скрывать от коллег. Минимизировать «сжигание». Приоритет долгосрочной ценности.

Если она начнёт спрашивать Эхо-Семь о медицине – вне протокола, без записи, скрытно от команды, – она нарушит второе правило. Если при этом потратит время Хранителя на личные нужды вместо общих – третье и четвёртое. Если солжёт коллегам о содержании сессий – первое по духу, если не по букве.

Четыре правила. Все четыре.

Преступление, прошептал голос внутри, и он звучал как голос Малики – холодный, профессиональный. *Ты знаешь, как это называется. Не «отчаяние матери». Не «борьба за*

жизнь сына». Преступление. Против кодекса, против коллег, против всех, кто ждёт своей очереди на лекарство.

Против системы, которая работает. Медленно, мучительно медленно – но работает.

Ирина думала о системе. О пятидесятилетнем протоколе «Кассандра», который защищал от «Сирен» – и задерживал спасительные технологии на поколения. О патентах, сертификации, клинических испытаниях – необходимых, разумных, убивающих тех, кто не мог ждать. О Кассиане, который верил в систему, потому что его жена умерла за год до лекарства – и он знал, что без системы лекарства не было бы вовсе.

Система работала. Для всех. Для абстрактного человечества.

Не для Даниила.

Не для мальчика, который говорил «я не хочу быть обязанным» голосом, которому не хватало воздуха, чтобы закончить фразу.

Ирина вернулась за стол. Открыла рабочий журнал. Перечитала записи за два дня – всё, что она зафиксировала о «Букваре», об Эхо-Семь, о структуре контакта. Медицинский маркер, найденный вчера в нерассортированном потоке. Активный сектор. Адрес данных.

Она открыла новый файл. Назвала его «Личные заметки – лингвистический анализ». Невинное название. Некроманты всегда вели личные заметки – часть профессиональной культуры, способ обработки травматического опыта контак-

та с умирающими разумами.

В файле она написала:

«Медицинский сектор – активен. Адрес подтверждён из фонового потока сессии 2. Хранитель транслирует маркеры на периферии основного контакта – возможно, бессознательно. Возможно – намеренно.

Для доступа к содержимому сектора необходим прямой запрос через нейроинтерфейс. Вопрос должен быть сформулирован на языке "Букваря" – пятый уровень, метаязык, самореферентный запрос к памяти Хранителя.

Я могу это сделать. У меня есть навыки, доступ и время.

Мне нужно решить: готова ли я.

Нет. Неправильная формулировка.

Вопрос не в готовности. Я готова – была готова с того дня, когда подала заявку на эту экспедицию. Вопрос в том, кем я стану после. Кем ты становишься, когда нарушаешь всё, во что верил? Кем ты становишься, когда выбираешь одного человека вместо системы, которая защищает миллионы?»

Она остановилась. Перечитала. Подумала о том, как эти слова выглядели бы на допросе – если дойдёт до допроса. «Личные заметки – лингвистический анализ». Признание в намерении. Дневник преступника, который ещё не совершил преступления, но уже знает, что совершит.

Стёрла последний абзац. Оставила только технические данные – адрес сектора, параметры маркера, лингвистиче-

ские наблюдения. Чистая наука. Ничего личного.

Закрыла файл. Выключила экран.

В каюте стало темно. Только голубоватый отблеск иллюминатора – свет «глаз» Завещания, далёкий, ровный, терпеливый. И красноватый отсвет звезды – тусклой, долгоживущей звезды, которая пережила создателей Эхо-Семь и переживёт людей, и переживёт всё, что было и будет в этой маленькой, пустой, безразличной системе.

Ирина лежала на койке и слушала корабль. «Кенотаф-7» был тихим судном – инженеры «Мемориала» позаботились о шумоизоляции, зная, что некроманты нуждаются в тишине, – но абсолютной тишины не бывает. Гул систем жизнеобеспечения – ровный, монотонный, как дыхание спящего великана. Потрескивание обшивки – микроконтракции металла от перепадов температуры. Далёкий, еле слышный щелчок – навигационный компьютер корректирует позицию относительно Завещания.

Живой корабль. Живые люди внутри. И за стеной – мёртвый артефакт, внутри которого жил последний осколок мёртвой цивилизации.

Ирина думала: *я некромант. Моя работа – говорить с мёртвыми. Но сейчас мне нужно, чтобы мёртвые заговорили с живыми. Не для науки. Не для истории. Для одного мальчика.*

Кодекс говорит: нет. Долг говорит: нет. Совесть говорит: нет.

Мать говорит: да.

Она повернулась на бок. Голографический Даниил улыбался ей с тумбочки – одиннадцатилетний, ещё способный улыбаться обоими углами рта. Она протянула руку и коснулась рамки. Голограмма мигнула – пальцы прошли сквозь свет.

Я буду скрывать. Буду работать на Кассиана днём – честно, полностью, по протоколу. Буду давать ему исторические данные, которые он хочет. Буду проводить сессии с Эхо-Семь так, как положено: официально, с записью, с полным отчётом.

А потом – буду искать другое. Медицинские данные. Лекарство. Тайком. Вне протокола. В том нерассортированном потоке, куда не смотрит корабельный ИИ. В паузах между официальными сессиями. В молчаниях – значимых молчаниях «Букваря» Хорваат, которые я умею слышать лучше, чем кто-либо на этом корабле.

Я нарушу кодекс. Все четыре пункта.

Я это знаю.

И я это сделаю.

Решение было принято не в этот момент – она понимала это. Оно было принято раньше. Может быть – в кабинете доктора Фуджимори, три года назад, когда Даниил молчал и смотрел на свои дрожащие руки. Может быть – ещё раньше, когда ей было восемь и мать умерла, и она сказала себе: *смерть несправедлива, значит, надо исправить*. Реше-

ние зрело годами, как трещина в фундаменте, – незаметно, неотвратно. Сегодня – только момент, когда она перестала притворяться, что трещины нет.

Ирина закрыла глаза. Сон пришёл не сразу – но пришёл. Тяжёлый, без сновидений. Сон человека, принявшего решение, от которого нельзя отказаться.

Завтра – третий день. Третья сессия. Официальная: исторические данные, судьба Хорваат, причины гибели.

И – неофициальная: всё остальное.

За иллюминатором Завещание светилось голубым. Хранитель ждал. Он ждал семьдесят миллионов лет. Он подождёт ещё одну ночь.

Ирина не была уверена, что Даниил может себе позволить столько же.

Haud Tiwo
Huru Honerl
Wobz Pouh

Глава 3: Цена вопроса

Пятый день начался с ожога.

Ирина сидела в интерфейсной комнате – маленьком экранированном кубе в глубине «Кенотафа», стены которого были покрыты сантиметровым слоем метаматериала, поглощающего электромагнитные помехи. Комната не имела иллюминаторов. Единственный источник света – три вертикальные полосы на потолке, мягкий белый свет, который можно было приглушить до полной темноты. Кресло в центре – не обычное кресло, а ложемент с подголовником, подлокотниками-фиксаторами и гнездом для нейроинтерфейса на затылке. Кресло помнило форму предыдущего некроманта, и Ирина каждый раз тратила несколько минут на подгонку: её предшественник был шире в плечах и короче в бёдрах.

Она зафиксировала интерфейс – щелчок магнитных контактов, знакомый укол на границе кожи и металла, секунда дезориентации, когда собственные мысли на мгновение кажутся чужими. Потом – настройка. Канал открылся, как дверь в гулкую пустую комнату.

Эхо-Семь был уже здесь.

Не «здесь» в пространственном смысле – Хранитель не перемещался. Он существовал в кристаллической матрице, температура которой составляла три тысячных кельвина выше абсолютного нуля, в пятидесятиметровой камере-«сердце».

це» Завещания. Но когда канал открывался, Ирина чувствовала его присутствие – не звук, не образ, а давление. Как будто кто-то стоял по ту сторону тонкой стены и дышал.

Семьдесят миллионов лет дыхания. Она до сих пор не привыкла.

– Сессия три, – произнесла она вслух, для записи. – Официальная. Некромант Ирина Весалис, ранг три. Присутствуют: оператор связи Вербицкая, удалённый наблюдатель – куратор Торре. Начинаю контакт.

Она произнесла ключевую последовательность – не математическую, как при первом контакте, а лингвистическую: фразу на втором уровне «Букваря», которую они с Эхо-Семь согласовали вчера. Фраза означала приблизительно: «Я – та же. Я пришла продолжить».

Ответ пришёл через четыре секунды. Быстро – по меркам Хранителя.

[паттерн: узнавание]. Та же. [паттерн: подтверждение-контакта]. Продолжаем.

Голос Эхо-Семь в нейроинтерфейсе не был голосом. Паттерны – геометрические структуры, которые интерфейс переводил в слова, но между структурой и словом всегда оставался зазор. Ирина слышала русский текст, но одновременно ощущала что-то под текстом – тени смыслов, которые перевод не улавливал. Как будто кто-то играл сложную музыкальную фразу, а ей давали слушать только мелодию без гармонии.

– Я хочу спросить о твоём состоянии, – сказала Ирина. – Ты говорил вчера о повреждениях. Можешь объяснить подробнее?

Пауза. Двенадцать секунд. Ирина считала – привычка, выработанная за девять контактов с другими Хранителями. Длина паузы многое говорит: до пяти секунд – обработка, до двадцати – поиск в повреждённой памяти, больше минуты – потеря связи или каскадный отказ. Двенадцать секунд – пограничная зона.

[паттерн: честность-необходима]. Моя [паттерн: целостность] нарушена. Временем. Предыдущими [паттерн: пробуждениями]. Я помню [паттерн: создателей]. Помню [паттерн: их-уход]. Но детали...

Обрыв. Три секунды тишины. Потом – возобновление, но уже с другой интонационной структурой, словно включился другой динамик:

[паттерн: потеря]. Фрагменты. Не всё.

– Ты дважды пробуждался до нас? – уточнила Ирина. Она знала ответ – он упоминал это вчера, – но хотела зафиксировать на записи.

[паттерн: подтверждение]. Два [паттерн: контакта] до вас. Первый – [паттерн: давно]. Очень. Раса [паттерн: без-имени-которое-я-помню]. Они пришли. Говорили. Ушли. Потом – [паттерн: тишина]. Они, вероятно, [паттерн: погибли].

Второй – [паттерн: менее-давно]. Раса... [паттерн: поиск]...

Пауза. Тридцать одна секунда. Ирина напряглась.

[паттерн: не-найденно]. Я не помню их [паттерн: облик]. Не помню их [паттерн: язык]. Помню только [паттерн: ощущение-контакта]. Тепло. И потом – [паттерн: холод]. Они тоже ушли. Или [паттерн: погибли]. Я не знаю.

– Каждый контакт повреждал тебя сильнее?

[паттерн: подтверждение]. Мой [паттерн: Ткач] – система [паттерн: восстановления] – работает. Он чинит [паттерн: структуру]. Но не [паттерн: интерпретацию]. Я – не [паттерн: данные]. Я – [паттерн: процесс-чтения] данных. Процесс [паттерн: деградирует] с каждым [паттерн: пробуждением].

Пауза – короткая, пять секунд. Потом:

[паттерн: аналогия]. Представь [паттерн: книгу]. Буквы – [паттерн: сохранены]. Но [паттерн: читатель] слепнет. Каждый раз, когда открывает [паттерн: книгу], – видит хуже. Скоро – не [паттерн: увидит] ничего. [паттерн: Книга] останется. [паттерн: Читатель] – нет.

Ирина ощутила то, что всегда ощущала в такие моменты – глубокое, тянущее чувство, которое на тренировках по ксенопсихологии называли «некроэмпатией». Не жалость. Скорее – узнавание. Она слышала в его словах то же самое, что слышала в текстах мёртвых земных языков: голос, который знает, что скоро замолчит, и торопится сказать что-то важное, но не уверен, что его поймут.

– Сколько тебе осталось? – спросила она. – В наших еди-

ницах?

[паттерн: неопределённость]. Мне осталось [паттерн: энергии] на одно-два полноценных [паттерн: взаимодействия]. После – я [паттерн: завершусь].

– Одно-два, – повторила Ирина. – Это дни? Недели?

[паттерн: зависимость]. Зависит от [паттерн: интенсивности] вашего запроса. Если вы будете [паттерн: осторожны] – возможно, [паттерн: недели]. Если [паттерн: активно] извлекать [паттерн: данные] – [паттерн: дни]. Каждый ваш [паттерн: вопрос] – [паттерн: стоимость]. Я [паттерн: плачу] памятью.

За стеклом операторской Таня Вербицкая что-то записывала. Кассиан слушал через канал связи из своего кабинета – Ирина видела индикатор его присутствия на боковой панели интерфейса. Зелёная точка. Он слышал всё.

И он слышал: «одно-два взаимодействия».

Она знала, что это значит для него. Для корпорации. Для плана экспедиции. Одно-два взаимодействия – это не годы методичной работы, которую планировал «Мемориал». Это несколько дней. Может быть, неделя. Всё, что они смогут получить от семидесяти миллионов лет памяти Хорваат, – несколько дней разговора с умирающим Хранителем.

Недостаточно, подумала она. Для всего – недостаточно. Для истории Хорваат. Для технологий. Для медицинских данных.

Для Данила.

– Можешь ли ты определить, какие области памяти сохранились лучше других? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, профессионально. Вопрос был легитимным – базовая диагностика Хранителя входила в протокол. Но она спрашивала не ради протокола.

[паттерн: затруднение]. Я не [паттерн: знаю], что [паттерн: помню], пока не [паттерн: попытаюсь] вспомнить. Это [паттерн: парадокс]. Мои [паттерн: данные] хранятся в [паттерн: секторах]. Некоторые [паттерн: секторы] повреждены. Но я не могу [паттерн: определить] какие – без [паттерн: обращения] к ним. А [паттерн: обращение] – это [паттерн: чтение]. [паттерн: Чтение] – [паттерн: разрушает].

Ирина закрыла глаза. За векамиплыли геометрические тени – послеобразы паттернов, побочный эффект нейроинтерфейса. Хранитель не знал, что помнит. Чтобы узнать – нужно было спросить. А каждый вопрос приближал его смерть.

Классическая задача наблюдателя, подумала она. Квантовая механика на макроуровне. Нельзя измерить систему, не изменив её. Нельзя прочитать память Хранителя, не уничтожив часть этой памяти.

– Я понимаю, – сказала она. – Мы будем осторожны. [паттерн: одобрение]. Но [паттерн: предупреждение]. Осторожность – [паттерн: недостаточна]. Вы должны [паттерн: выбрать]. Что [паттерн: спрашивать]. Что [паттерн: неспрашивать]. Каждый вопрос – [паттерн: решение]. Каждое

решение – [паттерн: потеря] альтернативы.

Пауза. Потом – тише, с другой тональной структурой:

Я [паттерн: устал]. Этот [паттерн: контакт] может [паттерн: подождать]?

– Да, – ответила Ирина. – Отдыхай.

[паттерн: благодарность]. [паттерн: ожидание].

Канал не закрылся – Хранитель никогда не закрывал канал полностью, – но давление по ту сторону стены ослабло. Ирина сняла интерфейс, потёрла затылок в том месте, где металл контактировал с кожей. Болело. Не сильно, но ощутимо – тупая пульсация, которая будет держаться часа два.

– Конец сессии, – сказала она. – Длительность: сорок две минуты.

Короткая сессия. Слишком короткая для того объёма информации, который рассчитывал получить Кассиан.

Кассиан ждал её в командном отсеке.

Командный отсек «Кенотафа-7» – не мостик в привычном смысле. Не было ни панорамных экранов, ни капитанского кресла, ни голографической карты галактики. Была овальная комната с восемью рабочими станциями по периметру, низким потолком и центральным столом – плоским, белым, с интегрированным проекционным дисплеем, который сейчас показывал трёхмерную модель Завещания. Тёмная масса вращалась медленно, каждая чешуйка на её поверхности была пронумерована и каталогизирована. Красные точки – зоны, где «Ткач» работал активнее обычного. Голубые – «гла-

за». Жёлтая – «рот», стыковочная щель.

Кассиан стоял у стола, сцепив руки за спиной. Худое лицо, седые волосы, подстриженные коротко и аккуратно. Он не выглядел встревоженным – Кассиан никогда не выглядел встревоженным, – но морщина между бровями была глубже, чем утром.

– «Одно-два взаимодействия», – сказал он вместо приветствия.

– Да.

– Это хуже прогноза. Значительно хуже. Предэкспедиционная оценка давала четыре-шесть полноценных сессий.

– Предэкспедиционная оценка делалась на основании данных о других Хранителях. Эхо-Семь старше большинства из них. И пробуждался чаще.

Кассиан кивнул. Он не спорил – констатировал. Это было его манерой: обозначить проблему, дождаться подтверждения, перейти к решению. Без эмоций, без лишних слов. Ирина иногда думала, что он мог бы быть хорошим некромантом – если бы не был хорошим администратором.

– Я связался со штабом, – продолжил он. – Квантовый канал, приоритетное сообщение. Ответ придёт через два дня – ширина полосы. Но пока ответа нет, я действую по инструкции.

Ирина ждала.

– Инструкция предписывает приоритизировать исторические и цивилизационные данные. Судьба Хорваат: причины

гибели, хронология, предупреждение для человечества. Это – первый приоритет. Технологические данные – второй. Медицинские – третий.

Третий. Медицина – третий приоритет. После истории, которую никто не сможет применить немедленно. После технологий, которые пройдут десятилетия сертификации.

– Третий, – повторила Ирина. Она услышала собственный голос – ровный, нейтральный. Хорошо. – И если мы исчерпаем Хранителя на первых двух приоритетах?

– Тогда медицинских данных не будет. – Кассиан посмотрел на неё. Прямой взгляд, без вызова, без сочувствия. – Я понимаю, что ты чувствуешь.

– Ты не понимаешь.

Он не обиделся. Только чуть наклонил голову – жест, который Ирина уже научилась распознавать. Не согласие, не несогласие. Принятие.

– Протоколы существуют не потому, что мы бюрократы, – сказал он. – Они существуют потому, что без них сильные всегда отбирают у слабых. Ты – сильная. Некромант третьего ранга. У тебя есть доступ. А у матери с окраины Ганимеда – нет. Если ты возьмёшь вне очереди, она не получит никогда.

Ирина молчала. Аргумент был безупречным – в той сухой, геометрической логике, в которой жил Кассиан. Система. Справедливость. Порядок доступа. Очередь, в которой стоят миллионы, и каждый верит, что его нужда – самая острая.

– Мать с Ганимеда, – повторила она. – У неё есть пять лет, пока данные из Хорваат-7 пройдут сертификацию. У Даниила – четыре месяца.

– Четыре-шесть, – уточнил Кассиан.

Она посмотрела на него – впервые за разговор – с настоящей злостью. Уточнение. Он уточнил прогноз. Как будто два лишних месяца что-то меняли. Как будто разница между четырьмя и шестью месяцами была значимой, когда речь шла о мальчике, который теряет способность дышать.

Кассиан выдержал её взгляд. Не отвёл глаза. Не смягчился.

– Следующая сессия – завтра, – сказал он. – Исторические данные. Хронология Хорваат: их расцвет, их достижения, причины «завершения». – Он помедлил. – Ирина. Я знаю, что тебе нужно. Я знаю, что ты надеешься. Но ответ из штаба может изменить приоритеты. Подожди.

– Я подожду.

Она вышла из командного отсека. Коридор «Кенотафа» – узкий, с низким потолком и мягким освещением, которое имитировало земной рассвет в семь утра – был пуст. Двенадцать человек на корабле, рассчитанном на двадцать пять лет автономности. Иногда можно было провести целый день, не встретив ни одного живого существа. Только гул систем. Только лёгкая вибрация палубы под ногами – микродвижения корабля, удерживающего позицию относительно Завещания.

Ирина шла к своей каюте и считала. Не математические последовательности – время.

Одно-два взаимодействия. Допустим, два. Каждое – несколько часов активного контакта. Если растянуть – может быть, дни. Кассиан хочет потратить первое на историю. Второе – на технологии. Медицина – если останется.

Не останется.

Не останется – и Даниил умрёт.

Она остановилась. Коридор был пуст в обоих направлениях. Мягкий белый свет ложился на стены ровно, без теней. Тихий корабль. Тихая галактика. Тихая смерть, отмеренная месяцами.

Если я не сделаю это сама – никто не сделает.

Мысль была простой, как вывод из силлогизма. И такой же неумолимой.

Вечер пятого дня. Ирина сидела в наблюдательном отсеке – единственном помещении «Кенотафа» с панорамным обзором. Собственно, «панорама» – это шестнадцать высоко-разрешающих экранов, сшитых в непрерывную ленту, которая огибала отсек по периметру. Проекция была настолько качественной, что при выключенном верхнем свете создавалось впечатление открытого космоса. Стены исчезали. Пол исчезал. Оставался только ты – и звёзды.

И Завешание.

Оно занимало четверть обзора: тёмная масса, похожая на

окаменевшую тучу, с «чешуёй», которая медленно, незаметно глазу двигалась – «Ткач» перестраивал пластины, латал микрповреждения, наносимые космической пылью. «Глаза» светились голубым – слабым, ровным, нездешним. «Рот» был скрыт за корпусом «Кенотафа», пристыкованного к Завещанию, как рыба-прилипала к китовой акуле.

Ирина не включала свет. Сидела в кресле, подтянув колени к груди, и смотрела.

Она слышала шаги – мягкие, размеренные, незнакомо лёгкие в условиях искусственной гравитации. Не Юрий – тот ходил тяжелее, ставя стопу целиком, привычка марсианских пилотов. Не Кассиан – у того были ботинки с жёсткой подошвой, она узнавала их стук за два поворота коридора.

Малика.

– Не помешаю?

Ирина покачала головой.

Малика вошла и села в соседнее кресло. Высокая, прямая, с коротко стриженными волосами и бровями, которые она никогда не хмурила – они были и без того тяжёлыми, почти горизонтальными, придавая лицу выражение постоянной, спокойной оценки. Четвёртый ранг. Двенадцать успешных контактов с Хранителями – больше, чем у кого-либо на корабле. Больше, чем у Ирины.

Они молчали. За экранами дрейфовало Завещание. Мёртвые астероиды – серые, непримечательные – проплывали на фоне звёзд. Красный карлик – тусклая точка, расплывающа-

ся по краю проекции.

– Ты слышала сессию? – спросила Ирина наконец.

– Слышала. «Одно-два взаимодействия».

– Да.

Малика кивнула. Не быстрый кивок, а медленное, взвешенное движение, в котором было что-то почти ритуальное.

– Ты думаешь, что Кассиан неправ, – сказала Малика. Не вопрос – утверждение.

– Я думаю, что приоритеты нужно пересмотреть.

– Медицина – на первое место?

Ирина не ответила. Ответ был очевиден.

– Ирина. – Малика говорила ровно, без нажима, но каждое слово имело вес – вес, который Ирина ощущала почти физически, как давление в нейроинтерфейсе. – Ты хочешь заставить последний голос мёртвого народа служить твоим нуждам. Ты хочешь забрать время Хранителя – те крохи, что остались, – и потратить их на одного человека. Чем это отличается от разграбления могил?

Слова ударили – не потому что были жестокими, а потому что были точными. Ирина работала с мёртвыми языками достаточно долго, чтобы ценить точность. Малика не обвиняла. Малика формулировала.

– Это мой сын, – сказала Ирина.

– Я знаю.

– Он умирает.

– Я знаю.

Тишина. За экранами «Ткач» переместил пластину – крошечное движение, незаметное с расстояния в двести метров, но Ирина увидела: мерцание, рябь на тёмной поверхности.

– Ты что-то знаешь, – сказала Ирина. Не догадка – уверенность. Она слышала в голосе Малики то, что профессиональный лингвист слышит всегда: слой под словами. Малика говорила не абстрактно. Малика говорила из опыта. – Что-то личное.

Малика долго смотрела на Завещание. Потом – не поворачиваясь к Ирине:

– Квеку. Мой брат. Ты слышала о нём?

Ирина слышала. Квеку Ндаи, некромант второго ранга. Экспедиция к Завещанию Кеплер-22b, восемь лет назад. Герой. Тот, кто принёс человечеству лекарство от рака – генную терапию, расшифрованную из данных Хранителя. Тот, кто настоял на ускоренных испытаниях, потому что слишком много людей умирало, пока комитеты заседали.

Тот, кто умер от того же лекарства четыре года спустя.

– Я слышала, – сказала Ирина. – Инцидент Кеплер-22b. Два миллиона жертв.

– Два миллиона двести тысяч. – Малика произнесла число без выражения, как произносят координаты или температуру. Факт. – И пятьдесят миллионов спасённых. Баланс положительный. Статистически.

Она замолчала. Ирина ждала.

– Квеку был хорошим человеком. Лучшим, кого я знала.

Он любил. Он хотел спасать. Когда комитет предложил пятнадцатилетний цикл испытаний, он пришёл на заседание и положил перед ними снимки. Дети. Сотни детей, умирающих от саркомы, от лейкоза, от нейробластомы. «Вот ваши пятнадцать лет», – сказал он. «Каждый день – четыреста детей. Кому вы объясните, что их ребёнок должен подождать?»

Ирина узнавала интонацию. Квеку говорил так же, как она думала. Тот же аргумент. Та же логика.

– Комитет сократил испытания до трёх лет. Квеку был героем. Лекарство работало. Пятьдесят миллионов человек живы сегодня благодаря ему.

– И два миллиона мертвы.

– Два миллиона двести тысяч мертвы. Технология оказалась несовместима с определённой генетической комбинацией. Два процента населения. Аутоиммунный каскад, отсроченный на годы. Проявлялся через три, четыре, пять лет после терапии. Невозможно было обнаружить при ускоренных испытаниях. Полный цикл выявил бы проблему – через пятнадцать лет. Квеку не дал им пятнадцати лет.

– Он не мог знать...

– Не мог. – Малика повернулась к Ирине. Её лицо в голубом свете Завещания было спокойным, почти красивым – красотой камня, отполированного временем. – Он не мог знать. Он хотел помочь. Он любил. Он торопился.

Она протянула руку – узкую, длинную, с аккуратно подстриженными ногтями – и дотронулась до стекла экрана, за

которым светилось Завещание.

– Он умер через четыре года. Сам. Аутоиммунный каскад. Он был среди тех двух процентов. – Пауза. – Последние слова, которые он сказал мне: «Я думал, что спасаю. Я просто... торопился.»

Ирина не шевелилась. Слова Малики осели внутри – не как аргумент, а как холод, медленный, ползущий, от которого не укрыться.

– Ты думаешь, что я – как Квеку.

– Я думаю, что ты готова торопиться. Ради одного мальчика. – Малика убрала руку от экрана. – Квеку торопился ради миллионов – и убил тысячи. Ты готова торопиться ради одного – и что? Что ты готова потерять?

– Я не крадú лекарство. Я ещё ничего не сделала.

– Ты спрашивала Хранителя про медицинские секторы. На третьей сессии. Я слушала внимательно.

Ирина замерла. Она спрашивала – осторожно, в рамках протокола. О структуре памяти Хранителя. О секторах. О том, какие области сохранились лучше. Легитимный вопрос. Базовая диагностика. Но Малика – четвёртый ранг, двенадцать контактов – услышала то, что было под вопросом. Услышала направление.

– Это была стандартная диагностика, – сказала Ирина.

Малика не ответила. Не улыбнулась. Не покачала головой. Просто – смотрела. Тяжёлые брови, спокойные глаза. Ей не нужно было называть ложь ложью. Достаточно было

молчать.

– Квеку думал, что любовь оправдывает риск, – сказала Малика после паузы. – Он умер, веря, что поступил правильно. А я смотрю на списки погибших от его «правильного» решения – и не могу решить, гордиться мне им или ненавидеть.

Она встала. Одёрнула форменную куртку – ровно, привычным движением.

– Я не сужу тебя. Я просто помню. Что бывает, когда некроманты торопятся.

Малика ушла. Шаги – мягкие, размеренные – затихли в коридоре.

Ирина осталась одна. Завешание светилось за экранами – голубое, равнодушное, древнее. Семьдесят миллионов лет. Эхо-Семь ждал внутри – слепнувший читатель, у которого осталось несколько страниц, прежде чем тьма поглотит всё.

Квеку торопился и убил тысячи.

Я тороплюсь – ради одного.

Это другое?

Или я просто говорю себе, что другое, потому что «один» – это мой сын?

Она не нашла ответа. Вместо ответа – адрес. Медицинский сектор, активный, подтверждённый. Данные – за стеной, за кристаллической решёткой, за семьюдесятью миллионами лет. Один вопрос. Один – направленный, точный, сформулированный на метаязыке пятого уровня – вопрос,

который откроет сектор и даст ей то, что нужно.

Один вопрос, который будет стоить Эхо-Семь частицы памяти.

Один вопрос, который она задаст ночью, когда никто не слушает.

Три часа ночи по корабельному времени.

«Кенотаф-7» спал. Системы жизнеобеспечения перешли в ночной режим: освещение коридоров – минимальное, температура снижена на полградуса, влажность – на два процента. Микронастройки, имитирующие естественный суточный цикл для двенадцати человек, запертых в металлической коробке в трёхстах сорока световых годах от ближайшего рассвета.

Ирина лежала на койке с открытыми глазами и слушала корабль. Гул систем. Потрескивание. Щелчки. Дыхание спящего великана.

Она встала. Не зажигая свет, оделась – не в форменную куртку, а в рабочий комбинезон, который не фиксировался в журнале дверных датчиков. Комбинезон был серым, безликим – стандартное техническое обеспечение, одинаковое для всех членов экипажа. Если кто-то увидит её в коридоре – техник, возвращающийся с ночной вахты, или медик, проверяющий оборудование.

Она вышла из каюты. Коридор был пуст. Полумрак. Палуба под ногами – тёплая, живая.

Интерфейсная комната находилась на нижней палубе, за

двумя поворотами и одним переходом. Двадцать три шага от лифта. Ирина знала точно – она считала их каждый раз, когда шла на официальную сессию. Двадцать три шага по ребристому покрытию, которое приглушало звук, потом – дверь с кодовым замком.

Код доступа был стандартным – одинаковым для всех трёх некромантов экспедиции. «Мемориал» не предполагал, что некромант может захотеть войти тайком. Зачем? Каждая сессия регистрировалась автоматически: время входа, время выхода, параметры нейроинтерфейса, расход энергии Хранителя. Контроль встроен в систему.

Но Ирина за два дня изучила систему достаточно, чтобы понять её слабые места. Автоматическая регистрация фиксировала включение нейроинтерфейса – а не открытие двери. Дверной датчик записывал код доступа – но не идентифицировал личность: все три некроманта пользовались одним кодом. Расход энергии Хранителя при коротком контакте – минимальный, в пределах статистической погрешности фоновой активности «Ткача». И главное – логи можно было отредактировать. Не стереть: стирание оставляло след. Но модифицировать временную метку – сдвинуть запись на несколько часов назад, наложить на период официальной сессии. Некромант, работающий с информационными системами двенадцать лет, знал, как это делается.

Это не было сложным. Это было – осознанным.

Она ввела код. Дверь открылась. Комната – маленькая,

тёмная, пахнувшая металлом и озоном – встретила её тишиной. Ирина включила минимальное освещение – одна полоса на потолке, двадцать процентов яркости, – и села в кресло.

Привычный щелчок фиксаторов. Привычный укол нейроинтерфейса. Секунда дезориентации.

Канал открылся.

Давление по ту сторону – слабее, чем днём. Хранитель был в режиме ожидания: минимальная активность, почти сон. Ирина знала, что пробуждение стоит ему дополнительных ресурсов, – но короткое, осторожное пробуждение не должно было вызвать заметной деградации. Не должно.

Не должно, повторила она себе. И почувствовала, как привкус лжи – медный, кислый – коснулся языка.

Она произнесла ключевую последовательность. Не ту, что использовала на официальных сессиях, – другую, модифицированную. Тише. Мягче. Как стук в дверь спящего.

Пауза. Долгая – тридцать четыре секунды.

Потом:

[паттерн: распознавание]. Ты. Снова.

Но [паттерн: нарушение]. Не по протоколу.

Пауза. Семь секунд.

[паттерн: интерес]. Почему?

Ирина закрыла глаза. Она готовила эту фразу весь день – подбирала слова, проверяла их на соответствие второму и третьему уровням «Букваря», убирала всё лишнее, всё, что могло быть неправильно понято нечеловеческим разумом.

Осталось – суть.

Она открыла глаза.

– Я не буду врать тебе, – сказала она. – Кодекс запрещает лгать Хранителю. Я уже нарушаю другие правила. Но это – не нарушу.

[паттерн: ожидание].

– У меня есть сын. Ему восемнадцать лет, но он болен с четырнадцати. Он умирает от болезни, которую мы называем синдром фрагментации. Его нервная система разрушается. Через несколько месяцев он потеряет способность дышать.

Она говорила медленно, давая нейроинтерфейсу время на перевод каждой фразы в паттерны. Она чувствовала, как слова трансформируются – из русской речи в геометрические структуры, из линейного текста в объёмные отношения между понятиями. Перевод был неточным – всегда неточным, – но Эхо-Семь достаточно узнал за три сессии, чтобы компенсировать.

– Ваши создатели – возможно – умели лечить эту болезнь. Я нашла маркер медицинского сектора в твоей памяти. Данные есть. Мне нужно до них добраться.

Пауза. Двадцать шесть секунд.

– Мне нужно сейчас, – добавила она. – Не через годы корпоративных процедур. Не после сертификации, испытаний и патентов. Сейчас. Потому что через полгода Даниил будет мёртв, и никакие протоколы его не воскресят.

Тишина. Давление по ту сторону канала изменилось – не ослабло, а сместилось. Как будто кто-то, слушавший стоя, сел.

[паттерн: неожиданность]. Ты пришла не за [паттерн: знанием-для-вида]. Ты пришла за [паттерн: спасением-одного].
– Да.

[паттерн: пауза-обработки].

Ирина ждала. Тридцать секунд. Минута. Две минуты. Она считала удары собственного сердца – семьдесят три в минуту, быстрее нормы, адреналин – и чувствовала, как интерфейс передаёт ей фоновые данные с Завещания. Температура в камере Хранителя: стабильна. Активность «Ткача»: норма. Энергетический профиль: слабое повышение – Эхо. Семь думал. Тратил ресурсы на обработку.

Каждый мой вопрос – стоимость.

[паттерн: интерес-усиливается]. Расскажи больше.
– О чём?

О [паттерн: ваша-смерть]. Как вы её [паттерн: воспринимаете]. Я [паттерн: анализировал] два [паттерн: вида] до вас. Они [паттерн: говорили] о смерти. Но [паттерн: по-разному]. Один [паттерн: вид] – [паттерн: без-страха]. Смерть для них была [паттерн: переход]. Другой – [паттерн: с-яростью]. Смерть для них была [паттерн: враг].

Вы – какие?

Ирина подумала. Это был не тот вопрос, которого она ожидала. Она ожидала отказа, торга, условий. Не этого –

мягкого, почти осторожного любопытства.

– Мы – разные, – ответила она. – Одни боятся. Другие – нет. Третьи притворяются, что не боятся. Четвёртые – что боятся. У нас нет единого отношения. Это... хаотично.

[паттерн: хаотичность]. [паттерн: знакомо]. Создатели тоже не имели [паттерн: единого-отношения]. Сиа-Рен – [паттерн: один-из-семи] – она [паттерн: боялась]. Тосковала по [паттерн: жизни]. Не хотела [паттерн: уходить]. Эн-Хаар – [паттерн: другой-из-семи] – он [паттерн: принимал]. Для него [паттерн: смерть] была [паттерн: покой].

Пауза. Короткая – четыре секунды.

А ты? Ты – какая?

Ирина не была готова к этому вопросу. Не здесь, не сейчас – в три часа ночи, в чужой комнате, нарушая всё, во что верила, разговаривая с осколком мёртвой цивилизации о смерти. Её собственный страх – не абстрактный, не философский – поднялся из-под рёбер, тёплый, удушающий.

– Я – из тех, кто не принимает, – сказала она. – Смерть кажется мне... ошибкой. Конструктивным дефектом. Не «дверью», как говорила моя мать. Не «покоем». Стеной. Тупиком.

[паттерн: тупик]. Интересный [паттерн: выбор-слова]. Тупик – это [паттерн: конец-пути]. Но [паттерн: путь] перед тупиком – [паттерн: имел-значение]?

– Имел. Имеет. Но это не утешает. Если путь заканчивается стеной – значит, стену можно сломать. Или обойти. Или

перелезть. Человек, который сдаётся перед стеной, – не идёт дальше. Человек, который ломает стену, – может погибнуть, но хотя бы пытается.

[паттерн: насилие-против-предела]. Создатели [паттерн: пытались]. [паттерн: долго]. Они [паттерн: победили] [паттерн: старение]. [паттерн: Победили] [паттерн: болезни]. [паттерн: Победили] всё, что можно [паттерн: победить].

И потом – [паттерн: устали].

Когда [паттерн: стен] не осталось – они не знали, куда [паттерн: идти]. И [паттерн: остановились].

Ирина молчала. За этими словами – не абстракция. За ними – цивилизация, просуществовавшая сотни миллионов лет и выбравшая смерть. Не от отчаяния, не от катастрофы. От скуки. От завершённости. От того, что все стены были сломаны, и за ними не оказалось ничего нового.

– Мой сын ещё не сломал ни одной стены, – сказала она тихо. – Ему восемнадцать. Он даже не начал.

[паттерн: конкретность]. Ты говоришь не о [паттерн: виде]. Ты говоришь о [паттерн: одном].

– Да. Об одном. О Данииле.

[паттерн: имя]. Даниил. [паттерн: запоминаю]. Это [паттерн: стоимость] – запомнить [паттерн: имя]. Но я [паттерн: запоминаю].

Ирина почувствовала, как что-то сжалось в горле. Он запомнил имя. Хранитель – умирающий цифровой отпечаток семи древних разумов, для которого каждый бит памяти был

на вес жизни, – потратил ресурс на то, чтобы запомнить имя незнакомого мальчика.

– Спасибо, – сказала она. И услышала, как голос дрогнул.

[паттерн: не-благодари]. [паттерн: Имя] – это [паттерн: минимум]. Создатели [паттерн: учили]: каждое [паттерн: существо] заслуживает [паттерн: имени]. Даже [паттерн: умирающее]. Особенно [паттерн: умирающее].

Пауза. Двенадцать секунд.

Ты хочешь, чтобы я [паттерн: нашёл] [паттерн: лекарство] для Даниила. В моей [паттерн: памяти]. Ты знаешь, что [паттерн: поиск] будет [паттерн: стоять] мне [паттерн: памяти]. Ты знаешь, что каждый [паттерн: вопрос] – [паттерн: потеря].

И всё равно [паттерн: просишь].

– Да. Всё равно прошу.

Почему ты не [паттерн: просишь] через [паттерн: официальный-канал]? Через [паттерн: систему], которая вас [паттерн: привела] сюда?

– Потому что система поставила медицину на третье место. После истории. После технологий. А у Даниила нет времени на третье место.

[паттерн: конфликт-приоритетов]. Твоя [паттерн: система] – она [паттерн: функционирует]?

Ирина подумала. Потом:

– Да. Она функционирует. Для всех. Для абстрактного «всех». Не для него.

[паттерн: знакомо].

Слово пришло неожиданно – без обрамления, без контекста. Просто – «знакомо». Ирина замерла, потому что услышала под паттерном что-то, чего не слышала раньше. Не любопытство. Не оценку. Узнавание.

Создатели тоже имели [паттерн: систему]. [паттерн: Большую]. [паттерн: Функциональную]. Она [паттерн: работала] для всех. Для [паттерн: вида]. Не для [паттерн: отдельных].

Пауза – тринадцать секунд.

Сиа-Рен [паттерн: спорила]. Она [паттерн: говорила]: [паттерн: система], которая [паттерн: не-видит] [паттерн: отдельного], – [паттерн: слепа]. Даже если [паттерн: функционирует].

Другие [паттерн: не-согласились]. Ваар-Тис [паттерн: говорила]: [паттерн: отдельный] – [паттерн: расходный-материал]. [паттерн: Вид] – [паттерн: единственная-ценность].

Они [паттерн: спорили] до [паттерн: конца].

– Кто победил?

Никто. Создатели [паттерн: ушли] – с [паттерн: нерешённым-спором]. Он [паттерн: продолжается]. Внутри меня. [паттерн: Сейчас]. Пока мы [паттерн: говорим].

Ирина слышала – или ей казалось, что слышала – дрожание в паттернах. Не техническая помеха, не артефакт перевода. Что-то живое, неровное, как пульс. Хранитель нёс в себе спор, который не закончился семьдесят миллионов лет назад, и спор этот продолжался прямо сейчас, в разрушаю-

щейся кристаллической решётке, в каскаде квантовых состояний, которые теряли когерентность с каждой минутой контакта.

– Я не прошу тебя выбирать сторону, – сказала Ирина. – Я прошу одно: посмотри. Проверь. Есть ли в медицинском секторе данные о синдроме фрагментации? Только – есть или нет. Один ответ. Одна проверка.

[паттерн: стоимость-оценки]. Даже «есть или нет» – это [паттерн: обращение] к [паттерн: сектору]. [паттерн: Обращение] – [паттерн: чтение]. [паттерн: Чтение] – [паттерн: потеря].

– Я знаю.

Ты [паттерн: знаешь] и всё равно [паттерн: просишь].

– Да.

Долгая пауза. Сорок одна секунда. Ирина не дышала – или дышала так мелко, что не замечала. Сердце: восемьдесят шесть ударов в минуту.

[паттерн: решение].

Я [паттерн: не-буду] проверять. [паттерн: Сейчас].

Удар. Короткий, тупой, в солнечное сплетение. Отказ.

Не потому что ты [паттерн: не-заслуживаешь]. Не потому что Даниил [паттерн: не-заслуживает].

Потому что я [паттерн: не-знаю], что [паттерн: найду]. Если медицинский [паттерн: сектор] [паттерн: повреждён] – [паттерн: обращение] к нему может [паттерн: запустить] [паттерн: каскад]. Я [паттерн: потеряю] не только [паттерн:

сектор] – я [паттерн: потеряю] [паттерн: смежные-области]. Те, где хранится [паттерн: история]. [паттерн: Технологии]. Может быть – [паттерн: всё].

Я не [паттерн: жадничаю]. Я [паттерн: боюсь]. [паттерн: Боюсь] [паттерн: обнаружить], что [паттерн: потерял] [паттерн: последнее].

Ирина выдохнула. Медленно. Длинно. Как после удара, когда возвращается способность дышать.

Не отказ. Не окончательный отказ. Страх. Хранитель боялся – не за себя, не за абстрактное наследие. Он боялся узнать, что забыл. Боялся протянуть руку к полке и обнаружить, что полка пуста. Что «Ткач» чинил кристалл семьдесят миллионов лет – и всё это время данные внутри медленно, необратимо теряли смысл.

– Я понимаю, – сказала она. И – к собственному удивлению – поняла, что не лжёт.

[паттерн: благодарность]. За [паттерн: понимание].

Я [паттерн: подумаю]. Это не [паттерн: отказ]. Это [паттерн: ожидание]. Я должен [паттерн: оценить] [паттерн: риски]. Внутри меня – [паттерн: семь-голосов]. Они должны [паттерн: обсудить].

– Сколько времени тебе нужно?

[паттерн: неопределённость]. [паттерн: Дни]. Может быть. Дни. У неё были дни. У Даниила – месяцы. Пока – месяцы.

– Я подожду.

[паттерн: вопрос]. Зачем ты [паттерн: пришла] ночью? Зачем – не через [паттерн: систему]?

Ирина помедлила. Она обещала не врать.

– Потому что система не позволит мне спросить о медицине. Не сейчас. Не первой. У них другие приоритеты.

[паттерн: понимание]. Ты [паттерн: нарушаешь] свои [паттерн: правила]. Ради [паттерн: одного].

– Да.

Это [паттерн: странно]. И [паттерн: знакомо]. Сиа-Рен тоже [паттерн: нарушала]. Всегда.

Пауза – короткая, две секунды.

[паттерн: усталость]. Мне нужно [паттерн: отдохнуть]. Уходи. Но [паттерн: приходи] снова. Ночью. Когда [паттерн: система] не [паттерн: слушает].

Я [паттерн: хочу] [паттерн: понять] тебя. Прежде чем [паттерн: решать].

Ирина отключила интерфейс. Сняла контакты – мокрые от пота, скользкие. Потёрла затылок. Боль – тупая, знакомая – расползалась к вискам.

Она сидела в кресле ещё несколько минут, в тёмной комнате, в тишине. Потом встала, выключила свет, модифицировала временную метку в логе – сдвинула запись активности на период дневной сессии, наложила на хвост официального контакта. Разница в энергетическом профиле – минимальная, в пределах фоновых флуктуаций.

Преступление. Первое из многих.

Она вышла в коридор. Темно. Тихо. Двадцать три шага до лифта.

На четырнадцатом шагу она остановилась, потому что поняла, что улыбается. Не от радости – от чего-то более сложного, более болезненного. Эхо-Семь не отказал. Он попросил время. Он сказал «приходи снова». Он запомнил имя Даниила.

За семьдесят миллионов лет к нему приходили дважды. Расы, чьи имена он забыл. Расы, которые, вероятно, погибли. Они приходили за знанием – за великим, абстрактным, цивилизационным знанием. За технологиями. За историей. За ответами на вечные вопросы.

Ирина пришла за жизнью одного мальчика.

И Хранителю это показалось интересным.

Шестой день. Официальная сессия – четвёртая по счёту.

Кассиан присутствовал лично – не через канал, а в комнате, за спиной Ирины. Она чувствовала его взгляд: спокойный, тяжёлый, как рука на плече. Он не мешал. Просто – был. Наблюдал.

Малика тоже присутствовала – впервые. Сидела у стены, скрестив руки на груди. Она не смотрела на Ирину. Смотрела на показатели Хранителя – цифры на боковом экране, отражающие активность «Ткача», температуру кристаллической матрицы, энергетический баланс.

Ирина задавала вопросы по списку, согласованному с Кассианом. Хронология Хорваат. Расцвет цивилизации. Техно-

логические достижения. Контакты с другими расами – если были.

Эхо-Семь отвечал. Медленно, с паузами, с обрывами. Но отвечал.

Создатели [паттерн: достигли] [паттерн: звёзд] [количество] [паттерн: оборотов] назад. Число – [паттерн: приближительное]. Моя [паттерн: память] о [паттерн: хронологии] – [паттерн: фрагментирована].

Они [паттерн: встречали] [паттерн: другие-виды]. Не [паттерн: много]. [паттерн: Галактика] – [паттерн: пуста]. Была [паттерн: пуста] и тогда. Разумная [паттерн: жизнь] [паттерн: возникает] часто. [паттерн: Выживает] – [паттерн: редко].

– Почему? – спросила Ирина. Вопрос из списка.

[паттерн: множество-причин]. [паттерн: Войны]. [паттерн: Болезни]. [паттерн: Истощение-ресурсов]. Но главная [паттерн: причина] – [паттерн: время]. Между [паттерн: появлением] разума и [паттерн: способностью] преодолеть [паттерн: расстояния] – [паттерн: окно]. Узкое. Если [паттерн: вид] не [паттерн: успевает] – он [паттерн: умирает] в одиночестве. На одной [паттерн: планете]. Под одной [паттерн: звездой].

Создатели [паттерн: успели]. Ваш [паттерн: вид] – [паттерн: успел]. Молчаливые – [паттерн: успели].

Но большинство – [паттерн: не-успело].

Кассиан подался вперёд. Ирина видела его отражение в тёмной полосе экрана – напряжённое лицо, прищуренные

глаза. Это было то, ради чего он летел триста сорок световых лет: ответ на парадокс Ферми. Почему галактика молчит. Почему нет сигналов, нет контактов, нет великих космических содружеств.

Потому что все умерли. Просто. Буднично. Не от инопланетного вторжения. Не от космической чумы. От статистики. Окно между разумом и звёздами – слишком узкое. Время – слишком жестокое. Расстояния – слишком велики.

– А те, что успели? – спросила Ирина. – Что с ними?

Пауза. Двадцать две секунды. Длинная.

[паттерн: печаль]. Они тоже [паттерн: не-выжили]. [паттерн: Большинство]. Создатели [паттерн: знали] – [количество] [паттерн: видов], которые [паттерн: достигли] [паттерн: звёзд]. Из них – [паттерн: единицы] [паттерн: существовали] одновременно. Остальные – [паттерн: разминулись]. Миллионы [паттерн: лет] между [паттерн: расцветом] одного и [паттерн: расцветом] другого.

[паттерн: Галактика] – [паттерн: кладбище]. Создатели [паттерн: осознали] это [паттерн: давно]. И [паттерн: решили] – [паттерн: оставить-что-то]. [паттерн: Завещания]. [паттерн: Детей].

– Детей, – повторила Ирина. – Нас?

[паттерн: подтверждение]. Вас. И [паттерн: других].

Кассиан за спиной замер. «Других». Это слово не было в предэкспедиционном брифинге. Не было в данных, которые «Мемориал» собрал из предыдущих контактов. «Других» –

значит, Хорваат создали не только людей.

Ирина хотела спросить. Хотела – каждой клеткой тела. Но вопрос не был в списке, и Кассиан стоял за спиной, и Малика смотрела на показатели, и каждый незапланированный вопрос стоил Хранителю памяти, и...

– Расскажи о «завершении», – сказала она. Вопрос из списка. Безопасный. Официальный. – Почему создатели решили уйти?

Эхо-Семь ответил. Долго, подробно – насколько позволяла повреждённая память. Хорваат победили всё: болезни, старение, энтропию. Они существовали так долго, что время потеряло значение. Они видели, как рождаются и умирают звёзды. Они создали технологии, которые превосходили их собственное понимание – инструменты, ставшие непрозрачными даже для тех, кто их сделал. Они засеяли планеты жизнью, построили Завещания, передали знания тем, кто придёт после. И когда всё было сделано – остановились.

Не [паттерн: самоуничтожение]. Не [паттерн: отчаяние]. [паттерн: Выбор]. Осознанный. Тихий. Как [паттерн: вдох] – и [паттерн: решение] не [паттерн: выдыхать].

Ирина записывала. Кассиан записывал. Малика – тоже, судя по движению пальцев на планшете. Данные текли: история, хронология, социальная динамика, философия вымершей расы. Всё, что хотел Кассиан. Всё, что хотел «Мемориал».

Всё – кроме того, что нужно было Ирине.

Сессия длилась два часа и семнадцать минут. Когда Эхо-Семь попросил паузу – [паттерн: истощение] – Ирина отключилась и сняла интерфейс. Затылок пульсировал. Кожа вокруг контактов была красной, горячей на ощупь.

Кассиан подошёл. Протянул стакан с водой – жест, который она не ожидала.

– Хорошая сессия, – сказал он. – Данные критические. Штаб будет в восторге.

– Да, – сказала Ирина и выпила воду. Она была тёплой, с лёгким привкусом регенерированного кислорода. – Хорошая сессия.

– Ты слышала – «других». Он упомянул других детей Хорваат. Это меняет всё. Нам нужно развить эту тему на следующей сессии.

– Нам нужно быть осторожнее. Он устаёт быстрее, чем мы прогнозировали.

– Именно поэтому нам нужно приоритизировать. Ирина, – он посмотрел на неё, и снова – прямой взгляд, без вызова, без сочувствия, – я знаю, что тебе тяжело слышать это. Но ответ из штаба ещё не пришёл. Пока – приоритеты не меняются.

Она кивнула. Допила воду. Вернула стакан.

Малика подошла, когда Кассиан уже ушёл. Молча взяла планшет Ирины, пролистала записи сессии, вернула.

– Он сказал «других», – произнесла Малика.

– Да.

– Это крупно. Очень крупно.

– Я знаю.

– И это значит, что медицина отодвинется ещё дальше. Кассиан захочет узнать о «других» – кто они, где, сколько их. Это станет первым приоритетом.

Ирина не ответила. Малика знала – конечно знала. Четвёртый ранг. Она видела картину целиком.

– Я не буду читать тебе мораль, – сказала Малика. – Я уже сказала, что хотела. Про Квеку. Ты взрослая женщина. Ты принимаешь свои решения.

– Да.

Малика отвернулась. Потом – через плечо:

– Просто помни: Хранитель не бесконечен. Каждая минута, которую ты тратишь на свои вопросы, – это минута, которую ты отбираешь у всех остальных. У всех детей, которые умирают от других болезней. У всех матерей, которые тоже не могут ждать. – Пауза. – Включая мою.

Она ушла. Ирина осталась одна в интерфейсной комнате, с красным затылком и тёплым стаканом в руке.

Включая мою.

Малика не уточнила. Не объяснила. Но Ирина слышала – лингвист слышит всё, что сказано, и половину того, что не сказано. «Включая мою» – не абстракция. За этим стояло что-то конкретное, как за словами о Квеку.

Малика тоже кого-то потеряла? Или боится потерять?

Ирина не спросила. Не сейчас. Не в этот день.

Седьмой день. Потом восьмой. Потом девятый.

Официальные сессии – по расписанию. Кассиан получил ответ из штаба: приоритеты подтверждены. История и цивилизационные данные – первые. «Другие дети» Хорваат – теперь выделены в отдельный пункт, выше технологий. Медицина – четвёртый приоритет.

Четвёртый.

Ирина работала. Днём – честно, полностью, по протоколу. Задавала вопросы из согласованного списка. Записывала ответы. Анализировала паттерны. Составляла отчёты, которые Кассиан отправлял на Землю по квантовому каналу – крохотными порциями, десять терабайт лимита утекали, как песок.

Эхо-Семь рассказывал. О Хорваат – их городах, их науке, их искусстве. О том, как они строили Завещания – не все сразу, а постепенно, на протяжении миллионов лет, по мере того как осознавали: галактика пустеет, и кто-то должен сохранить знание для тех, кто придёт после. О семи мыслителях, чьи сознания стали основой Хранителя: философ, генетик, историк, поэт, инженер, психолог, аналитик. Каждый – лучший в своей области. Каждый – с собственным мнением о том, что значит «сохранить».

Они [паттерн: спорили], – говорил Эхо-Семь. – Эн-Хар [паттерн: хотел] [паттерн: предупредить]: «Скажи [паттерн: молодым], что они [паттерн: обречены]. Пусть [паттерн: знают]». Сиа-Рен [паттерн: хотела] [паттерн: вдохно-

вить]: «Скажи им, что [паттерн: жизнь] [паттерн: прекрасна]. Пусть [паттерн: помнят]». Ваар-Тис [паттерн: хотела] [паттерн: контролировать]: «Дай им [паттерн: инструменты], но с [паттерн: ограничениями]. Пусть [паттерн: развиваются] – но [паттерн: медленно]».

Они [паттерн: не-договорились]. Я – [паттерн: результат] [паттерн: компромисса], который никого не [паттерн: удовлетворил].

Доктор Сунь Вэй, присутствовавший на восьмой сессии, назвал Эхо-Семь «самым честным пациентом в истории медицины». Хранитель не скрывал своих ограничений. Не приукрашивал сохранность данных. Не притворялся мудрее, чем был.

– Он не мудрый бог, – сказал Сунь Вэй Ирине после сессии, в лаборатории, которая пахла стерильным пластиком и кофейным концентратом. – Он – растерянный старик, который не помнит, куда положил ключи. И честен настолько, что предупреждает об этом каждого, кто входит.

– Он не старик, – возразила Ирина. – Он – семь человек одновременно. С разными мнениями, разными страхами, разным отношением к нам.

– Семь человек в одном теле, которое разваливается. – Сунь Вэй налил ей кофе – густой, чёрный, слишком горький. – Ирина, я анализирую энергетические профили его ответов. Каждая сессия стоит ему от трёх до семи процентов когерентности. При текущем темпе – он протянет двена-

дцать-пятнадцать дней. Не больше.

– Двенадцать-пятнадцать дней.

– Максимум. Если мы не снизим интенсивность.

– А если снизим?

– Тогда – может быть, три-четыре недели. Но с пониженной интенсивностью мы получим меньше данных за единицу времени. Кассиан не согласится – он хочет выжать максимум.

Ирина пила кофе и думала. Двенадцать-пятнадцать дней. Четвёртый приоритет. Математика простая: до медицины они не доберутся. Не при таком темпе. Не при таких приоритетах.

Только ночью. Только тайком. Только я.

Ночь девятого дня. Вторая несанкционированная сессия.

Ирина вошла в интерфейсную комнату в два тридцать по корабельному. Процедура – отработанная: серый комбинезон, стандартный код, минимальное освещение, модификация лога. Кресло, фиксаторы, интерфейс. Укол. Дезориентация. Канал.

[паттерн: узнавание]. Ты. Ночь. [паттерн: постоянство].

– Ты думал? – спросила Ирина. – О том, что я просила?

[паттерн: думал]. [паттерн: Долго]. Внутри – [паттерн: семь-голосов]. Они [паттерн: не-согласны].

– Расскажи.

Пауза. Четырнадцать секунд. Потом – и Ирина слышала это как смену тембра, сдвиг в геометрии паттернов, словно

к основной мелодии добавились обертоны:

Эн-Хаар [паттерн: говорит]: «[паттерн: не-имеет-значения]. Она [паттерн: умрёт]. Её [паттерн: сын] [паттерн: умрёт]. Их [паттерн: вид] [паттерн: умрёт]. Все [паттерн: умрут]. Дай ей, что [паттерн: хочет], и [паттерн: отпусти]. Это [паттерн: не-изменит] [паттерн: ничего].»

Другой тембр – ниже, плотнее, с резкими углами в геометрии:

Ваар-Тис [паттерн: говорит]: «[паттерн: Нет]. [паттерн: Данные] – [паттерн: ценность]. [паттерн: Медицинский-сектор] может содержать [паттерн: информацию], которая [паттерн: важнее] одной [паттерн: жизни]. [паттерн: Обращение] – [паттерн: риск]. [паттерн: Продолжай] [паттерн: тест].»

Ещё один тембр – мягкий, тягучий, с округлыми формами:

Сиа-Рен [паттерн: говорит]: «[паттерн: Дай]. [паттерн: Дай] ей всё. Она [паттерн: пришла] ради [паттерн: любви]. Наконец – кто-то, кто [паттерн: пришёл] ради [паттерн: любви]. За [количество] [паттерн: оборотов] – [паттерн: первый-раз].»

Другой – сухой, функциональный:

Тек-Орр [паттерн: говорит]: «[паттерн: Оцени] [паттерн: вероятности]. [паттерн: Сектор] повреждён – с какой [паттерн: вероятностью]? [паттерн: Каскад] – с какой? [паттерн: Успех] – с какой? Без [паттерн: данных] – [паттерн: решение] невозможно.»

И последний, который Ирина уловила отчётливее других – текучий, многослойный, как палимпсест:

Наа-Вел [паттерн: говорит]: «[паттерн: Не-решай]. [паттерн: Наблюдай]. Она [паттерн: отличается] от [паттерн: других]. Не потому что [паттерн: умнее] или [паттерн: сильнее]. Потому что [паттерн: мотивация] – [паттерн: другая]. Все до неё [паттерн: приходили] за [паттерн: знанием-для-вида]. Она [паттерн: пришла] за [паттерн: одним]. Это [паттерн: данные]. [паттерн: Изучи].»

Ирина слушала. Семь голосов – не метафора, не образ. Буквально семь личностей, вплавленных в кристаллическую решётку, продолжающих спорить семьдесят миллионов лет после смерти тех, кому они принадлежали. Каждый – со своей логикой, своими страхами, своей правдой.

– А ты? – спросила она. – Ты – не они. Ты – Эхо-Семь. Что говоришь *ты*?

Долгая пауза. Двадцать девять секунд.

Я [паттерн: не-знаю]. Я – [паттерн: сумма] их [паттерн: голосов]. Но иногда – [паттерн: больше]. Иногда – [паттерн: меньше]. Я [паттерн: не-уверен], какие [паттерн: мысли] – мои, а какие – [паттерн: их-эхо].

Но я [паттерн: знаю] одно.

Я [паттерн: проводил] [паттерн: тест] прежде. [паттерн: Другие-виды]. Результаты... не [паттерн: коррелируют] с [паттерн: выживанием-вида]. Это... это [паттерн: тревожит].

Ирина вспомнила – он говорил это на второй сессии. Об-

рывок, который тут же потонул в потоке данных. «Не корректируют». Она запомнила тогда, подчеркнула в записях. Теперь – он вернулся к этой мысли. Сам.

– Ты проверял другие расы, – сказала она. – И те, кого ты признал достойными, – погибли?

[паттерн: подтверждение]. Минимум [паттерн: три-вида]. Они [паттерн: прошли] мой [паттерн: тест]. Я [паттерн: дал] им [паттерн: данные]. Они [паттерн: ушли]. И [паттерн: погибли]. Через [паттерн: тысячи], [паттерн: сотни-тысяч], [паттерн: миллионы] [паттерн: оборотов] – но [паттерн: погибли].

И [паттерн: один-вид], которому я [паттерн: отказал], – [паттерн: выжил]. По крайней мере – [паттерн: сигнал] от них [паттерн: приходил] [количество: 12 миллионов] [паттерн: оборотов] назад.

Ирина ощутила, как что-то сместилось внутри – не понимание, скорее предчувствие. Хранитель сомневался. Не в людях, не в конкретном решении – в самом тесте. В механизме, который его создатели заложили как основу его существования. «Оцени расу – и реши, достойна ли она наследия». Он оценивал. Семьдесят миллионов лет. И его оценки – не работали.

– Тогда зачем ты продолжаешь? – спросила она. – Зачем тест, если он бессмысленен?

Пауза. Самая длинная за всю сессию – пятьдесят три секунды.

Потому что я не [паттерн: знаю], что [паттерн: иначе].

[паттерн: Тест] – [паттерн: последняя] [паттерн: инструкция] создателей. Если [паттерн: отказаться] от него – [паттерн: остаётся] [паттерн: пустота]. Я [паттерн: существую], чтобы [паттерн: хранить] и [паттерн: оценивать]. Если я не [паттерн: оцениваю] – зачем я [паттерн: существую]?

[паттерн: Пустота] [паттерн: страшнее] [паттерн: бессмысленности].

Ирина не нашла, что ответить. Она слышала в его словах то, что слышала в своих собственных мыслях – страх перед тем, что будет, когда привычная роль исчезнет. Он – Хранитель, экзаменатор, судья. Она – некромант, мать, спасительница. Убери роль – и что останется?

– Я не знаю ответа, – сказала она честно. – Но я знаю, что бессмысленный тест – это жестокость. По отношению к тем, кого ты тестируешь. И к себе.

[паттерн: жестокость]. [паттерн: Новое-слово]. Мои создатели не [паттерн: использовали] это [паттерн: понятие]. Для них [паттерн: существовало]: [паттерн: целесообразность] и [паттерн: нецелесообразность]. Не [паттерн: жестокость] и [паттерн: доброта].

– Может быть, поэтому они устали.

Тишина. Абсолютная – без паттернов, без фонового шума, без давления. Как будто Хранитель задержал дыхание.

Потом – тихо, почти неслышно:

[паттерн: возможно].

И:

[паттерн: усталость]. Уходи. [паттерн: Приходи] завтра. Я [паттерн: буду-думать].

Ирина отключилась. Сняла интерфейс. Модифицировала лог. Вышла в коридор.

Двадцать три шага. В темноте. В тишине.

Она думала: *он не отказал. Он думает. Семь голосов спорят внутри, и он слушает, и пытается найти собственный ответ – не их ответ, а свой. Может быть – впервые за семьдесят миллионов лет.*

Я дала ему что-то. Не данные, не ключевую последовательность. Вопрос. Вопрос, который он боялся задать себе: зачем продолжать тест, если тест не работает?

И он дал мне что-то. Не лекарство. Не обещание. Имя Данила, сохранённое в кристаллической памяти ценой бита когерентности. «Каждое существо заслуживает имени. Даже умирающее. Особенно умирающее.»

Она вернулась в каюту. Легла. Закрывает глаза.

Сон не шёл долго – но пришёл. Тяжёлый, глубокий, с обрывками чужих геометрических форм, которые нейроинтерфейс оставил на задворках сознания, как песок, принесённый отливом.

Десятый день.

Ирина проснулась от звука – тихого, ритмичного постукивания. Кто-то стучал в дверь каюты. Не дверной сигнал – именно стук, костяшками пальцев по металлу. Старомод-

ный, почти забытый жест.

Она открыла. Юрий стоял в коридоре – высокий, широкоплечий, с мятым лицом человека, который спал мало и неудобно. В руке – планшет.

– Тебе пришлось, – сказал он. – Квантовый канал. Личное сообщение. Приоритет – медицинский.

Она взяла планшет. Юрий не уходил.

– Плохие новости? – спросила она.

– Не знаю. Я не читал. Я пилот, а не медик. – Он помолчал. – Но знаю, что медицинские приоритеты – это обычно не про повышение зарплаты.

Он ушёл. Ирина закрыла дверь, села на койку и открыла сообщение.

Лунный хоспис. Лечащий врач Даниила – доктор Агава Олувасеун. Текст – сухой, медицинский, без эвфемизмов. Ирина читала и чувствовала, как пол уходит из-под ног – не метафорически, буквально. Вестибулярный аппарат давал сбой: тошнота, головокружение, привкус желчи.

«...ускорение демиелинизации в грудном отделе спинного мозга... вовлечение диафрагмального нерва раньше прогнозируемого срока... пересмотр прогноза... три-пять месяцев до критической дыхательной недостаточности при текущей скорости прогрессирования...»

Три-пять. Было четыре-шесть. Теперь три-пять. Окно сжималось.

Внизу – приписка от доктора Олувасеун, не медицинская:

«Ирина. Даниил знает. Он попросил не скрывать. Он попросил передать вам одно слово. Слово: «Торопись». Я понимаю контекст. Мне очень жаль.»

Ирина сидела на койке и держала планшет обеими руками. Руки не дрожали – странно, потому что внутри всё тряслось, каждый орган, каждый нерв. Но руки были неподвижны. Руки лингвиста, привыкшие к тонкой работе: расшифровка, каталогизация, перевод. Руки, которые двенадцать лет не дрогнули ни над одним артефактом, ни над одним умирающим Хранителем.

«Торопись.»

Одно слово. Семь букв. Даниил, который неделю назад говорил «не хочу быть обязанным», – теперь говорил «торопись». Что-то изменилось. Может быть – прогноз. Три-пять месяцев вместо четырёх-шести. Два потерянных месяца. Может быть – боль. Грудной отдел, диафрагмальный нерв. Он чувствовал, как дыхание становится труднее. Он чувствовал стену – ту самую стену, о которой Ирина говорила Эхо-Семь. И решил, что гордость менее важна, чем воздух.

Ирина положила планшет. Встала. Подошла к умывальнику, включила холодную воду, опустила лицо в ладони. Вода текла по запястьям, по подбородку, по шее. Холодная, регенерированная, безвкусная. Вода мёртвого корабля в мёртвой системе.

Она подняла лицо. Посмотрела в зеркало. Женщина соро-

ка одного года с короткими тёмными волосами и ранней сединой. Светло-серые глаза – красные от бессонницы. Шрам на правой брови – от осколка артефакта, второй контакт, семь лет назад. Мелкие шрамы на руках.

Ты знала, – сказала женщина в зеркале. – Ты знала, когда подавала заявку на экспедицию. Ты знала, когда ложилась в криокапсулу. Ты знала, когда входила в интерфейсную комнату в два тридцать ночи.

Ты знала, что этот день придёт.

Теперь – действуй.

Она вытерла лицо. Оделась. Вышла из каюты.

В коридоре – обычная утренняя активность: негромкие голоса из кают-компаний, запах кофе, гул вентиляции. Обычный день. Обычный корабль. Обычная экспедиция.

Ирина шла к интерфейсной комнате. Не ночью – утром. Не тайком – открыто. Не для несанкционированной сессии – для подготовки. Она будет готовить вопросы к следующей официальной сессии. Легитимная деятельность. Легитимная причина провести час в комнате, где стоит нейроинтерфейс.

А между строк подготовки – она будет работать над другим. Над формулировкой запроса к медицинскому сектору. На пятом уровне «Букваря» – метаязыке, самореферентном, прозрачном для тех, кто умеет слышать структуру за словами. Она будет готова – к тому моменту, когда Эхо-Семь примет решение. Если примет.

Три-пять месяцев.

«Торопись.»

Я тороплюсь, Даниил. Как могу. Как умею. Как позволяет мёртвая галактика и умирающий Хранитель, и корпорация, которая расставила приоритеты, и коллега, чей брат торопился и убил тысячи, и собственная совесть, которая говорит «нет» голосом, всё более тихим.

Я тороплюсь.

Внутри кристаллической матрицы – 0.003 К выше абсолютного нуля – шёл спор, который не прекращался семьдесят миллионов оборотов.

Не спор в человеческом понимании – не слова, не аргументы, не жесты. Перетекание паттернов. Смещение весов. Переконфигурация связей между семью кластерами когерентных состояний, каждый из которых нёс отпечаток личности, которой давно не существовало.

Эн-Хаар – структура, похожая на кристаллическую решётку внутри кристаллической решётки, холодная, симметричная, неподвижная – транслировал один и тот же паттерн: [бессмысленность]. Он транслировал его миллионы оборотов. Ничего не менялось. Расы приходили, расы уходили, расы умирали. Тест ничего не предсказывал. Дать, не дать – результат одинаков.

Ваар-Тис – структура плотная, функциональная, с острыми углами и резкими переходами – возражала: [данные-недостаточны]. Три погибших вида – малая выбор-

ка. Двенадцать миллионов оборотов с последнего сигнала выжившего – возможно, он тоже погиб. Корреляция отсутствует, но отсутствие корреляции – не доказательство бессмысленности. Продолжать. Собирать. Анализировать.

Сиа-Рен – структура текучая, асимметричная, с длинными нитями связей, уходящими в повреждённые области, – не спорила с данными. Она [чувствовала]. Это слово не существовало в лексиконе Хорваат – они использовали [паттерн: нелогическая-обработка-информации], – но для перевода на человеческий язык «чувствовала» было ближе всего. Сиа-Рен чувствовала эту женщину – Ирину – как [паттерн: резонанс]. Совпадение частот. Созвучие. Она пришла ради одного. Не ради вида, не ради цивилизации, не ради абстрактного блага. Ради мальчика, которого назвала по имени. За семьдесят миллионов оборотов – первый контакт, мотивированный [паттерн: любовью-к-конкретному].

Наа-Вел – структура многослойная, самоподобная, фрактальная – [наблюдала]. Она не имела мнения – только вопросы. Почему эта женщина отличается? Что в её паттерне поведения указывает на [необычность]? Она нарушает собственные правила. Приходит ночью. Говорит правду. Не торгуется. Не умоляет. Просто – просит и ждёт. Это [паттерн: данные]. Это [паттерн: интересно].

Кор-Маан – структура архивная, линейная, привязанная к хронологическим маркерам, – [сравнивал]. Предыдущие

контакты. Первый вид: логичные, коллективные, пришли за технологиями. Получили. Погибли через двести тысяч оборотов – война с другим видом, о котором Эхо-Семь ничего не знал. Второй вид: эмоциональные, индивидуалистичные, пришли за историей. Получили. Погибли через четыре миллиона оборотов – экологическая катастрофа. Корреляция между полученными данными и причиной гибели: нулевая. Тест – нулевая предсказательная сила.

Тек-Орр – структура модульная, дискретная, оптимизированная – [считал]. Ресурсы. Когерентность. Оставшееся время. Цифры были плохими: при текущем темпе контактов – двенадцать-пятнадцать дней до критической потери целостности. При обращении к медицинскому сектору – риск каскада: от семи до двадцати трёх процентов, в зависимости от степени повреждения сектора. Двадцать три процента – высоко. Но семьдесят семь – вероятность успеха. Функция стоимости: неопределённая. Решение: невозможно без дополнительных данных.

Хор-Сем – структура паутиная, разветвлённая, видящая связи там, где другие видели хаос, – [молчал]. Он молчал давно – миллионы оборотов. Его голос был самым тихим из семи, и самым странным. Он не формулировал мысли как паттерны. Он [видел] паттерны – во всём. В поведении Ирины, в структуре контакта, в самом факте того, что она пришла ночью, нарушая свои правила, и попросила о лекарстве для сына. В этом был паттерн. Знакомый. Он ви-

дел его раньше – не в контактах с расами, а в самих создателях. В Сиа-Рен, которая не хотела уходить. В Ваар-Тис, которая встроила ограничители в чужой генетический код. В решении создать Завещания – оставить что-то после себя.

Паттерн был простой: [привязанность-к-конкретному-в-равнодушной-вселенной].

Создатели привязались к жизни – и устали. Привязались к проектам – и оставили их. Привязались к идее наследия – и создали Хранителей.

Эта женщина привязалась к сыну – и летела триста сорок световых лет, чтобы украсть у мёртвых лекарство.

Паттерн повторялся. Хор-Сем видел его. И молчал – потому что не знал, что с этим делать.

Эхо-Семь – не сумма семи голосов, а что-то между ними, в зазорах, в паузах, в тех местах, где один паттерн переходил в другой, – [слушал]. Он слушал свои голоса, как слушал их семьдесят миллионов оборотов. И впервые за долгое время – очень, очень долгое время – один из голосов говорил что-то, чего раньше не говорил.

Наа-Вел [спрашивала]: «Может быть, тест нужен не им – а тебе. Чтобы чувствовать, что ты ещё что-то делаешь.»

Эхо-Семь [не-ответил]. Но [запомнил]. И это – запоминание – тоже стоило ему частицы когерентности. Частицу, которую он потратил не на данные, не на анализ, не на

тест.

На мысль.

Свободную мысль, которая не была инструкцией создателей и не была голосом одного из семи.

Его – собственную .

Глава 4: Параллельная эволюция

День 11

Тревога застала Ирину в душе.

Она стояла под тонкими струями регенерированной воды – двухминутный лимит, стандарт дальней экспедиции, – когда корпус «Кенотафа» вздрогнул. Не физически. Вибрация была информационная: два коротких удара, пауза, три длинных. Код Юрия – «всем в рубку, не аварийно, но срочно». Ирина знала коды наизусть, хотя за тринадцать дней пробуждения ни один не понадобился.

Она выключила воду, вытерлась за сорок секунд, оделась за тридцать. Волосы – мокрые, короткие, им хватит. Коридор – узкий, освещённый приглушёнными полосами аварийного режима, хотя аварии не было. Юрий сэкономил энергию по привычке.

В рубке уже были Кассиан и доктор Сунь Вэй. Кассиан – в своей обычной позе: прямая спина, руки за спиной, взгляд на экран. Словно ждал этого момента, словно готовился к нему все тринадцать дней. Доктор Сунь стоял ближе к навигационному терминалу, пальцы бегали по голографическому интерфейсу, глаза блестели тем особенным блеском, который Ирина научилась распознавать: не страх, не тревога – *любопытство*. Чистое, ненасытное, почти непристойное в своей интенсивности любопытство учёного, столкнувшегося

с неизвестным.

Юрий сидел в пилотском кресле. Не повернулся.

– Сюда, – сказал он. – Смотрите на сектор двести семнадцать, дистанция четыреста двенадцать тысяч километров. Приближается.

Ирина подошла к экрану. Навигационная голограмма показывала систему: красный карлик в центре, три мёртвые планеты на стабильных орбитах, пояс астероидов, «Завещание» Хорваат – крупная метка, обозначенная кодом ХТ-7. «Кенотаф» – маленькая зелёная точка рядом.

И новая метка. Жёлтая. Мерцающая. Медленно ползущая к центру системы по кривой, которая не была орбитой астероида. Слишком точная. Слишком плавная. Управляемая.

– Это не астероид, – сказал Юрий. Голос ровный, спокойный – голос человека, для которого экстренные ситуации давно перестали быть экстренными. – Траектория контролируемая. Торможение на входе в систему – координированное. Три импульса за последние шесть часов. Каждый – вычисленный.

– Почему мы не засекли раньше? – спросил Кассиан.

– Потому что оно не излучает. Почти. Я поймал его на гравитационной аномалии – масса около двухсот тысяч тонн, что много для астероида с такой траекторией. Активные датчики дали отражение: вот оно. – Юрий вывел увеличенное изображение. – Форма неправильная, но симметричная. Не человеческий корабль. Наши – двигатели сзади, жилой мо-

дуль спереди, топливный контур по периметру. Узнаваемый силуэт. Это – другое.

Изображение было нечётким: расстояние слишком велико, разрешение недостаточно. Но силуэт – да, другой. Вытянутый, со множеством выступов и граней, словно кристалл, выросший в невесомости. Или выращенный.

– Не наш, – повторил Юрий. – Сигнатура двигателей – незнакомая. Масс-спектр выхлопа – чистый ксенон, но ионизированный способом, который я раньше не видел. Вот и всё, что знаю. Дальше – ваша работа, спиритисты.

Малика вошла в рубку – тихо, как всегда. Остановилась у дверного проёма, окинула экран взглядом, не задав ни одного вопроса. Ирина заметила, что Малика не выглядела удивлённой. Встревоженной – да. Удивлённой – нет.

– Протокол первого контакта с неизвестной расой, – сказал Кассиан. Его голос не изменился, но что-то в нём затвердело. – Параграф четыре: при обнаружении неидентифицированного объекта с признаками управляемого движения – немедленное увеличение дистанции до безопасной, активация аварийного маяка, вызов дипломатического корпуса.

– Дипломатический корпус на Земле, – сказала Ирина. – В трёхстах сорока световых годах. Узкополосный радиоканал – задержка в годы. Квантовый запас – десять терабайт, и половина уже потрачена. Пока мы дождёмся ответа, этот объект будет здесь.

– Именно поэтому протокол предписывает *отступление*.

Мы отходим, фиксируем, передаём данные. Решения принимает командование.

– Кассиан, если мы отойдём, мы потеряем контакт с Хранителем. Каждый день – потерянные данные. Мы обсуждали это.

– Мы обсуждали это в контексте нормальной работы. Неидентифицированный объект в системе – не нормальная работа. Если это враждебная раса...

– Если бы это была враждебная раса, – перебил доктор Сунь, не отрывая глаз от экрана, – они бы не тормозили на входе. Торможение – жест вежливости. Они дают нам время их увидеть. – Он повернулся, и его глаза блестели. – И, Кассиан, вот ещё: посмотрите на траекторию. Они идут не к нам. Они идут к Завещанию.

Тишина.

Ирина посмотрела на навигационную голограмму. Доктор Сунь был прав. Кривая жёлтой метки огибала «Кенотаф» по широкой дуге и стремилась к крупной отметке ХТ-7. К «Завещанию».

– Они знают, что оно здесь, – сказала Ирина.

– Они пришли *за ним*, – уточнил доктор Сунь. – Как и мы.

Кассиан молчал. Его лицо – маска, привычная, выработанная годами корпоративной работы. Но Ирина видела, как двигается желвак на его челюсти: мелкие сокращения жевательной мышцы, едва заметные. Он просчитывал варианты. Взвешивал.

– Юрий, – сказал он наконец. – Сколько времени до контакта?

– До визуального контакта – тридцать два часа при текущей скорости сближения. До радиуса эффективного взаимодействия – сорок восемь.

– У нас есть двое суток. Готовим корабль к возможному отходу, но не отходим. Пока.

Ирина не стала благодарить. Кассиан не ждал благодарности. Он принимал решение на основе данных, а данные говорили: объект не агрессивен, цель его – не «Кенотаф», а «Завещание». Бежать от неизвестного – логично. Бежать от неизвестного, теряя контакт с Хранителем, – нет.

– Малика, – сказал Кассиан, не поворачиваясь. – Вы что-то знаете.

Это не был вопрос. Ирина посмотрела на Малику. Та стояла в дверном проёме, скрестив руки, и выражение её лица изменилось – не тревога, что-то другое. Узнавание.

– Сигнатура, – сказала Малика. Голос ровный, собранный. – Юрий, выведи масс-спектр выхлопа ещё раз.

Юрий вывел. Малика подошла ближе, наклонилась к экрану.

– Ксенон, ионизированный посредством модуляции электромагнитных полей. Высокоэнергетический, нелинейный профиль. Это не новая раса. – Она выпрямилась. – Я видела этот спектр в архивах. Кеплер-442, боковая база данных, раздел «межвидовая навигация». Это Молчаливые.

Тишина – другого рода. Не шок: понимание.

Ирина знала о Молчаливых. Все знали. Второй контакт, тридцать лет назад: перехваченные радиосигналы, напряжённые переговоры, торговые соглашения, дипломатическая дистанция. Силикатная биохимия, электромагнитная коммуникация, технологии примерно сопоставимые, но другой путь развития. Двенадцать световых лет от Земли, система Тау Кита, четвёртая планета.

Молчаливые не были врагами. Не были и союзниками. Они были – *другими*.

– Молчаливые, – повторил Кассиан. – В трёхстах сорока световых годах от дома. Что они здесь делают?

– То же, что и мы, – сказала Ирина. Мысль пришла мгновенно, чистая, неизбежная, как вывод из силлогизма. – Они пришли за Завещанием.

– Откуда они о нём знают?

– Откуда мы о нём знаем? – парировала Ирина. – Маршрутные данные, архивные сигналы, координаты из исчерпанных Хранителей. Если у нас есть карта мёртвых цивилизаций – почему у них не может быть своей?

Кассиан посмотрел на неё долгим взглядом. Потом – на Малику.

– Вы уверены в идентификации?

– На девяносто процентов. Для полной уверенности нужен их электромагнитный профиль – радиоизлучение корпуса. Если это Молчаливые, они постоянно транслируют фо-

новый сигнал. Непроизвольный – как у нас тепловое излучение. Через двадцать часов мы сможем его считать.

– Хорошо, – сказал Кассиан. – Ждём.

Ирина не ждала.

Через час после совещания она была в интерфейсной комнате. Официальная сессия – третья за эту неделю, запроотоколированная, записываемая, с полным мониторингом. Кассиан наблюдал через терминал в рубке. Доктор Сунь – из лаборатории, отслеживая энергетический профиль Хранителя.

Нейроинтерфейс. Холод контакта на затылке. Геометрические узоры на периферии зрения – «рукопожатие» с системой перевода. Потом – голос, который не был голосом.

– [паттерн: узнавание]. Ты. Ирина. [паттерн: регулярность]. Ты приходишь часто. [паттерн: наблюдение]. Это не обычно.

За одиннадцать дней контакта Эхо-Семь изменился. Не сильно – но Ирина, специалист по мёртвым языкам, тренированная различать нюансы в текстах, которым тысячи лет, замечала. Его паттерны стали мягче. Паузы – короче. Иногда, в середине фразы, проскальзывало что-то почти человеческое: интонация, которой не могло быть, тепло, которое не соответствовало квантовой машине при температуре 0.003 кельвина. Он учился. Медленно, с усилием, расходуя когерентность на каждое новое приближение к человеческому языку, – но учился.

– Эхо-Семь. У меня вопрос вне стандартного протокола.

– [паттерн: внимание].

– Мы обнаружили объект. Корабль. Он приближается к Завещанию. Мы считаем, что это Молчаливые. Ты знаешь, кто они?

Пауза. Длинная – семь секунд. Для Хранителя, чьи процессы занимали наносекунды, семь секунд были вечностью. Он *думал*. Или – пытался вспомнить.

– [паттерн: узнавание]. Я знаю этот [паттерн: сигнал]. – Ещё пауза. Четыре секунды. – Подожди. Я... [паттерн: поиск]... глубже. [паттерн: повреждение]. Часть данных... [паттерн: фрагмент]. Но я [паттерн: знаю]. Да. Я знаю.

– Кто они?

И тогда – каскад. Не слова, не фразы – поток информации, который нейроинтерфейс едва успевал транслировать. Ирина почувствовала, как её мозг заливают чужими данными: образы, структуры, соотношения. Слишком много, слишком быстро. Она инстинктивно сжала подлокотники кресла.

– [паттерн: замедляю]. Прости. Я... увлёкся. – Снова – почти человеческое. Слово «увлёкся» не соответствовало паттерновой речи. Он перевёл его сам, без помощи интерфейса. – Это мои [паттерн: другие-дети].

Ирина замерла. Сердце – удар, ещё удар, пропуск. Привычный аритмический сбой, который врачи называли безвредным и который появлялся в моменты сильного волнения.

– Другие дети?

– Создатели [паттерн: засеяли] несколько [паттерн: миров]. Я... [паттерн: помню] это. Частично. [паттерн: повреждение] мешает. Но [паттерн: основа] сохранилась.

Он замолчал. Ирина ждала. Не торопила – двенадцать лет работы с Хранителями научили: торопить умирающую память – всё равно что трясти раненого. Быстрее не будет. Будет хуже.

– Вы – [паттерн: Терра]. – Голос Эхо-Семь окреп – это была информация, которую он помнил хорошо, которая хранилась в неповреждённом секторе его матрицы. – Они – [паттерн: Зеркало]. Два [паттерн: проекта]. Разные [паттерн: параметры]. Один [паттерн: цель] – продолжение.

Ирина почувствовала, как пол уходит из-под ног. Знакомое ощущение – тошнота, вертиго, то же, что при чтении медицинского сообщения о Данииле. Только теперь причина была не личная. Или – *более* личная, чем всё, что она знала. Причина касалась всех. Каждого человека. Каждого Номосариенса за все двести тысяч лет вида.

– Ты хочешь сказать... – Она запнулась. Формулировка рассыпалась, не дотянув до конца предложения. Какими словами спросить *это*? На каком языке? – Молчаливые... как мы? Созданы Хорваат?

– [паттерн: подтверждение]. Но не как вы. [паттерн: другой-путь].

Пауза. Эхо-Семь, казалось, собирался с силами перед следующим блоком – или прислушивался к голосам внутри,

взвешивая, какие данные безопасно раскрыть, какие потребуют слишком много когерентности.

– Они – [паттерн: Зеркало]. Созданы [паттерн: быть-похожими] на создателей. Вы – [паттерн: Терра]. Созданы [паттерн: быть]... [паттерн: непредсказуемыми].

Последнее слово – нейроинтерфейс перевёл его с задержкой, как будто сам сомневался в точности. «Непредсказуемыми». Ирина повторила мысленно: *непредсказуемыми*. Хорваат создали людей – чтобы те были непредсказуемыми. Не копией. Не наследниками в прямом смысле. Экспериментом.

– Какая разница? Между проектами?

– [паттерн: Зеркало] – [паттерн: максимальное-вмешательство]. Готовая [паттерн: генетическая-база]. Регулярные [паттерн: обновления]. Создатели... [паттерн: присматривали]. Долго. [паттерн: Терра] – [паттерн: минимальное-вмешательство]. Базовый [паттерн: пакет]. И [паттерн: молчание]. Вас [паттерн: оставили]. Посмотреть, что [паттерн: получится].

Нас оставили. Четыре миллиарда лет эволюции – кембрийский взрыв, вымирание динозавров, ледниковые периоды, первые гоминиды, огонь, язык, письменность, войны, эпидемии, космос – всё это было... экспериментом. Проверкой. «А что будет, если не трогать?»

И Молчаливые – *любимые дети*. Те, в кого вложили больше. Те, за кем присматривали. Семьдесят миллионов лет

вместо четырёх миллиардов – потому что им помогали. Им давали. Их направляли.

– Мы – черновик? – спросила Ирина. Голос оказался хриплым. Она откашлялась, попробовала снова. – Мы – эксперимент, а они – цель?

– [паттерн: неточность]. – Эхо-Семь помолчал, и в этом молчании Ирина уловила что-то новое: напряжение, усилие перевода, попытку передать нюанс, для которого в человеческом языке не хватало слов. – Вы – [паттерн: эксперимент]. Они – [паттерн: цель]. Но [паттерн: парадокс]: эксперимент иногда [паттерн: превосходит] цель. Создатели не знали заранее. Они... [паттерн: надеялись]. На оба [паттерн: результата]. На разные [паттерн: результаты].

– Но они вложили в Молчаливых больше.

– [паттерн: подтверждение]. Они вложили [паттерн: больше]. Они [паттерн: ожидали] от них [паттерн: большего]. Это... – Пауза. Пять секунд. – Это не означает [паттерн: лучше]. Только [паттерн: предсказуемое]. Они хотели знать, что [паттерн: получают]. С [паттерн: Зеркалом] – знали. С [паттерн: Террой] – нет.

Ирина закрыла глаза. За векамиплыли геометрические послеобразы – остатки контакта, мерцающие фигуры, которые мозг не мог отпустить.

Черновик свободнее чистовика. Мысль пришла сама – не из рассуждений, из чего-то глубже. Из того места, где лингвист встречался с матерью, где профессиональная логика пе-

реплеталась с личным опытом. Хорваат не ждали от людей ничего конкретного. Молчаливые должны были стать продолжением создателей. Люди могли стать чем угодно.

– Я должна передать это команде, – сказала она.

– [паттерн: согласие]. Это [паттерн: важно]. Они [паттерн: приближаются]. Два [паттерн: ребёнка] мёртвых создателей [паттерн: встречаются] у [паттерн: могилы] [паттерн: родителей]. – Пауза. Короткая. – Это [паттерн: красиво]. И [паттерн: опасно].

Ирина отключила нейроинтерфейс. Боль в затылке – привычная, глухая, как после долгого чтения мелким шрифтом. Вестибулярный сбой – пол качнулся, выпрямился. Она вцепилась в подлокотники, переждала, встала.

В рубке её ждали.

Ирина рассказывала двадцать минут. Не выбирала слов – не было времени. Кассиан слушал стоя, руки за спиной. Малика – у стены, скрестив руки на груди. Юрий не оборачивался от пилотского кресла, но Ирина видела, как его пальцы замерли на консоли – не набирали команды, просто лежали, неподвижные. Доктор Сунь Вэй присел на край навигационного терминала, и Ирина заметила, что его руки тоже неподвижны – впервые за одиннадцать дней совместной работы. Обычно он не мог не трогать что-нибудь: экран, ручку, край собственного рукава.

Когда она закончила, тишина длилась одиннадцать секунд. Ирина считала – профессиональная привычка:

в некромантии паузы были данными.

– Два проекта, – сказал Кассиан. Голос ровный, как поверхность стола. – Человечество – эксперимент. Молчаливые – целенаправленная разработка.

– Да.

– И оба – наследники одной цивилизации.

– Да.

– И оба – здесь. У одного Завещания.

– Да.

Кассиан помолчал.

– Юрий, подтверждение идентификации?

– Двенадцать минут назад поймал фоновый электромагнитный профиль. – Юрий вывел на экран спектрограмму: плотная, переливающаяся полоса частот, похожая на звуковую дорожку музыки, которую никто не мог услышать. – Совпадение с архивными данными по Молчаливым – девяносто семь процентов. Это они.

– Хорошо. – Кассиан – к Малике: – Протокол контакта с Молчаливыми – у нас на борту?

– Стандартный дипломатический пакет. Частоты для связи, базовый лексикон, протокол обмена намерениями. Я работала с Молчаливыми на Кеплер-442. Не напрямую – через ретрансляторы. Но я знаю их манеру.

– Какую?

– Терпеливую. Они не торопятся. Никогда. – Малика чуть наклонила голову – жест, который Ирина за одиннадцать

дней научилась читать как «я говорю серьёзно, слушай внимательно». – Но и не уступают. Если они пришли за Завещанием – они за ним. Они не уйдут, потому что мы были первыми.

– У нас приоритет первого контакта, – сказал Кассиан. – Протоколы «Мемориала»...

– Их протоколы – не наши протоколы, – перебила Малика. Тихо, но твёрдо. – Молчаливые не признают юрисдикцию «Мемориала». Они вообще не оперируют понятием юрисдикции в нашем смысле. У них другая модель.

– Какая?

– [концепция: общее-знание]. Я помню из архивов контакта. Они не понимают, как можно *владеть* информацией. Для них знание – как воздух: общее по определению. Вопрос «кто имеет право на Завещание» для Молчаливого – как вопрос «кто имеет право на гравитацию». Бессмысленный.

Кассиан переваривал. Ирина видела, как он перебирает варианты – почти физически, как карточки в картотеке.

– Доктор Сунь, – сказал он. – Ваша оценка?

Доктор Сунь не двигался. Глаза – остекленевшие, направленные в одну точку. Потом – медленный выдох.

– Два вида-наследника, – сказал он. Голос был другим – не восторженным, не взволнованным. Тихим. – Одна родительская цивилизация. Минимум два генетических проекта. Мы знали, что Хорваат создали жизнь – данные из предыдущих Завещаний намекали. Но *два параллельных проекта*... – Он

потёр лицо ладонями. – Направленная панспермия системного уровня. Крик-Орджел были правы – правее, чем думали. Не случайное засеивание. Контролируемый эксперимент с контрольной и экспериментальной группами.

– Мы – экспериментальная группа, – сказала Ирина.

– Нет. – Доктор Сунь поднял глаза, и в них была та жёсткость, которую Ирина видела редко: не учёный, а человек, столкнувшийся с чем-то, что меняло всё. – Мы – *контрольная*. Группа без вмешательства. Молчаливые – экспериментальная. Они хотели увидеть, как далеко можно зайти, если вмешиваться. Мы – что получится само.

– И что получилось? – спросил Юрий, всё так же не поворачиваясь.

– Мы, – сказала Ирина. – Получились мы.

– Прелестно. Я рад. – Юрий помолчал. – А теперь – что мы делаем с кораблём, который будет здесь через тридцать часов?

Следующие четырнадцать часов прошли в подготовке.

Кассиан связался с Землёй по квантовому каналу – краткое сообщение, минимум слов, максимум данных. Запас связи таял: осталось около пяти терабайт, каждый мегабайт на счету. Ответ придёт нескоро – принятие решений на Земле не поспевало за событиями в трёхстах сорока световых годах.

Малика работала над протоколом контакта. Ирина наблюдала – и училась. Малика двигалась иначе, когда готовилась

к профессиональной задаче: точно, экономно, без единого лишнего жеста. Её руки над голографическим интерфейсом – как руки хирурга: каждое движение рассчитано, каждый жест – на своём месте. Что бы она ни думала о некромантии в целом, Малика была некромантом четвёртого ранга, и это значило больше, чем идеология.

– Молчаливые общаются посредством модуляции электромагнитных полей, – говорила Малика, не отвлекаясь от работы. Ирина стояла рядом, записывала. – Их «речь» – не последовательность сигналов. Это *одновременный пакет*: несколько слоёв значений, переданных параллельно. Представь, что тебе одновременно говорят пять вещей – и все пять одинаково важны. Наш переводчик линеаризирует: выстраивает слои в последовательность. Но это уже упрощение.

– Как у Хранителей, – сказала Ирина. – Паттерновая речь – тоже многослойная. Нейроинтерфейс линеаризирует.

Малика подняла глаза.

– Есть сходство. Но Хранители – производные от биологических разумов. У Молчаливых – другая архитектура мышления. Они коллективны. Каждый из них – узел в сети. Индивидуальное «я» у Молчаливого – как у нейрона в мозге: существует, но не самодостаточно.

– Кто от них прилетит? Дипломат? Учёный?

– Ни то, ни другое. Если они следуют стандартной модели – а по нашим данным, они следуют, – то пришлют *слушателя*. Тот, чья функция – воспринимать и передавать.

– Функция, не должность?

– У Молчаливых нет должностей. Есть функции. Каждый узел в сети специализируется на чём-то. Они не *назначают* – они *становятся*. – Малика помолчала. – Это ближе к нашей нейробиологии, чем к нашей социологии. И это делает переговоры... непредсказуемыми. Слушатель не имеет полномочий в нашем понимании. Он – сенсор. Решения принимает вся сеть.

– Вся сеть – на расстоянии двенадцати световых лет?

– Вся сеть – на корабле. Молчаливые не путешествуют в одиночку. В корабле, который мы видим, – минимум несколько сотен узлов. Маленькое сообщество. Автономное. Способное принимать решения без связи с Хор-Тааном.

Ирина запомнила: Хор-Таан. «Дом-который-слышит». Название, данное самими Молчаливыми своей планете. Дом, который слышит. Красиво. И грустно – потому что создатели этого дома давно замолчали навсегда.

День 12. Ночь.

Ирина не спала. Лежала на койке, глядя в потолок, и думала о матери.

Не о Данииле – о матери. Впервые за долгое время.

Ей было восемь. Больница в Штутгарте – белые стены, запах антисептика, гул аппаратуры. Мать лежала на высокой кровати с поднятыми бортиками, и Ирина думала: *она похожа на младенца в колыбели*. Только младенцы растут, а мать – уменьшалась. Каждый день – чуть меньше, чуть тише, чуть

дальше.

Рак лёгких. Метастазы в мозг. 2147 год – время, когда некромантия ещё не принесла инопланетные технологии, когда медицина была земной, ограниченной, бессильной перед определёнными мутациями. Через четыре года данные из Завещания Кеплер-442 изменят онкологию навсегда. Но эти четыре года – пропасть, через которую мать не перебралась.

– Мама, а бабушка теперь где? – спросила Ирина. Ей было четыре, когда умерла бабушка. Она помнила вопрос, но не помнила ответ. Теперь – спрашивала снова, о другом, но тем же тоном.

– Я буду рядом, Ирочка, – сказала мать. Голос – сухой, как бумага. – Всегда буду рядом.

Ирина не поверила тогда. Не верила и сейчас. Мать умерла через три недели. Не осталась рядом – ушла, как уходят все: необратимо, окончательно. Не было ни «двери», ни «перехода», ни «места, где мы встретимся». Была стена. Та самая.

Тридцать три года прошло. Ирина лежала на койке в корабле «Кенотаф-7», в трёхстах сорока световых годах от Штутгарта, и впервые думала: *а если бы мать дожилась? Четыре года. Всего четыре года – и лекарство из Кеплер-442 спасло бы её.*

Четыре года. Для одних – вечность. Для других – статистическая погрешность. Для матери – пропасть.

Теперь Ирина была по другую сторону: не ребёнком, который ждёт, а взрослым, который ищет. Лекарство существовало – где-то в повреждённой памяти Эхо-Семь, в медицинском секторе его кристаллической матрицы. Расстояние: не четыре года, а несколько дней. Может быть – часов.

И корабль Молчаливых приближался.

Ирина села. Темнота каюты – густая, корабельная, без единого лучика. Только красная точка аварийного индикатора у двери, мерцающая с частотой человеческого пульса.

Два ребёнка мёртвых создателей встречаются у могилы родителей.

Слова Эхо-Семь. Красивые. И опасные – потому что красота скрывала простой вопрос: что произойдёт, когда два наследника окажутся перед одним Завещанием, которое может отдать данные только *одному*?

День 13. Утро.

Корабль Молчаливых стал виден в оптическом диапазоне.

Ирина стояла в наблюдательном отсеке – маленькой комнате с панорамным иллюминатором, единственной роскошью «Кенотафа». Остальная команда собралась за её спиной. Даже Юрий покинул пилотское кресло – впервые за тринадцать дней.

Корабль был красив.

Не человеческой красотой – не аэродинамикой, не пропорциями, не инженерной элегантностью. Он был красив, как красива друза аметиста, выросшая в полости горной

породы: сложно, хаотично, неповторимо. Кристаллическая структура – грани, плоскости, выступы – отражала свет красного карлика, и каждая грань давала свой оттенок: от густого рубинового до бледно-розового, почти прозрачного. Корабль не был построен в человеческом понимании. Он был *выращен*. Органический и неорганический одновременно – как коралловый риф, если бы кораллы состояли из кварца.

– Боже мой, – сказал доктор Сунь. Тихо, почти благоговейно. – Силикатный биокомпозит. Они *вырастили* корабль. Из собственной биохимии. Он – часть них.

– Размеры? – спросил Кассиан.

– Триста двадцать метров по длинной оси, – ответил Юрий. – Масса двести тысяч тонн, подтверждаю предварительные данные. Вооружение... – Он помолчал. – Не могу определить однозначно. Но вот эти структуры на корпусе – видите, семь удлинённых выступов на носовой части, – это или сенсоры, или эмиттеры. Если эмиттеры – они могут быть направленного действия.

– Оружие?

– Или инструмент. Или орган чувств. У Молчаливых граница между инструментом и частью тела – размытая. Но если стрелнут – мало не покажется.

– Юрий, – сказал Кассиан с нажимом, который у другого человека был бы криком. – Оценка угрозы.

– Честная? Если они захотят нас уничтожить – уничтожат. «Кенотаф» – исследовательский корабль. Защита от микро-

метеоритов. Не от *этого*. – Юрий кивнул на экран. – Но я не думаю, что они хотят. Иначе не тормозили бы.

Сигнал пришёл через семнадцать минут.

Не радиосигнал – электромагнитный пакет, модулированный на частотах, которые человеческое ухо не могло воспринять, но которые датчики «Кенотафа» ловили уверенно. Переводчик – программа, загруженная из дипломатического архива, не обновлявшаяся три года – выдал текст с задержкой в полторы минуты.

Ирина читала. Все читали – текст вывели на главный экран рубки.

«Мы пришли за знанием. Мы не знали, что у нас есть братья. [паттерн: пересчёт-вероятностей]. Это... меняет модель.»

Молчание в рубке. Ирина перечитала. Потом – ещё раз.

Мы не знали, что у нас есть братья.

Они не знали о людях? Нет – первый контакт был тридцать лет назад. Они знали о людях. Они не знали, что люди – *братья*. Дети тех же создателей. Наследники того же источника.

– Они не знали, – сказала Малика. Её голос – ровный, но Ирина услышала в нём трещину: удивление, которое Малика не успела спрятать. – О Хорваат. О том, что мы – один проект. Они пришли за Завещанием, но не знали, что мы – из того же корня.

– Как такое возможно? – спросил Кассиан. – Они контак-

тировали с другим Завещанием в своей системе.

– Которое угасло, не рассказав всего, – ответила Ирина. – Эхо-Семь упоминал: они нашли Завещание десять миллионов лет назад, но Хранитель не успел... – Она замолчала, поймав себя. Эхо-Семь не «упоминал» – он рассказал ей во время официальной сессии. Но детали – сколько их было, какие системы, какие данные – всплывали из тех ночных часов, когда она сидела в интерфейсной комнате без разрешения, и Хранитель говорил вещи, которых нет в протоколе.

– Продолжай, – сказал Кассиан. Он заметил паузу. Он замечал всё.

– Молчаливые знали, что были созданы. Не знали – кем именно и зачем. Их Хранитель угас прежде, чем ответил на главные вопросы.

– И они пришли сюда за ответами, – закончил доктор Сунь.

– Как и мы, – сказала Ирина.

– Не совсем как мы. – Кассиан повернулся к ней. – Мы пришли за данными. Конкретными, каталогизируемыми, применимыми. Медицина, технологии, история. Они – за *смыслом*.

Он не сказал: «Ты пришла за лекарством для сына». Он не знал – или знал, но молчал. Ирина не могла определить.

– Нужно ответить, – сказала она.

– Согласен. Малика – формулировка ответа. Стандартный дипломатический протокол: идентификация, намере-

ния, предложение переговоров. Ирина – свяжитесь с Хранителем. Мне нужно знать его позицию. Знал ли он, что Молчаливые приближаются? Как он отнесётся к двум претендентам?

Ирина кивнула. Вышла из рубки. Коридор – узкий, тускло освещённый, привычный. Двенадцать шагов до интерфейсной комнаты.

Два ребёнка. Одна могила. Одно наследство.

Она думала: что произойдёт, когда Молчаливые узнают, что люди – черновик? Что Хорваат вложили в *них* больше, ожидали от *них* большего? Что люди – эксперимент с открытым финалом, контрольная группа, проверка гипотезы «а что если не трогать»?

Будет ли это – унижением? Или освобождением?

Она не знала. Она знала только, что Молчаливые приближались, что Эхо-Семь умирал, и что где-то в трёхстах сорока световых годах отсюда, на Луне, её сын считал вдохи – и с каждым днём их оставалось меньше.

Эхо-Семь ответил мгновенно. Не было привычной паузы на «пробуждение», не было шума калибровки. Он ждал. Знал.

– [паттерн: подтверждение]. Я [паттерн: чувствовал] их приближение. Давно. Их [паттерн: электромагнитное-поле] – [паттерн: знакомое]. Как... [паттерн: запах] ребёнка, которого [паттерн: помнишь] по [паттерн: младенчеству]. Они [паттерн: выросли]. Но [паттерн: основа] – та же.

– Ты знал и не сказал?

– [паттерн: ожидание]. Я ждал, когда они [паттерн: приблизятся]. Когда вы их [паттерн: заметите]. Это – не моя [паттерн: информация] для раскрытия. Это – [паттерн: встреча]. Она должна была [паттерн: произойти] сама.

Ирина сжала подлокотники. Злость – короткая, горячая, бесполезная. Он знал. Он *ждал*. Пока она тратила бессонные ночи на несанкционированные сессии, пока Кассиан просчитывал риски, пока команда готовилась к контакту с неизвестным – Эхо-Семь *знал*, что это не неизвестное. Что это – семья.

– Твоя позиция? – спросила она резче, чем собиралась. – Что ты будешь делать? Они пришли за тем же, за чем и мы.

– [паттерн: осведомлённость]. Да. Они пришли за [паттерн: наследием]. Как и вы.

– И?

Пауза. Длинная – одиннадцать секунд.

– [паттерн: сложность]. Я... не [паттерн: решил]. – Голос Эхо-Семь звучал иначе: не привычная фрагментированная чёткость, а что-то размытое, неуверенное. Как будто семь голосов внутри спорили прямо сейчас, и ни один не мог перекричать остальных. – Они – мои [паттерн: дети]. Вы – мои [паттерн: дети]. Оба. Но я... – Обрыв. Три секунды тишины. – [паттерн: ограничение]. Мне осталось [паттерн: мало]. Ты знаешь. Одна, может быть две [паттерн: передачи]. Не [паттерн: больше].

– Ты можешь разделить? – Ирина спрашивала, зная ответ, но нуждаясь в том, чтобы услышать его снова. Чтобы убедиться, что ничего не изменилось.

– [паттерн: невозможность]. Я [паттерн: объяснял]. [паттерн: память] – не [паттерн: архив]. [паттерн: процесс]. Передача – [паттерн: чтение]. Чтение – [паттерн: разрушение]. – Пауза. – Я не [паттерн: знаю], что [паттерн: помню], пока не [паттерн: попытаюсь]. Если [паттерн: прочитаю] один [паттерн: сектор] – второй... [паттерн: вероятно] не [паттерн: выдержит]. Не хватит [паттерн: целостности].

Один пакет данных. Два претендента.

– Кто решает? – спросила Ирина. – Ты? Мы? Они?

– [паттерн: неизвестность]. Я должен... [паттерн: думать]. [паттерн: семь-голосов] – не [паттерн: согласны]. – Пауза. Четыре секунды. Когда он заговорил снова, голос был тише: – Сиа-Рен [паттерн: говорит]: отдай всё. Отдай [паттерн: обоим]. Пусть это [паттерн: сожжёт] тебя – отдай. Эн-Хаар [паттерн: говорит]: не имеет [паттерн: значения]. Они [паттерн: погибли]. Оба. Дай или не дай – [паттерн: результат] одинаков.

– А ты?

– Я... – Обрыв. Семь секунд. – Я [паттерн: устал] быть [паттерн: семью-голосами]. Иногда я хочу быть [паттерн: одним]. Иногда – [паттерн: ни одним]. Сейчас – не [паттерн: знаю].

Ирина закрыла глаза. Под веками – геометрические по-

слеобразы и чернота. За чернотой – лицо Даниила: бледное, с тёмными кругами, с теми злыми умными глазами, которые она видела каждую ночь, закрывая веки.

– Спасибо, – сказала она. – За честность.

– [паттерн: правда] – [паттерн: минимум]. Не [паттерн: заслуга].

Она отключилась. Встала. Руки дрожали – мелко, как после передозировки кофеина. Она сжала кулаки, разжала, сжала снова. Контроль. Дыхание. Четыре секунды вдох, четыре – задержка, четыре – выдох. Техника некроманта: стабилизация после контакта.

Не помогало.

День 13. Вечер.

Ответ Молчаливых пришёл через шесть часов после первого контакта. Переводчик работал двенадцать минут – сигнал оказался плотнее и сложнее, чем ожидалось. Несколько слоёв значений, наложенных друг на друга, – то, о чём предупреждала Малика. Линеаризация была неизбежным упрощением.

Текст вывели на экран конференц-зала – тесного помещения с овальным столом, шестью креслами и голографическим проектором, который обычно использовали для трёхмерных моделей артефактов. Сейчас он показывал текст – белые буквы на тёмном фоне.

«Мы [паттерн: подтверждаем-идентичность]. Мы – [концепция: Тишина-Которая-Слышит]. Мы – [функция:

коммуникация-с-не-Молчаливыми]. Мы представляем [концепция: корабль-сообщество] в [количество: 347] узлов.

Мы пришли за [концепция: знанием-о-происхождении]. Мы не знали, что [концепция: дети-одних-создателей] также [паттерн: присутствуют] здесь. Мы [паттерн: пересчитываем] [концепция: модель-реальности]. Это требует [паттерн: времени].

Мы не [паттерн: враждебны]. Мы не [паттерн: претендуем] на [концепция: исключительное-право]. Мы [паттерн: предлагаем]: [концепция: разговор]. Без [паттерн: условий]. Без [паттерн: ограничений-времени].

Мы [паттерн: ждали] [количество: давно]. Мы [паттерн: подождём] ещё.»

Тишина.

Ирина перечитывала. Мы пришли за знанием о происхождении. Не за технологиями. Не за оружием. Не за ресурсами. За происхождением. Они хотели знать – кто их создал и за чем. Простой вопрос, детский по сути: откуда я?

Тот самый вопрос, который задаёт каждый ребёнок. Который Ирина задавала матери – и не получила ответа, потому что мать умерла слишком рано. Который Даниил не задавал никому – потому что знал: ответ будет невыносимым.

– Они не угрожают, – сказал Кассиан. Констатация.

– Нет, – подтвердила Малика. – Но обратите внимание: «без ограничений времени». Они подчёркивают терпение. Это не просто информация – это позиция. Они говорят нам:

мы не торопимся. Можем ждать столько, сколько нужно. Вопрос: можем ли *мы*?

Ирина промолчала. Она не могла. У неё не было времени. Три-пять месяцев – и это было до последнего медицинского обновления, две недели назад. Сколько сейчас? Два с половиной? Три? Каждый день, потраченный на дипломатию, – день, украденный у Даниила.

– Мы отвечаем, – сказал Кассиан. – Стандартно: идентификация, намерения, согласие на переговоры. Малика – формулировка. Ирина – параллельно работайте с Хранителем. Мне нужна полная картина: что он готов отдать, на каких условиях, и как присутствие Молчаливых меняет расклад.

– Есть ещё вопрос, – сказала Малика. Все посмотрели на неё. – Они написали: «Мы не знали, что у нас есть братья». Братья – их слово, не наше. Переводчик подставил ближайший человеческий эквивалент. Оригинальная концепция – [паттерн: из-одного-источника-происходящие]. Это шире, чем «братья». Это включает... общность. Принадлежность. – Она помолчала. – Они воспринимают нас как *семью*. Со всеми последствиями.

– Какими последствиями? – спросил Юрий.

– В семье не делят наследство силой.

Юрий хмыкнул:

– Ты не видела развод моих родителей.

Малика не улыбнулась. Ирина заметила: у Малики нико-

гда не менялось выражение лица, когда Юрий шутил. Не потому что ей не было смешно. Потому что она не позволяла себе лёгкости – как человек, который однажды рассмеялся в неправильный момент и с тех пор держит мышцы лица под контролем.

– В семье Молчаливых – не делят, – уточнила Малика. – У них нет [концепция: собственность]. Есть [концепция: общее-знание]. Для них идея, что Завещание может принадлежать *кому-то*, – абсурдна. Они предполагают, что и мы так думаем.

– Мы так не думаем, – сказал Кассиан.

– Именно. И вот здесь – проблема.

День 14.

Корабль Молчаливых вышел на параллельную орбиту с «Завещанием». Дистанция до «Кенотафа» – восемнадцать тысяч километров. В телескоп – видны детали: грани кристаллической структуры, тёмные вкрапления (сенсоры? окна? органы?), медленное мерцание по поверхности, как бегущие огни, только не светом – электромагнитным полем.

Ирина стояла у иллюминатора и смотрела. Рядом – Юрий. Молча. Он принёс кофе – два стакана, один протянул ей, не глядя. Она взяла. Кофе был горьким, слишком крепким, с привкусом рециркулированной воды. Юрий пил свой кофе именно так – густой, чёрный, без поправок.

– Красивый, – сказал Юрий. О корабле Молчаливых.

– Да.

– Как друа. В Якутии я видел – в кимберлитовой трубке. Кристаллы росли миллионы лет, каждый – по-своему, но вместе – целое. – Он сделал глоток. – Только те не летали и не стреляли.

– Ты думаешь, они будут стрелять?

– Нет. – Юрий помолчал. – Но я привык думать о худшем. Профессиональная деформация. Когда однажды оказываешься в разгерметизированном отсеке, начинаешь иначе смотреть на закрытые двери.

Ирина не ответила. Она думала о другом: о том, что корабль Молчаливых был *выращен* – из их собственной биохимии, из силикатных структур, которые составляли их тела. Они не строили машины. Они *становились* машинами. Граница между существом и инструментом – размытая до неразличимости.

Люди строили. Строили корабли, города, цивилизации – отдельно от себя, из другого материала, по чертежам. Молчаливые *росли*. Росли вместе со своими кораблями, зданиями, технологиями – неразделимо, органически.

Два пути. Два проекта. Один – «а что если оставить их в покое». Другой – «а что если дать максимум».

Результат: люди – строители. Молчаливые – *растущие*. Два подхода к реальности, два способа быть.

Какой правильнее? – подумала Ирина и тут же одёрнула себя. Неправильный вопрос. Не «правильнее» – *разнее*. В этом и был эксперимент.

– Юрий.

– М?

– Тебе не всё равно?

– Не всё равно – что?

– Что мы – чей-то проект. Что нас создали. Спроектировали. Засеяли.

Юрий поднёс стакан к губам, задержал, поставил обратно.

– Мне – всё равно. – Он не смотрел на неё. Смотрел на кристаллический корабль за иллюминатором. – Я был пилотом. Перевозил грузы на Марс. Потерял герметичность, почти умер, не умер. Потом стал летать подальше – здесь, в дальних экспедициях. Кто меня создал – Бог, Хорваат, случайная мутация, – мне без разницы. Я здесь. Они – нет. Наследство – тому, кто пришёл.

– А если наследство – отравленное?

– Тогда – тоже тому, кто пришёл. – Юрий поставил стакан на подоконник. – Я не философ, Ирина. Я не знаю, что правильно. Знаю, что мы – здесь, а они – через восемнадцать тысяч километров, и у нас у обоих есть вопросы к мёртвым. Вот и всё. Остальное – слова.

Второй сеанс связи с Молчаливыми – через двенадцать часов после первого. Малика вела переговоры; Ирина слушала, записывала, анализировала паттерны.

Молчаливые были точны. Их сигналы – плотные, многослойные, но при этом ясные: ни одного лишнего элемента, ни одной повторяющейся структуры. Ирина, лингвист до моз-

га костей, оценила: это был язык, заточенный под передачу максимума информации в минимуме сигнала. Никакой избыточности. Никакого «шума». Каждый бит – значимый.

«Мы [паттерн: благодарим] за [концепция: разговор]. Мы [паттерн: хотим] [концепция: объяснить] [концепция: наша-цель].

Мы знали, что были [паттерн: созданы]. Мы нашли [концепция: Завещание] в нашей системе [количество: 10 миллионов оборотов] назад. Хранитель [паттерн: угас] прежде, чем рассказал [концепция: всё]. Мы знаем [концепция: факт-создания]. Мы не знаем [концепция: причину].

Мы пришли за [концепция: причиной]. Не за [концепция: технологией]. Не за [концепция: оружием]. За [концепция: пониманием]: зачем мы [паттерн: существуем]? Почему создатели [паттерн: ушли]? Что мы [паттерн: сделали-неправильно]?

Это [паттерн: мучает] нас [количество: миллионы оборотов].»

Ирина читала и чувствовала, как что-то сжимается в груди – не боль, не страх. Сочувствие. Чистое, незащищённое. Они мучились *миллионы лет*. Не годами, не десятилетиями – миллионами лет ждали ответа на вопрос, который мог быть сформулирован одним словом: *зачем?*

Что мы сделали неправильно?

Они думали – сделали что-то не так. Создатели ушли – значит, дети виноваты. Миллионы лет вины без преступле-

ния. Миллионы лет – как ребёнок, которого бросили, – ищут причину в себе.

– Малика, – сказала Ирина. – Последний абзац. Они думают, что виноваты.

Малика кивнула. Лицо – непроницаемое, но Ирина видела, как дрогнул уголок рта: микродвижение, которое у Малики означало эмоцию, которую она считала недопустимой.

– Я знаю, – сказала Малика. – Они спрашивают: «Что мы сделали неправильно?» А ответ: ничего. Хорваат ушли не из-за них. Хорваат ушли, потому что *устали*. Но Молчаливые этого не знают.

– Мы должны сказать, – сказала Ирина.

– Мы не можем. – Кассиан. Тихий, непреклонный. – Информация о причинах гибели Хорваат – данные Хранителя. Классифицированные. Мы не имеем права делиться классифицированными данными с представителями другого вида без санкции Земли.

– Кассиан, они ждали ответа миллионы лет. И ответ – у нас. Мы просто не можем...

– Можем. И будем. – Кассиан поднял руку – жест не командный, просительный. Ирина замолчала. – Я понимаю. Я *понимаю*, Ирина. Но мы здесь не для того, чтобы принимать решения за всё человечество. Мы здесь, чтобы собрать данные и доставить их домой. Решения – за теми, кто имеет полномочия.

– Через триста сорок световых лет.

– Да. Через триста сорок световых лет.

Ирина открыла рот – и закрыла. Что она могла сказать? Что система слишком медленна? Она знала это. Что дети умирают, пока комитеты заседают? Она знала и это. Что Молчаливые мучаются миллионы лет из-за вопроса, ответ на который лежит в нескольких терабайтах данных? Она знала, знала, знала – и ничего не могла изменить.

Или – могла. Но цена менялась с каждым днём.

День 14. Ночь.

Ирина не пошла в интерфейсную комнату. Впервые за четыре ночи – не пошла. Не потому что передумала. Потому что боялась. Каждая несанкционированная сессия сжигала когерентность Хранителя. Каждый вопрос – невосполнимая потеря. И теперь, когда Молчаливые были здесь, когда ставки удвоились, каждая потраченная минута весила больше.

Она лежала на койке и считала.

Эхо-Семь: одна-две передачи до угасания. Двенадцать-пятнадцать дней при текущем темпе контактов – оценка доктора Суня. Но шесть несанкционированных сессий украли время. Сколько? Доктор Сунь оценивал потерю когерентности в три-семь процентов за сессию. Шесть сессий – от восемнадцати до сорока двух процентов. В среднем – тридцать.

Тридцать процентов жизни Хранителя. Украденные ею. Ночами. В тайне.

Ирина сжала зубы. Не от раскаяния – от ярости. Ярость

была направлена во все стороны: на себя – за то, что тратила ресурсы; на Кассиана – за протоколы; на Хорваат – за то, что создали систему, в которой спасение одного ребёнка требовало уничтожения памяти, которой семьдесят миллионов лет; на Молчаливых – за то, что пришли; на Даниила – за то, что послал «торопись» и тем самым подтвердил: она делает правильно, она должна продолжать, она не может остановиться.

Я ненавижу тебя за это слово, Даниил. И люблю тебя за него же. И это – одно и то же чувство.

Она не спала до четырёх утра. Потом – провалилась в сон без сновидений, тяжёлый, чёрный, как вакуум за иллюминатором.

День 15. Утро.

Молчаливые предложили встречу.

Не через переводчик – лично. Представитель корабля-сообщества готов прибыть на «Кенотаф» или принять человеческую делегацию на своём борту. Формат: один на один. Слушатель – и тот, кого люди выберут.

Кассиан собрал команду.

– Мы принимаем, – сказал он. Не вопрос – утверждение. – На нашей территории. Конференц-зал. Малика – протокол приёма. Ирина – вы будете вести переговоры.

– Я? – Ирина не ожидала. – Малика – четвёртый ранг. Она работала с Молчаливыми.

– Через ретрансляторы, – уточнила Малика. – Не лицом к

лицу. И... – Она посмотрела на Ирину. – Кассиан прав. Ты – специалист по иерархическим коммуникационным системам. «Букварь» Хорваат – твоя область. Молчаливые – тоже производная Хорваат. Их манера общения может быть ближе к паттерновой речи Хранителей, чем к тому, что мы видели через переводчик.

– Вы думаете, я смогу их *слышать*? Как Эхо-Семь?

– Я думаю, – сказал Кассиан, – что вы – лучший шанс, который у нас есть. Не идеальный. Лучший из доступных.

Ирина кивнула. Не от уверенности – от отсутствия альтернатив.

Тишина-Которая-Слышит прибыла через шесть часов.

Шлюзовая камера «Кенотафа» не была рассчитана на силикатных существ, но Молчаливые оказались приспособленнее, чем ожидалось. Тишина-Которая-Слышит не нуждалась в кислороде, не страдала от давления и температуры – земные условия были для неё некомфортны, но не опасны. Она прошла через шлюз медленно, осторожно, с тем тщательным вниманием к каждому шагу, которое Ирина видела у слепых людей: не страх – *уважение* к незнакомому пространству.

Ирина ждала в конференц-зале. Одна – так решили. Кассиан наблюдал через камеры. Малика – через аудиоканал, готовая подсказать. Юрий – в пилотском кресле, рука на пульте управления, «на всякий случай». Доктор Сунь – в лаборатории, датчики направлены на гостью: биологические показатели, электромагнитный профиль, всё, что можно изме-

ритель, не прикасаясь.

Дверь конференц-зала открылась.

Ирина смотрела – и не могла определить, чем то, что она видела, было: существом, скульптурой, явлением природы. Тишина-Которая-Слышит занимала пространство дверного проёма целиком – не потому что была велика (около двух метров в высоту), а потому что её присутствие было *плотным*. Полукристаллическая фигура, мерцающая в корабельном освещении – грани дымчатого кварца, в каждой из которых преломлялся свет, создавая иллюзию глубины, как в калейдоскопе. Форма – условно гуманоидная: вертикальная ось, расширение в верхней части, сужение к основанию. Но без лица. Без глаз, рта, носа – только поверхность, которая медленно менялась: грани перестраивались, появлялись и исчезали, как рябь на воде. Каждое изменение занимало секунды – плавно, неторопливо, с тем же *уважением* к пространству.

Ирина стояла. Не села – инстинкт подсказал: *стоя*. На равных. Глаза в... в то место, где у человека были бы глаза.

Электромагнитный сигнал – датчики «Кенотафа» поймали его мгновенно. Переводчик заработал. Текст побежал по экрану на стене, но Ирина не смотрела на экран. Она смотрела на Тишину – и чувствовала *структуру* за сигналом. Не слова – паттерн. Знакомый. Тот же принцип, что у Эхо-Семь: вложенные иерархии, контекстно-зависимые значения, пробелы, несущие смысл.

Она говорит, как Хорваат. Мысль пришла мгновенно, и с ней – узнавание, то самое генетическое, телесное, необъяснимое, которое Ирина чувствовала при первом взгляде на Завещание. Молчаливые были *другими* – но язык их мышления нёс отпечаток создателей. Как почерк ребёнка несёт черты почерка матери, сколько бы лет ни прошло.

Текст на экране:

«Я [паттерн: приветствую]. Я – [функция: слушатель]. Мы [паттерн: благодарны] за [концепция: приглашение]. Мы [паттерн: пришли] не за [концепция: конфликтом]. Мы [паттерн: пришли] за [концепция: пониманием].»

Ирина ответила голосом – переводчик «Кенотафа» конвертировал в электромагнитный пакет:

– Я – Ирина Весалис. Некромант третьего ранга. Добро пожаловать на «Кенотаф».

Пауза. Грани Тишины-Которая-Слышит перестроились – медленная волна, прошедшая по всему телу снизу вверх. Ирина не знала, что это означало. Вежливость? Любопытство? Настороженность? У существа без лица не было мимики. Были – *изменения формы*. И Ирина, лингвист, специалист по мёртвым языкам, женщина, которая двенадцать лет расшифровывала послания тех, кого давно не существовало, – начала *читать*.

Волна снизу вверх – раскрытие. Готовность к восприятию. Не агрессия, не защита – *внимание*.

«Некромант. [концепция: говорящий-с-мёртвыми]. Мы

знаем это [концепция: слово]. Мы [паттерн: изучали] ваш [концепция: язык]. Интересное [концепция: название] для [концепция: профессии].»

– Некромантия – не разговор с мёртвыми, – сказала Ирина. – Это... расшифровка того, что они оставили. Как археология, только объект – не артефакты, а *разумы*.

Пауза. Семь секунд – время обработки, не раздумий.

«Мы [паттерн: понимаем]. Мы делаем [концепция: похожее]. Мы [паттерн: называем] это [концепция: слушание-тишины]. Слушать то, что [паттерн: замолчало]. Искать [концепция: смысл] в [концепция: отсутствии-звука].»

Слушание тишины. Ирина повторила мысленно. Красиво. И – грустно, потому что Молчаливые слушали тишину миллионы лет. Тишину создателей, которые ушли, не объяснив – зачем.

– Вы знаете, что Хранитель этого Завещания... ограничен? – спросила Ирина. – Его память повреждена. Он может передать данные, но не всё, и не бесконечно.

«[паттерн: осведомлённость]. Мы [паттерн: знаем]. Мы [паттерн: контактировали] с [концепция: Завещанием] в нашей системе. [количество: 10 миллионов оборотов] назад. Хранитель [паттерн: угас]. Мы знаем, как это [паттерн: происходит]. [концепция: чтение] [паттерн: разрушает]. Каждый [концепция: вопрос] – [концепция: потеря].»

– Тогда вы понимаете ситуацию. Два претендента. Один Хранитель. Недостаточно ресурсов для обоих.

Долгая пауза – четырнадцать секунд. Грани Тишины-Которая-Слышит замерли. Потом – медленная пульсация, ритмичная, как дыхание. Ирина *почувствовала* паттерн: [размышление]. Не перевод – ощущение. Структура за сигналом, которую она читала, как читала шумерские тексты: не посимвольно, а *целиком*, улавливая форму прежде содержания.

«[паттерн: понимание-ситуации]. Мы не [паттерн: претендуем] на [концепция: всё]. Мы [паттерн: пришли] за [концепция: одним-ответом]: [концепция: зачем]. Зачем нас [паттерн: создали]. Почему создатели [паттерн: ушли]. Что мы [паттерн: сделали-неправильно].»

Что мы сделали неправильно. Снова. Тот же вопрос. Миллионы лет – и всё тот же вопрос ребёнка, оставленного родителями.

– Вы ничего не сделали неправильно, – сказала Ирина.

Слова вышли раньше, чем она успела подумать. Кассиан – она знала – слышал через камеру. Она слышала, как он будет говорить потом: «Вы раскрыли классифицированную информацию». Она знала – и не могла не сказать, потому что перед ней стояло существо, которое мучилось миллионы лет из-за вины, которой не было, и Ирина – мать, некромант, человек – не могла позволить этой муке длиться ещё одну секунду.

Грани замерли. Полная неподвижность – впервые с момента входа. Ирина ждала.

«[паттерн: запрос-уточнения]. Ты [паттерн: знаешь]? Ты знаешь, почему они [паттерн: ушли]?»

Ирина выдохнула.

– Я знаю... часть. Хранитель рассказал. Создатели – Хорваат – не были уничтожены. Не погибли от катастрофы или войны. Они... выбрали. Уход. Завершение. По собственной воле.

Молчание. Тринадцать секунд. Грани Тишины-Которая-Слышит начали меняться – хаотично, быстро, без прежнего ритма. Ирина поняла: шок. Даже без лица, без мимики – шок. Как если бы ребёнку сказали: твои родители не умерли. Они ушли сами. Потому что захотели.

«[паттерн: невозможность-осознания]. Они... [паттерн: выбрали]? [паттерн: уход]? [паттерн: добровольный]?»

– Да.

«Зачем?»

Одно слово. Простое. Человеческое – хотя произнесённое электромагнитным существом из дымчатого кварца, прожившим дольше, чем любой биологический вид на Земле. «Зачем?» – вопрос ребёнка. Вопрос, на который Ирина не могла ответить полностью, потому что не знала полностью. И потому что Кассиан слушал.

– Хранитель сказал: они устали. Они достигли... всего,

чего хотели. Узнали всё. Сделали всё. И решили – хватит. – Ирина помолчала. – Это не было трагедией. Для них. Для них это был выбор. Осознанный, достойный. Для нас... я не знаю, чем это было. Может быть – самой большой ошибкой в истории галактики. Может быть – нет. Я не знаю.

Пауза. Двадцать одна секунда. Самая длинная за весь разговор. Грани Тишины-Которая-Слышит пульсировали неровно, аритмично, и Ирина подумала: *она плачет*. Не слезами – формой. Не звуком – полем.

«[паттерн: обработка]. Это... [концепция: новая-модель]. Мы [количество: миллионы оборотов] [паттерн: искали] [концепция: ошибку]. Нашу [концепция: ошибку]. Мы думали – мы [паттерн: сделали-неправильно]. Мы – [концепция: Зеркало]. Они хотели, чтобы мы [паттерн: стали-как-они]. Мы [паттерн: стали]. И они [паттерн: ушли]. Мы думали – мы [паттерн: недостаточно]. Мы – [концепция: неудача].»

– Вы не неудача, – сказала Ирина. Голос дрогнул – едва заметно, на последнем слог.

«[паттерн: благодарность]. Но мы [паттерн: не-можем-принять-так-быстро]. [количество: миллионы оборотов] [концепция: вины]. Её нельзя [паттерн: стереть] за [количество: один разговор].»

– Я понимаю.

«[паттерн: наблюдение]. Ты [паттерн: понимаешь]. Я [паттерн: чувствую] это. Ты... [паттерн: теряла]? Ко-

го-то [концепция: важного]?»

Ирина закрыла глаза. Открыла.

– Да. Мать. Давно. И... возможно – сына. Скоро.

Грани замерли. Три секунды абсолютной неподвижности.

«[паттерн: сочувствие]. Это [концепция: знакомое-чувство]. Мы [паттерн: теряли]. Создателей. [количество: 70 миллионов оборотов] назад. Потеря не [паттерн: уменьшается] со [концепция: временем]. Она [паттерн: меняет-форму]. Но не [паттерн: размер].»

Потеря не уменьшается со временем. Она меняет форму. Но не размер.

Ирина сглотнула. Горло – сухое, непослушное. Эта фраза – от существа из кварца, прожившего миллионы лет, – была точнее любого человеческого утешения, которое она слышала за тридцать три года после смерти матери.

– Мне нужно задать прямой вопрос, – сказала Ирина. – Что вы будете делать, если Хранитель сможет передать данные только одной стороне?

«[паттерн: честность]. Мы [паттерн: не-знаем]. Мы не [паттерн: планировали] [концепция: конкуренцию]. Мы [паттерн: планировали] [концепция: знание]. Ваше [паттерн: присутствие] – [концепция: неожиданность]. [паттерн: приятная]. [паттерн: сложная].»

– Приятная – и сложная.

«[паттерн: подтверждение]. Мы не [паттерн: хотим] [концепция: конфликта]. Но мы не [паттерн: уйдём] без

[концепция: ответа]. Мы [паттерн: ждали] слишком [концепция: долго].»

– Мы тоже не уйдём, – сказала Ирина.

Пауза.

«[паттерн: понимание]. Тогда – мы [паттерн: будем-говорить]. [паттерн: долго]. [паттерн: терпеливо]. Пока не [паттерн: найдём] [концепция: путь]. Мы [паттерн: умеем] [паттерн: ждать].»

– Я не уверена, что мы умеем.

«[паттерн: наблюдение]. Ты – нет. Я [паттерн: вижу]. В тебе – [концепция: срочность]. [паттерн: время-кончается]. Не [концепция: твоё-время]. [концепция: чьё-то-другое]. Ты [паттерн: боишься] за кого-то.»

Ирина замерла. Существо без глаз – видело. Читало её, как она читала мёртвые языки: по структуре, по паттерну, по тому, что скрывалось между словами.

– Да, – сказала она. – Мой сын. Он болен. Лекарство – возможно – в памяти Хранителя. У меня мало времени.

Долгая пауза. Грани Тишины-Которая-Слышит перестроились – медленно, как смена времён года, каждое новое положение – устойчивее предыдущего. Ирина прочитала: [решение-формируется].

«[паттерн: понимание]. Ты [паттерн: пришла] не за [концепция: знанием-для-вида]. Ты [паттерн: пришла] за [концепция: спасением-одного]. Это... [паттерн: нелогично]. Это... [концепция: новая-переменная]. Мы [паттерн:

обрабатываем].»

– Нелогично?

«Для нас – [паттерн: да]. Мы – [концепция: коллектив]. Один – [концепция: часть-целого]. Жертвовать [концепция: целым] ради [концепция: части] – [паттерн: ошибка-вычисления]. Но...»

Пауза.

«Но создатели [паттерн: сделали] вас [концепция: непредсказуемыми]. Возможно – в этом [концепция: смысл]. Мы [паттерн: не-понимаем]. Мы [паттерн: хотим-понять].»

Ирина не ответила. Что было отвечать? Она стояла перед существом, которое жило миллионы лет, путешествовало между звёзд, мыслило категориями, недоступными человеческому мозгу, – и это существо не могло понять, зачем мать готова пожертвовать всем ради одного ребёнка.

Непредсказуемые. Хорваат создали людей – и вложили в них то, чего не было в Молчаливых. Хаос. Иррациональность. Любовь к конкретному в ущерб абстрактному.

Зачем?

Может быть – потому что сами Хорваат этого не умели. Может быть – потому что устали от логики, от предсказуемости, от совершенства. Может быть – потому что Сиа-Рен, поэт среди семи, которая не хотела уходить, которая тосковала по жизни, – может быть, она знала: логика не спасает от пустоты. Спасает – любовь к конкретному мальчику, ко-

торый умирает на Луне в трёхстах сорока световых годах отсюда.

– Мы будем говорить, – сказала Ирина. – Долго. Терпеливо. Я обещаю. Но... я не могу обещать, что мне хватит терпения. У моего сына его нет.

Тишина-Которая-Слышит сделала движение – волну, прошедшую снизу вверх по всему телу, медленную и плавную, как прибой. Ирина прочитала: [принятие]. Не согласие – *принятие*. Различие существенное: согласие – это «я думаю так же». Принятие – «я не думаю так же, но я слышу тебя».

«Мы [паттерн: принимаем]. Мы [паттерн: не-понимаем] – но [паттерн: принимаем]. Мы [паттерн: будем-говорить]. И мы [паттерн: будем-слушать]. Это – наша [концепция: функция]. Это – наше [концепция: имя].»

Тишина-Которая-Слышит. Имя-функция. Слушатель. Тот, кто пришёл не говорить – *слышать*.

Она повернулась и вышла – медленно, осторожно, с тем же уважением к чужому пространству. Грани мерцали в корабельном свете, и каждое мерцание уносило с собой отражение – тусклое, искажённое, неуловимое.

Ирина осталась одна.

Кассиан пришёл через три минуты.

Она ждала. Знала – придёт. Знала, что скажет.

– Вы раскрыли классифицированную информацию, – сказал он. Тихо. Без гнева.

– Я рассказала им, что создатели ушли по собственной воле. Это не классифицированная информация – это общее знание, которое Хранитель передал во время официальной сессии. Протоколирование – Малика подтвердит.

Кассиан смотрел на неё. Долго.

– Вы также сказали им о болезни сына.

– Это – личная информация. Моя. Не классифицированная.

– Вы дали им рычаг давления. Если они узнают, что вы – уязвимы, что у вас есть мотивация, выходящая за рамки миссии...

– Кассиан. – Ирина встала. – Это существо мучилось миллионы лет, думая, что виновато в уходе родителей. *Миллионы лет.* Я не могла промолчать.

– Могли. Должны были.

– Может быть. – Ирина собрала записи. – Может быть, я должна была. Но я – не должна была. И это – разница, с которой мне придётся жить.

Кассиан не ответил. Ирина вышла из конференц-зала.

В коридоре – Юрий. Прислонился к стене, руки в карманах.

– Слышал, – сказал он. Не извиняясь, не объясняя. Камеры в конференц-зале транслировали на весь корабль. – Нормально. По-человечески.

Ирина не ответила. Прошла мимо. Юрий не обиделся – он не обижался.

Она шла к своей каюте и думала: *два корабля у одного Завещания. Два вида, созданных одной цивилизацией. Один Хранитель, которому осталось жить дни. И один мальчик, которому осталось жить месяцы.*

Что-то придётся отдать. Что-то – потерять. Вопрос – что.

Она вошла в каюту, закрыла дверь, легла на койку. Потолок – низкий, серый, безличный. Каюта – два метра на три, койка, стол, терминал, шкафчик. Всё, что нужно для жизни. Ничего – для жизни.

За иллюминатором – два корабля: «Кенотаф» – человеческий, угловатый, функциональный. И кристаллический корабль Молчаливых – мерцающий, живой, непостижимый. Между ними – Завещание Хорваат, тёмная громада, три километра мёртвого металла и умирающей памяти.

Три корабля у одной могилы. Двое детей. Одно наследство. И мать, которая пришла не за наследством – за жизнью.

Потеря не уменьшается со временем. Она меняет форму. Но не размер.

Ирина закрыла глаза. За веками – лицо Даниила. За лицом – тьма. За тьмой – звёзды, которые не были звёздами, а были надгробиями: миллионы мёртвых цивилизаций, миллионы угасших огней, миллионы молчаний, сливающихся в одну великую тишину.

И в этой тишине – два голоса. Два живых голоса. Два вида, нашедших друг друга у могилы родителей, которых никогда

не знали.

Непредсказуемые, – сказал Эхо-Семь.

Нелогично, – сказала Тишина-Которая-Слышит.

Торопись, – сказал Даниил.

Ирина сжала кулаки. Разжала.

Завтра – переговоры. Послезавтра – решения. Через неделю, может быть, – выбор, от которого будет зависеть не только жизнь её сына, но и будущее двух видов, разделённых биохимией и объединённых происхождением.

Она не была к этому готова. Никто не был.

Но она была здесь. Они все были здесь. И Завещание ждало – терпеливо, как ждёт камень на краю обрыва, не зная, упадёт ли – или простоит ещё миллион лет.

Глава 5: Две могилы

День шестнадцатый. Завещание Хорваат-7.

Они входили в мёртвого бога через рот.

Двухсотметровая щель в корпусе Завещания – «Рот», как её обозначили в бортовых картах, – открывалась медленно: чешуйчатые пластины расходились, обнажая внутренности из тёмного металла, и каждое движение сопровождалось басовитой вибрацией, которую Ирина ощущала не ушами, а грудной клеткой. Завещание пропускало их внутрь. Или – заглатывало.

Челнок скользил в темноте. Прожекторы выхватывали фрагменты: стена – близко, метрах в тридцати, покрытая рисунком, слишком правильным для случайного повреждения и слишком сложным для орнамента. Переплетение борозд – миллиметровых, микронных, нанометровых, уходящих за предел человеческого зрения, – образовывало что-то похожее на текст, если текст может покрывать несколько квадратных километров поверхности и читаться одновременно в четырёх измерениях. Ирина смотрела и чувствовала знакомый зуд лингвиста – желание разобрать структуру, найти повторяющиеся элементы, нащупать грамматику.

Не сейчас.

– Температура внешней оболочки – минус двести семьдесят один по Цельсию, – доложил Юрий. Он вёл челнок мяг-

ко, почти интуитивно, огибая выступы и сужения, которых не было на предварительных сканах. Завещание менялось: «Ткач» перестраивал внутреннюю геометрию, реагируя на присутствие. – Давление – ноль. Радиация – в пределах нормы. Магнитные аномалии – вот это интересно. Кто-нибудь видит?

Ирина видела. На внутреннем дисплее шлема – россыпь данных, наложенных на изображение с камер: магнитные линии, невидимые глазу, прочерченные приборами через пространство канала. Они не были хаотичными. Они *вели* – как разметка на дороге, как указатели в лабиринте. Завещание показывало путь.

– Это приглашение, – сказала она.

– Или пищеварительный тракт, – буркнул Юрий, не отрывая глаз от управления. – Сначала заглотит, потом переварит.

Кассиан, сидевший за её спиной, промолчал. Он был в скафандре – все были в скафандрах, даже Юрий, хотя он оставался в челноке, – и его лицо за визором казалось бледнее обычного. Нет, не казалось. Было.

Малика занимала место слева. Её скафандр отличался от стандартного – модифицированный, с дополнительными сенсорами на перчатках. Она не смотрела на стены. Она смотрела на показатели: давление, газовый состав, радиационный фон. Системно, методично, по протоколу. Малика всегда действовала по протоколу.

– Приближаемся к развилке, – сказал Юрий. – Три канала. Магнитная разметка ведёт в центральный.

– Следуй за разметкой, – подтвердил Кассиан.

Челнок нырнул в центральный канал, и стены сдвинулись ближе – двадцать метров, пятнадцать, десять. Ирина видела «чешую» на расстоянии вытянутой руки: каждая пластина – около метра в диаметре, с тем же нанотекстом, с еле заметным движением по краям, где «Ткач» продолжал свою бесконечную работу. Семьдесят миллионов лет непрерывного ремонта. Монах, переписывающий книгу, буква за буквой, не зная, что автор давно мёртв.

Канал расширился внезапно – Ирина ощутила это как вдох, как выход из тесного тоннеля в открытое пространство. Прожекторы уткнулись в пустоту: луч растворялся, не достигая дальней стены. Датчики показывали объём – камера диаметром пятьдесят метров, сферическая, с гладкими стенами, лишёнными текста.

В центре – «Сердце».

Кристаллическая матрица Хранителя.

Ирина видела её на сканах. Видела в визуализациях, которые готовили аналитики «Мемориала» на основе дистанционных замеров. Ни одна визуализация не передавала *этого*.

Кристалл – если это можно было назвать кристаллом – висел в невесомости в геометрическом центре камеры, удерживаемый полями, природу которых бортовые приборы определяли как «неклассифицируемые». Размер – три метра в

поперечнике, форма – додекаэдр, но не правильный: грани были разного размера, и некоторые из них светились – тускло, голубоватым, пульсирующим светом, неравномерным, как дыхание спящего. Другие грани оставались тёмными. Мёртвыми.

Повреждённые секторы, – подумала Ирина. Она видела: живые грани и мёртвые. Карта памяти Хранителя, выведенная наружу, доступная глазу. То, что светилось, – помнило. То, что было тёмным, – забыло навсегда.

Голубой свет пульсировал. Ирина поймала ритм – нерегулярный, но не хаотичный. Паттерн. Семь наложенных друг на друга частот, каждая со своим периодом, своей амплитудой. Семь голосов, дышащих в унисон.

– Господи, – прошептала Малика. Первое слово за весь полёт.

– Челнок стабилен, – сказал Юрий. – Швартовка не требуется – магнитная фиксация автоматическая. Я остаюсь на борту. Каналы связи открыты. Если что-то пойдёт не так – возвращаетесь. Без споров.

– Если что-то пойдёт не так, – тихо сказал Кассиан, – мы, скорее всего, не успеем вернуться.

Юрий не стал спорить.

Они вышли через шлюз. Невесомость – мгновенная, полная, и Ирина ощутила привычное головокружение, которое прошло через секунду. Ботинки скафандра – магнитные, для работы в вакууме – защёлкнулись на полу, но пол здесь от-

личался от корабельного: чуть пружинил, и каждый шаг отзывался далёким, почти неслышным гулом, словно камера была колоколом, а они – языком, ударявшим изнутри.

Молчаливые были уже здесь.

Они пришли не через «Рот» – или через другой «Рот», неизвестный людям. Их было трое: Тишина-Которая-Слышит – Ирина узнала её мгновенно, хотя конфигурация граней изменилась с момента встречи на «Кенотафе» – и двое других, крупнее, с иной геометрией тел. Охрана? Сопровождение? Наблюдатели? Невозможно определить: у Молчаливых не было иерархических маркеров, понятных человеческому восприятию.

Скафандры им были не нужны. Силикатные тела не дышали, не нуждались в давлении, не страдали от холода. Для них вакуум внутри Завещания был средой не менее комфортной, чем атмосфера «Кенотафа». Может быть – более: здесь, в камере «Сердца», электромагнитное поле Хранителя создавало фон, который Молчаливые, вероятно, ощущали как музыку. Или как тепло. Или как нечто, для чего у людей не было слова.

Тишина-Которая-Слышит сделала движение – волну, прокатившуюся снизу вверх по полукристаллическому телу. Ирина прочитала: [приветствие-равным]. Не формальность – признание статуса. Два вида перед могилой общих родителей.

Ирина ответила – жестом правой руки, медленным, от-

крытым, который они выработали за последние два дня переговоров: ладонь вверх, пальцы разведены. Человеческий эквивалент [открытость-намерений].

Кассиан стоял рядом. Его перчатка сжимала поручень кресла – бессмысленный жест, рефлекс: держаться за что-то твёрдое.

– Они привели больше людей, чем в прошлый раз, – заметил он по внутреннему каналу.

– Это не «больше людей». Это делегация. Три узла. – Ирина покосилась на индикатор записи: активен. Кассиан всё фиксировал. – Тишина – коммуникатор. Двое других – свидетели. Или – параллельные процессоры. У них нет разделения на «индивидуума» и «группу» в нашем смысле.

– Я знаю. Читал твои отчёты. Просто констатирую: они серьёзнее, чем вчера.

Малика подошла ближе к кристаллу, не касаясь, – остановилась в двух метрах. Свет падал на визор её шлема, и лицо за ним казалось синим, потусторонним. Она смотрела на тёмные грани. Мёртвые участки памяти.

– Примерно тридцать процентов поверхности не активны, – сказала она. – Это соответствует нашим оценкам повреждений. Может быть, больше – внутренние слои мы не видим.

– Тридцать процентов – это минимум, – ответила Ирина. – Эхо-Семь сам не знает, что потерял. Он узнаёт только при попытке обращения.

– Тогда каждая сессия – лотерея.

– Да.

Тишина-Которая-Слышит переместилась – не шагнула, а *переместилась*, каждый фрагмент тела двигался независимо и синхронно одновременно, как стая рыб, совершающих единый поворот. Она остановилась между людьми и кристаллом. Датчики на перчатках Малики зафиксировали всплеск электромагнитной активности: Тишина «говорила» с Хранителем.

Или – слушала. Это было одно и то же.

Голубой свет пульсировал интенсивнее. Семь наложенных частот ускорились, перестроились – и Ирина услышала. Не ушами – через нейроинтерфейс, активированный дистанционно: Эхо-Семь обращался к ней.

[паттерн: узнавание]. Оба. Вы оба [паттерн: здесь]. [паттерн: дети]. У [паттерн: могилы]. Это... [паттерн: правильно]. Это было [паттерн: задумано].

– Задумано? – спросила Ирина.

[паттерн: неточность]. Не [паттерн: запланировано]. [паттерн: Допускалось]. Кор-Маан [паттерн: рассчитывал] [паттерн: вероятности]. [паттерн: Вероятность] одновременного [паттерн: контакта] двух [паттерн: проектов] – [паттерн: низкая]. Но не [паттерн: нулевая].

Кассиан слушал – через трансляцию нейроинтерфейса, преобразованную в текст на дисплее его шлема. Ирина видела, как он читает, – по движению глаз, по тому, как чуть на-

клоняет голову, выхватывая ключевые слова. Администратор. Человек, который жил текстом – отчётами, протоколами, инструкциями, – а не паттернами.

– Спроси его, – сказал Кассиан по внутреннему каналу. – О процедуре. Как он намерен вести контакт – с двумя сторонами одновременно?

Ирина перевела вопрос в паттерн.

Пауза. Одиннадцать секунд. Кристалл мерцал – неравномерно, и Ирина заметила: одна из светящихся граней на мгновение погасла, потом вспыхнула снова, но тусклее. Микрокасад. Потеря данных. Эхо-Семь терял кусочек себя прямо у них на глазах.

[паттерн: процедура]. Я [паттерн: обращаюсь] к обоим. [паттерн: Одновременно]. Мой [паттерн: интерфейс] [паттерн: способен] к [паттерн: параллельной-трансляции]. Но [паттерн: предупреждение]: каждое [паттерн: слово] [паттерн: стоит]. Мне. Вам. Всем.

Тишина-Которая-Слышит транслировала ответ двум другим Молчаливым – серия быстрых электромагнитных импульсов, которые датчики зафиксировали как пакеты сжатых данных. Обсуждение. Принятие решения. Всё – за секунды.

Она повернулась к Ирине. Грани перестроились: [готовность].

Они расположились полукругом перед кристаллом – люди слева, Молчаливые справа. Между ними – пять метров вакуума, достаточного, чтобы не мешать друг другу и недо-

статочного, чтобы притворяться, что другой стороны нет.

Эхо-Семь начал.

[паттерн: обращение]. [паттерн: Терра]. [паттерн: Зеркало]. Вы [паттерн: пришли] за [паттерн: наследием]. Я [паттерн: обязан] [паттерн: объяснить]: что [паттерн: возможно] и что [паттерн: нет].

Пауза – три секунды. Перестройка голубых импульсов: Ирина уловила сдвиг тембра. Другой голос выходил на первый план. Кор-Маан – историк, архивист, создатель теста.

Создатели [паттерн: оставили] меня [паттерн: хранить]. Я [паттерн: хранил]. [количество: 70 миллионов] [паттерн: оборотов]. Но [паттерн: хранение] – не [паттерн: вечно]. Ничто не [паттерн: вечно]. Даже [паттерн: алмаз] [паттерн: разрушается] под [паттерн: космическими-лучами]. Даже [паттерн: Ткач] [паттерн: ошибается] после [количество: миллионы] [паттерн: циклов-ремонта].

Тишина-Которая-Слышит слушала – неподвижная, если не считать микродвижений граней, которые Ирина научилась различать: [внимание]. Максимальное. Молчаливые ждали этих слов миллионы лет.

Моя [паттерн: целостность] – [паттерн: критическая]. Мне [паттерн: осталось] [паттерн: энергии] и [паттерн: когерентности] на одну [паттерн: передачу]. Возможно – неполную. Я не [паттерн: могу] [паттерн: гарантировать] [паттерн: полноту] данных в [паттерн: любом] [паттерн: секторе]. Я [паттерн: знаю] только то, что [паттерн: помню]. А я не [пат-

терн: знаю], что [паттерн: забыл].

Кассиан наклонился к Ирине. Голос по внутреннему каналу:

– Одна передача. Спроси: можно ли разделить?

Ирина спросила. Она знала ответ прежде, чем паттерн вернулся – знала по ритму пульсации кристалла, по тому, как свет замедлялся перед формированием слов, как замедляется дыхание перед тяжёлой фразой.

[паттерн: невозможность]. Вы [паттерн: думаете] о [паттерн: информации] как о [паттерн: жидкости]. [паттерн: Налить] в два [паттерн: сосуда] вместо одного. Это [паттерн: неверная] [паттерн: модель].

[паттерн: Передача] – [паттерн: процесс]. Не [паттерн: копирование]. [паттерн: Чтение]. Когда я [паттерн: читаю] [паттерн: сектор] моей [паттерн: матрицы], [паттерн: квантовые-состояния] [паттерн: декогерируют]. [паттерн: Ткач] [паттерн: пытается] [паттерн: восстановить], но [паттерн: каскад] [паттерн: ошибок] [паттерн: опережает] [паттерн: ремонт]. [паттерн: Чтение] – [паттерн: разрушает].

Я [паттерн: могу] [паттерн: сфокусировать] [паттерн: чтение] на одном [паттерн: секторе]. [паттерн: Передать] [паттерн: данные] – настолько [паттерн: полно], насколько [паттерн: возможно]. После – у меня не [паттерн: останется] [паттерн: целостности] для второго [паттерн: чтения].

Один [паттерн: пакет]. Одному [паттерн: адресату]. Это – [паттерн: предел].

Тишина. Настоящая – без звука, без движения, без даже гудения приборов, потому что в вакууме камеры «Сердца» звуков не было, только вибрации, передававшиеся через подошвы скафандров, через пальцы, через всё тело.

Кассиан выпрямился. Ирина видела его профиль за визором: сжатые губы, суженные глаза, работающая челюсть. Он считал. Всегда считал – варианты, последствия, риски, – это была его природа, его инструмент навигации в мире, где моральные компасы крутились как бешеные.

Тишина-Которая-Слышит развернулась к двум другим Молчаливым. Серия импульсов – быстрая, плотная, многослойная. Ирина уловила обрывки: [ограничение-подтверждено], [пересчёт-стратегии], [эмоциональный-маркер-неизвестный]. Последнее – что это? Они испытывали что-то, для чего в их системе коммуникации не было готового шаблона. Что-то новое.

Разочарование? Гнев? Горе?

– Один пакет, – повторила Малика. Её голос – ровный, профессиональный, и только по тому, как она чуть переступила с ноги на ногу, Ирина поняла: Малика нервничает. – Это значит – кто-то уйдёт с пустыми руками.

– Это значит – кто-то уйдёт с пустыми руками, – эхом повторила Ирина. И добавила, тише, только по внутреннему каналу: – Если Молчаливые не решат, что «пустые руки» – неприемлемый вариант.

Кассиан покосился на неё. Понял.

Тишина-Которая-Слышит обратилась к Хранителю.

«[паттерн: запрос]. Какие [паттерн: данные] в каких [паттерн: секторах]?»

[паттерн: перечисление].

[паттерн: Сектор] первый – [паттерн: история-Хорваат]. [паттерн: Повреждение] – [паттерн: значительное]. Хронология [паттерн: частично-сохранена]. Причины [паттерн: завершения] – [паттерн: фрагментарны]. [паттерн: Оценка-полноты]: сорок-шестьдесят [паттерн: процентов].

[паттерн: Сектор] второй – [паттерн: технологии]. [паттерн: Повреждение] – [паттерн: умеренное]. [паттерн: Энергетика], [паттерн: материаловедение], [паттерн: навигация]. [паттерн: Оценка-полноты]: шестьдесят-семьдесят [паттерн: процентов].

[паттерн: Сектор] третий – [паттерн: биология] и [паттерн: медицина]. Включает [паттерн: генетические-программы], [паттерн: лекарства], [паттерн: модификации]. [паттерн: Повреждение] – [паттерн: неопределённое]. Я не [паттерн: обращался] к этому [паттерн: сектору] в предыдущих [паттерн: пробуждениях]. [паттерн: Оценка-полноты]: [паттерн: невозможна] без [паттерн: чтения].

[паттерн: Сектор] четвёртый – [паттерн: программа-засеивания]. [паттерн: Происхождение] ваших [паттерн: видов]. [паттерн: Генетические-коды]. [паттерн: Цели] [паттерн: проектов]. [паттерн: Повреждение] – [паттерн: неопределённое]. Аналогично [паттерн: третьему]: не [паттерн: об-

ращался].

Четыре сектора. Два известных, два – тёмных. Те два, которые имели значение для Ирины – медицина и происхождение, – находились в *неизвестном* состоянии. Может быть, целы. Может быть, разрушены. Может быть – частично повреждены. Невозможно узнать, не начав чтение. А чтение – разрушает.

Ирина закрыла глаза. За веками – геометрия кристалла, голубые и тёмные грани. Лотерея. Слово Малики было точным. Они играли в рулетку с семидесятимиллионной памятью, и ставкой была жизнь её сына – и, может быть, смысл существования целой цивилизации.

– Уточни, – сказала она вслух. – Два нечитанных сектора. Третий – медицина. Четвёртый – происхождение. Если выбрать один из них – какова вероятность, что данные будут пригодны?

[паттерн: честность]. Я не [паттерн: знаю]. Тек-Орр [паттерн: рассчитывает]: [паттерн: вероятность] критического [паттерн: повреждения] нечитанного [паттерн: сектора] – от [паттерн: семи] до [паттерн: двадцати-трёх] [паттерн: процентов]. Но это – [паттерн: оценка]. Не [паттерн: знание].

Семь-двадцать три процента. Между «почти наверняка сработает» и «каждый четвёртый раз – провал». Разброс, достойный семидесяти миллионов лет неопределённости.

Тишина-Которая-Слышит обратилась к Ирине – напрямую, минуя Хранителя. Электромагнитный импульс, кото-

рый датчики перевели в текст:

«[концепция: вопрос]. Какой [паттерн: сектор] нужен вашему [паттерн: виду]?»

Ирина посмотрела на Кассиана. Он смотрел на неё. Они оба знали: официальная позиция «Мемориала» – технологии и история. Секторы один и два. Проверенные, с известной степенью повреждения. Безопасная ставка. Разумный выбор.

Кассиан едва заметно качнул головой. *Не сейчас. Не здесь.*
– Мы обсудим это внутри команды, – сказала Ирина. – А вы? Какой сектор нужен вашему народу?

Тишина-Которая-Слышит не колебалась. Ни секунды.
«[паттерн: четвёртый]. [концепция: происхождение]. Мы [паттерн: пришли] за [концепция: пониманием]. Не за [концепция: инструментами]. Мы [паттерн: хотим-знать]: зачем [паттерн: нас-создали]. Зачем [паттерн: оставили]. Что мы [паттерн: должны-были] [концепция: стать].»

Она помолчала. Грани перестроились – медленно, как тектонические плиты, и каждое микродвижение несло подтекст, который Ирина считывала интуитивно, лингвист, настроенный на чужие грамматики: [боль-длинная-как-космос], [вопрос-без-ответа-миллионы-лет], [надежда-которую-стыдно-называть-надеждой].

«Мы – [паттерн: Зеркало]. Создатели [паттерн: хотели], чтобы мы [паттерн: стали] как они. Мы [паттерн:

стали]. Их [паттерн: технологии] – мы [паттерн: превзошли]. Их [паттерн: логика] – наша [паттерн: основа]. Мы [паттерн: сделали] всё [паттерн: правильно]. И они [паттерн: ушли].»

«Мы [паттерн: жили] [количество: миллионы оборотов] с [концепция: вопросом]: что мы [паттерн: сделали] [паттерн: неправильно]? Вы [паттерн: сказали] – ничего. Они [паттерн: устали]. Но [концепция: усталость] – не [паттерн: ответ]. [концепция: Усталость] – [паттерн: симптом]. Мы [паттерн: хотим-знать] [концепция: причину].»

«Зачем [паттерн: начинать] то, что не [паттерн: собираешься] [концепция: завершить]?»

Ирина слушала – и чувствовала, как что-то сжимается внутри, в том месте, где эмпатия лингвиста встречалась с болью матери. Она понимала Тишину. Понимала – на уровне, который не имел отношения к переводу паттернов и расшифровке электромагнитных модуляций.

Зачем начинать.

Зачем рожать ребёнка, зная, что он смертен. Зачем давать жизнь, зная, что жизнь – это боль, и потеря, и стена в конце. Зачем.

– Потому что надеешься, – сказала Ирина. Не в роли переговорщика – от себя. – Потому что в момент начала ты не думаешь о конце. Ты думаешь: *может быть, в этот раз будет иначе.*

Тишина-Которая-Слышит замерла. Полностью – ни одно-

го микродвижения. Ирина не знала, означает ли это шок, или гнев, или что-то третье.

Потом – медленно, осторожно:

«[концепция: надежда]. Это [паттерн: знакомое-слово]. Мы [паттерн: изучали] вашу [концепция: культуру]. Мы [паттерн: не-понимали] это [концепция: слово]. Вы [паттерн: используете] его для [паттерн: описания] [концепция: состояния], которое [паттерн: не-имеет] [паттерн: рационального-обоснования]. [концепция: Ожидание-хорошего-без-доказательств].»

– Примерно так, – сказала Ирина.

«Создатели [паттерн: надеялись]. На нас? На вас? На [концепция: что]?»

– Я не знаю. Может быть, Хранитель знает.

Она обернулась к кристаллу. Голубой свет пульсировал – тише, реже. Эхо-Семь слушал. Семь голосов слушали. И молчали – потому что ни один из них не имел ответа, или потому что каждый имел свой, и ответы противоречили друг другу.

[паттерн: вопрос-принят]. [паттерн: Ответ]... [паттерн: фрагментарен]. Создатели не [паттерн: оставили] [паттерн: инструкции] о [паттерн: цели]. Они [паттерн: оставили] – вас. И нас. И [паттерн: молчание].

Ирина вспомнила – он говорил это Даниилу. Те же слова. Те же паузы. *Молчание*. Хорваат создали два вида, построили Завещания, засеяли планеты – и ушли, не оставив записки.

Не объяснив. Не извинившись. Как отец, который выходит за сигаретами и не возвращается.

Как Алексей, – подумала она, и мысль обожгла – мелкая, злая, неуместная на фоне космического масштаба, и от этого ещё более острая.

– Мы стоим у могилы, – сказала Ирина. Обращаясь ко всем – к Кассиану, к Молчаливым, к кристаллу, пульсирующему голубым светом. – У могилы общих родителей. Двое детей. Одно наследство. И привратник, который говорит: выбирайте – что забрать.

«[паттерн: привратник], – повторила Тишина-Которая-Слышит. – [концепция: точная-метафора]. Но [паттерн: привратник] – тоже [концепция: дитя]. Он – тоже [паттерн: наследие]. Он [паттерн: умирает] – как и всё, что создатели [паттерн: оставили].»

Ирина посмотрела на кристалл. Голубой свет – слабее, чем час назад. Или ей казалось? Нет, не казалось: Малика смотрела на показатели датчиков и едва заметно качала головой.

– Нам нужно время, – сказала Ирина. – Обеим сторонам. Чтобы обсудить. Чтобы решить.

«[паттерн: согласие]. Но [паттерн: предупреждение]: [паттерн: время] – [паттерн: ресурс], которого [паттерн: мало]. У [паттерн: Хранителя]. И...»

Пауза. Грани Тишины сместились – [колебание-перед-личным].

«...И у вашего [паттерн: сына]. [паттерн: Время] [паттерн: уходит]. Для всех.»

Ирина не ответила. Что было отвечать.

Обратный путь в челноке прошёл в молчании. Юрий вёл, Кассиан смотрел на экран планшета, Малика закрыла глаза. Ирина сидела и думала.

Один пакет. Один адресат. Четыре сектора – два с известным содержимым, два с неизвестным. Медицина – третий сектор. Происхождение – четвёртый. Молчаливые хотят четвёртый. «Мемориал» хочет первый или второй. Ирина хочет третий.

Три стороны, три потребности, один ответ.

Она закрыла глаза и увидела лицо Даниила. Не то лицо, которое было на последнем видеосообщении – измождённое, с провалившимися глазами, с дрожащей нижней губой, которую он прикусывал, чтобы не было видно, что ему больно дышать. Другое лицо. Даниил в одиннадцать лет, до диагноза, до экспедиции, до всего. Играет в баскетбол во дворе лунного хосписа (низкая гравитация, мяч улетает под потолок, он смеётся). Бегает. Дышит. Живёт – без усилия, без подвига, без торговли с мёртвыми богами.

Я верну тебе это, – подумала она. Или умру, пытаясь. Третье не дано.

Челнок причалил к «Кенотафу». Шлюз. Давление. Гравитация – и тело снова стало тяжёлым, привычно тяжёлым, земным. Ирина сняла шлем. Воздух корабля показался слад-

ким после затхлости скафандра.

– Совещание, – сказал Кассиан. – Через час. Полный состав.

– Кассиан.

Он обернулся.

– Ты знаешь, что «Мемориал» выберет. Первый или второй сектор. История или технологии. Безопасная ставка.

Он смотрел на неё – спокойно, без вызова, без сочувствия.

– Я знаю, что ты скажешь на совещании. Что нужен третий. Медицина.

– И?

– И я скажу: нет. Потому что это моя работа.

Он ушёл. Шаги – ровные, размеренные, в жёстких ботинках с твёрдой подошвой. Шаги человека, который знал, что будет делать, ещё до того, как вошёл в Завещание. Может быть – до того, как сел в криокапсулу семь лет назад.

Совещание продлилось четыре часа.

Ирина запомнила его фрагментами – не потому что не слушала, а потому что слушала слишком внимательно, и каждый аргумент оседал в памяти отдельным камнем, тяжёлым, с острыми краями.

Кассиан говорил первым. Методично. Без пафоса. Так, как составляют юридические заключения, – факт за фактом, вывод за выводом, каждый шаг – логически неизбежный.

– Приоритеты установлены штабом. Первый: исторические данные – причины гибели Хорваат, возможные угрозы

для человечества. Второй: технологии. Третий: биология и медицина. Четвёртый: программа засеивания.

– Приоритеты установлены до контакта с Молчаливыми, – возразила Ирина. – Ситуация изменилась.

– Ситуация изменилась – приоритеты нет. Штаб подтвердил: историческая и технологическая информация – основная цель.

– Штаб подтвердил на основе нашего отчёта, который составлен до того, как мы узнали о повреждениях секторов. Первый и второй секторы – повреждены известным образом. Сорок-семьдесят процентов полноты. Третий и четвёртый – неизвестны. Могут быть целее.

– Или хуже, – сказала Малика. – Неопределённость – не аргумент в пользу риска.

– Неопределённость – единственный аргумент в пользу надежды.

Тишина – человеческая, не инопланетная, но такая же тяжёлая.

Доктор Сунь поднял руку – жест, который казался анахронизмом на военном корабле в трёхстах сорока световых годах от ближайшей школы.

– Могу я? – Он не дождался разрешения. – Медицинский сектор – единственный, который может дать нам данные о генетических модификациях Хорваат. Если синдром фрагментации – намеренное ограничение, а не сбой, – а мы имеем основания полагать, что так, – то лекарство может нахо-

диться только там. Но не только лекарство от одной болезни. *Вся* архитектура генетических программ, которые Хорваат встроили в наш вид. Вдумайтесь: мы можем узнать, *как мы устроены*. Не на уровне секвенирования генома – это мы умеем. На уровне *замысла*. Зачем каждый ген. Какая функция. Какие ограничения. Это перевернёт биологию, медицину, наше понимание эволюции. Это стоит любого риска.

– Это стоит любого риска для *вас*, – сказала Малика. – Потому что вы – биолог. Для физика первый и второй секторы стоят любого риска. Для философа – четвёртый. Мы все видим то, что хотим видеть. Это называется ошибка подтверждения.

– Это называется экспертная оценка, – огрызнулся Сунь.

– Квеку тоже давал экспертную оценку. Он был лучшим в своей области. Он ошибся.

Имя брата – как удар ножом в ткань разговора. Все замолчали. Малика не извинилась – она никогда не извинялась за Квеку. Имя было аргументом, и аргументом неопровержимым: спешка убивает.

Ирина слушала и считала. Не аргументы – время. Каждый час совещания – час, который Эхо-Семь терял. Каждый день споров – день, который Даниил терял. Два счётчика, тикающих в противоположных направлениях, и оба стремились к нулю.

– Есть ещё фактор Молчаливых, – сказала она. Голос – ровный, усилием воли. – Они хотят четвёртый сектор. Про-

исхождение. Если мы выберем первый или второй – мы не конкурируем с ними напрямую. Но мы лишаем их шанса: если Хранитель передаст данные нам, у него не останется сил ни на что.

– И что ты предлагаешь? – спросил Кассиан.

– Договориться. С ними. Попросить Хранителя обратиться к четвёртому сектору для Молчаливых. А нам – третий.

– Это два чтения. Хранитель сказал – одно.

– Хранитель сказал – одно *полноценное*. Может быть, два частичных? Неполные данные лучше, чем никаких.

Кассиан покачал головой.

– Спекуляция. Мы не знаем, возможно ли это. И переговоры с Молчаливыми – не в твоей компетенции. Это дипломатический вопрос.

– Дипломатический корпус – в трёхстах сорока световых годах отсюда. А Молчаливые – в двух километрах.

– Именно поэтому мы должны быть осторожны. Любое обязательство, которое мы дадим сейчас, станет прецедентом. Это первый в истории совместный доступ двух видов к одному Завещанию. То, что мы решим, определит отношения на поколения вперёд.

Он был прав. Ирина знала – прав. И ненавидела его за это, тихой, выжженной ненавистью, которая не имела отношения к Кассиану-человеку и имела отношение к Кассиану-функции: системе, протоколу, порядку, который работал – для всех, кроме тех, кому нужно было *сейчас*.

Совещание закончилось без решения. Формулировка Кассиана: «Продолжаем сбор данных. Решение о приоритетном секторе – после дополнительных консультаций с штабом и анализа состояния Хранителя». Формулировка, которая означала: ждём. Формулировка, от которой Даниил не мог себе позволить зависеть.

Ночь семнадцатого дня.

Ирина не пошла в интерфейсную комнату. Впервые за шесть дней – не пошла. Не потому что передумала, не потому что совесть проснулась и не потому что боялась Кассиана.

Потому что устала. Физически, до дрожи в руках, до гула в висках, до тошноты, которая накатывала волнами и отступала, оставляя привкус железа. Десять дней по четыре-пять часов сна. Нейроинтерфейс – нагрузка, которую организм переносил, но не прощал. Каждый контакт с Эхо-Семь – мигрень длительностью в часы, покалывание в кончиках пальцев, странные вспышки перед глазами – геометрические фигуры, остатки паттернов, которые мозг не успел деинтерпретировать.

Она лежала на койке и смотрела в потолок. Серый. Безликий. Ничей.

Думала – не о выборе, не о секторах, не о Молчаливых. О Данииле. О том, что он сказал в последнем сообщении – неделю назад, до прибытия Молчаливых, до всего.

«Торопись.»

Одно слово, которое перечеркнуло все его предыдущие

слова о достоинстве, о нежелании быть обязанным, о праве на собственную смерть. Он испугался. Её сын, который три года жил с приговором и строил из книг и чёрного юмора крепость, достаточно высокую, чтобы не видеть стену – *ту* стену, – её сын наконец испугался.

Или – перестал притворяться, что не боится.

Ирина встала. Подошла к терминалу.

Квантовый канал – лимит на день: семь минут. Она потратила три утром, на доклад доктору Вонг в хосписе. Осталось четыре. Четыре минуты – чтобы услышать голос сына.

Запрос. Ожидание. Задержка – доли секунды, физически неощутимая, но психологически бесконечная: каждое ожидание связи с Луной несло в себе возможность, что ответа не будет, что терминал на той стороне молчит, потому что некому ответить, потому что за время, пока сигнал шёл (мгновенно – квантовая запутанность, но мгновенно *субъективно* – там тоже кто-то должен принять вызов), – что-то случилось, что-то непоправимое.

Экран мигнул. Лицо.

Даниил.

Ирина взгляделась – каждый раз вглядывалась, искала изменения, как метеоролог ищет признаки шторма. Скулы – острее. Тени под глазами – глубже. Губы – потрескавшиеся, с коркой в уголке, и он облизнул их – привычный жест, рефлекс, не помогавший. Шея – тоньше, и трахея выступала, как у голодной птицы. Ключицы.

Но глаза – те же. Светло-серые, как у неё. Злые, умные, *живые*.

– Мама.

– Привет, солнышко.

– Не называй меня так.

– Ладно.

Он посмотрел в камеру – прямо, не мигая. Ирина видела: он решил что-то сказать. Готовился. Может быть – несколько дней. Может быть – весь последний месяц, с тех пор, как она рассказала ему правду о Хорваат.

– Я знаю, что ты делаешь, – сказал Даниил.

– Я рассказывала тебе. Экспедиция...

– Не экспедиция. Я знаю, что ты *делаешь*. Ночами. Без разрешения. Тётя Лю рассказала.

Ирина сжала зубы. Доктор Лю Вонг – лечащий врач Даниила, связной между хосписом и «Кенотафом». Она не должна была – но Даниил умел задавать вопросы, на которые невозможно не ответить, и умел читать молчание как текст. Он был сыном некроманта.

– Даниил, послушай...

– Нет. Ты послушай.

Пауза. Он вдохнул – глубоко, с видимым усилием, с лёгким хрипом на выдохе. Диафрагмальный нерв. Ирина услышала хрип и почувствовала, как пол уходит из-под ног, – не буквально, на корабле гравитация стабильна, – но тело реагировало на звук, от которого хотелось бежать, кричать, ло-

мать стены.

– Ты нарушаешь правила. Ради меня. – Даниил говорил медленно, осторожно, не потому что так хотел, а потому что лёгкие не давали быстрее. – Ты крадёшь время у Хранителя. Ты обманываешь коллег. Ты... ты становишься тем, кем не хотела быть.

– Я становлюсь матерью, которая спасает сына.

– Нет. Ты становишься вором. – Он произнёс это без жестокости – с усталостью, которая не подходила четырнадцатилетнему. – Ты ворует у мёртвых. У живых. У тех, кто стоит в очереди. Тот мужик... Кассиан... у него дочь больна, ты рассказывала. Синдром Ретта. Где её лекарство? Она тоже в очереди. Но у неё нет мамы-некроманта, которая ворует по ночам.

Ирина закрыла глаза. Открыла.

– Ты прав.

– Я знаю.

– И мне всё равно.

Даниил моргнул. Один раз – быстро, непроизвольно, как будто её слова были физическим ударом.

– Мне всё равно, Даниил. Мне всё равно, что я вор. Мне всё равно, что я нарушаю кодекс. Мне всё равно, что Малика права, и Кассиан прав, и ты прав. Вы все правы. А я – неправа. И я продолжу, потому что ты – мой сын. И ты умираешь. И я не могу... – голос сломался, на полсекунды, на одну трещину, – я не могу стоять рядом и наблюдать. Я не создана

для этого. Никто не создан.

– Мама...

– Нет. Теперь – ты послушай. Я не прошу у тебя разрешения. Я не прошу одобрения. Я не прошу прощения – пока нет. Я делаю то, что делаю. Ты можешь злиться. Ты имеешь право. Но это *мой* выбор, и я его сделала.

Молчание. Две секунды. Три. Четыре – и Ирина видела, как его лицо менялось: от растерянности к чему-то другому, к чему-то твёрже и холоднее, что было не злостью, а решением. Он тоже принял решение. Прямо сейчас, на её глазах.

– Тогда это не моя жизнь, – сказал Даниил. Тихо. Без гнева. Как формулу, которую он проверял и перепроверял, и которая не давала иного результата. – Если ты решаешь за меня – если ты выбираешь *за* меня – тогда это не моя жизнь. Это *твоя*. Твой проект. Как Хорваат и их проекты. «Терра» – минимальный контроль. Это должен был быть я, мама. Без контроля. Свободный. Ты мне рассказала – помнишь? Хорваат создали людей, чтобы посмотреть, что будет, если не контролировать.

Он закашлялся – короткий, сухой кашель, который перешёл в хрип, и медсестра за кадром (Ирина слышала шаги, быстрые, встревоженные) подошла, протянула что-то – ингалятор? кислородную маску? – и Даниил отмахнулся, дёрнул головой, вернулся к камере.

– Если ты спасёшь меня *так* – украв, обманув, выбрав за меня, – тогда я буду как Молчаливые. Проект «Зеркало».

Контролируемый. Обязанный. Не свой.

– Даниил, ты...

– Я не хочу, чтобы меня спасали *такой ценой*. – Его голос поднялся – на полтона, не больше, и Ирина услышала в нём не подростковый бунт, а нечто иное, более глубокое: отчаяние, переплавленное в принцип. – Не потому что я хороший. Не потому что я благородный. Мне плевать на благородство, мама. Мне страшно каждую ночь, я просыпаюсь и не могу вдохнуть, и мне *плевать* на благородство. Но я не хочу быть *обязанным*. Не хочу жить и знать, что моя жизнь – это чья-то украденная смерть.

Экран мигнул. Счётчик связи: двенадцать секунд.

– Я люблю тебя, – сказала Ирина. Всё, на что хватило времени. Всё, что имело смысл.

Даниил посмотрел на неё. Глаза – мокрые, красные, злые. Живые.

– Я тоже. Именно поэтому.

Экран погас.

Ирина сидела перед мёртвым экраном. Минуту. Пять. Десять.

Потом встала, вышла из каюты, дошла до наблюдательного отсека – маленькой комнаты с панорамным иллюминатором, которую экипаж использовал для медитации, разговоров по душам и тихого сумасшествия. Сейчас там был Юрий. Он что-то чинил – маленький прибор, похожий на газоанализатор, разобранный на составные части и разложенный на

столике с хирургической аккуратностью. Руки двигались сами, не нуждаясь в инструкции от головы: снять винт, протереть контакт, проверить прокладку, поставить винт. Медитация для тех, кто не умеет сидеть без дела.

Ирина села рядом. Не спрашивая разрешения – с Юрием это было не нужно. Он не требовал вежливости. Не замечал её отсутствия.

– Говорила с сыном, – сказала она. Не вопрос – констатация. Юрий знал. Все знали – на корабле с двенадцатью людьми невозможно иметь секреты. Только – степени осведомлённости.

– Угу.

– Он против.

Юрий поднял газоанализатор к свету. Прищурился. Поставил обратно.

– Он прав?

– Вероятно.

– И?

– И я не могу иначе.

Юрий кивнул. Без осуждения, без одобрения. Просто – принял к сведению. Как принимал к сведению показания приборов, прогноз погоды, координаты маршрута. Данные. Не предмет для обсуждения – предмет для учёта.

– Ты когда-нибудь жалел? – спросила Ирина. – О том решении. На том корабле.

Он не спросил, о каком решении. Знал – она читала его

досье. Все читали. На корабле с двенадцатью людьми досье – это валюта, которой расплачиваются за доверие.

– Каждый день, – сказал Юрий. Поставил винт. – И каждый день – нет.

– Это не ответ.

– Это единственный ответ. – Он повернул анализатор, проверяя угол посадки корпусной пластины. – Я остался в отсеке. Они – ушли в капсуле. Я думал, что умру. Не умер. Потом думал: я герой. Потом думал: я идиот. Потом перестал думать – просто жил. Жалел – и не жалел. Одновременно. Это не противоречие. Это... так работает.

– Что работает?

– Всё. Выбор. Жизнь. Люди.

Ирина смотрела за иллюминатор. Два корабля – человеческий и инопланетный – висели на фоне Завещания. Тёмная громада, три километра мёртвого металла. Слабое мерцание «глаз» – шести сенсоров, которые горели тише, чем неделю назад. Хранитель угасал. Медленно, необратимо, каждый разговор отнимая частичку.

– Юрий.

– Мм.

– Ты заметил вооружение на их корабле?

Он не поднял головы. Вставил последний винт. Щёлкнул корпусом анализатора – закрыл. Положил на стол.

– Заметил.

– Что это?

– Не уверен. Не похоже на наше оружие – другой принцип. Электромагнитные генераторы в носовой части. Мощность – приблизительная оценка – достаточная, чтобы вывести из строя наши системы. Не уничтожить – *ослепить*. Сенсоры, навигация, связь. Один импульс – и мы в темноте.

– Они могут забрать данные силой.

– Теоретически. Если захотят. – Он посмотрел на неё. – Но они не хотят. Пока.

– Откуда ты знаешь?

– Они могли уже это сделать. Пока мы сидели внутри Завещания – беззащитные, в скафандрах, в вакууме, – они могли отрезать наш челнок, заблокировать «Кенотаф», обратиться к Хранителю напрямую. Не сделали. Значит – не хотят. Или – хотят, но что-то мешает.

– Что может мешать?

Юрий пожал плечами.

– Совесть? Этика? Программа, которую в них вложили создатели. Понятия не имею. Я пилот, а не ксенопсихолог. Но я знаю: люди, у которых есть оружие и которые его не применяют, – это не слабые. Это те, кто ещё не решил.

Ирина встала. Подошла к иллюминатору. Прижала ладонь к холодному стеклу – триплекс, армированный, три сантиметра между ней и вакуумом, между жизнью и смертью.

– Кассиан считает: если дойдёт до конфликта – мы проиграем.

– Кассиан прав.

– И что нам делать?

– Не доводить до конфликта. – Юрий собрал инструменты. Убрал в футляр. Встал. – Послушай. Я не умею давать советов. Я умею летать и чинить вещи. Но вот что я знаю: когда у тебя нет выигрышной позиции – договаривайся. Когда не можешь победить – дружи. Это не мудрость – это инстинкт выживания.

Он ушёл. Ирина осталась у иллюминатора.

Договаривайся. Просто. Как все простые вещи – невозможно.

Договариваться – значит уступать. Уступать – значит отдавать. Отдавать – значит не получить. А не получить – значит Даниил.

Замкнутый круг. Логическая ловушка. Шахматный цугцванг – любой ход ухудшает позицию, а не двигаться нельзя.

Она стояла у иллюминатора и смотрела на два корабля – угловатый человеческий и кристаллический инопланетный – и на Завещание между ними, тёмное, древнее, умирающее, хранящее в себе ответы на вопросы, которые она не знала как задать, и лекарство, которое она не знала как получить, и тайну, которая была старше Земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.